

66.3(2)
К 89

ЛЕТОПИСЬ
РАБОЧИХ
ДИНАСТИИ

Н. КУЗНЕЦОВ

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

ЛЕТОПИСЬ
РАБОЧИХ
ДИНАСТИЙ

66,3(2)
K89

Н. КУЗНЕЦОВ

**КРУТЫЕ
ПОВОРОТЫ**

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

●

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1972

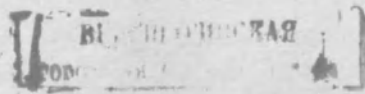
Большая рабочая династия Каменских со станции Верещагино из поколения в поколение верна своей «фамильной» профессии железнодорожников.

Документальная повесть журналиста Н. Кузнецова «Крутые повороты» рассказывает о жизненном и трудовом пути, о становлении рабочего характера Каменских.

Книга продолжает серию «Летопись рабочих династий».

Автор выражает глубокую благодарность товарищам, которые помогли ему в работе над книгой: Н. С. Бурдину, А. Н. Каменских, Б. М. Каменских, М. М. Кряжевских, В. Г. Кокорину (младшему), В. А. Корнилову, Д. Т. Леушину, Т. В. Мезенцевой, Ю. П. Онянову.

29346 н.ср.

1

— Снаряды кончаются-а!..

Пальто у Алешки распахнулось, мокрая запыленная снегом шапочка сползла на затылок, руки посинели.

— Шевелися! Давай снаряды!

По праву старшего он назначил себя командиром крепости. Потому-то Алешка и занимал самый главный пост — он находился на вершине холма, сложенного из больших, туго укатанных и отесанных лопатами снеж-

3

1*

ных комов. Подчиненные носили ему снежки, жгущие ладони, а он без устали бросал их по вражеской крепости, где держала оборону соседская улица под началом Генки Гусева.

В глубокие окопы снежки залетали редко, а вот Алешке доставалось больше всех. Снег слепил глаза, набился за шиворот, но Алешка и виду не показывал. Покрикивал на братьев, зорко следил за действиями противника.

А еще командир отвечал за знамя. На вершине крепости торчал тоненький колышек с красной тряпицею. Он уже накренился в сторону, тряпица закуржавела, подернулась снежной бахромой, и Алешка беспокоился — поправлять знамя по правилам игры не полагалось.

Володьке спокойнее: он отсиживался в резерве. Вот когда гусевцы бросятся в атаку, тогда-то он и встретит их нетронутым запасом снарядов.

У самого младшего воина — шестилетнего Герки — снежки получались неказистыми. Они походили больше на оладьи, а не на шары.

Алешка коршуном накинулся на него:

— Ты как лепишь? Как лепишь, говорю? Али в плен к белякам захотел?

Герка опустил руки, насупился. Психует старший брат! А в плен к белякам кому же охота?

— Шевелись! — Алешка опять уже возле знамени.

Гусевцы и сегодня должны были выйти с белым платком, подвязанным к колышку. По жребью им снова выпало быть белыми. Это все Алешка! То ли везло ему, то ли он на обман шел, только его команда белый платок даже не припасала.

— Ага! — радостно взвыл Алешка. Последний его удар оказался таким метким, что белое знамя аж подскочило.

Но не упало. Генка ловко подхватил его и с диким воплем кинулся в атаку.

— Володька! Огонь!

Полетели снежки в сторону гусевцев. Казалось, не выдержать им. Только не отступили гусевцы. Повернулись спиной к противнику, да так, пятясь, и двинулись на штурм Алешкиной крепости.

Кончился запас снарядов, а гусевцы — словно раки — все ближе и ближе! Выдернул тогда Алешка свое знамя и заорал что есть мочи:

— За мно-ой!

Началась рукопашная. Не всерьез, а так, понарошке, кто кого завалит. Алешка с Генкой, оба рослые, крепкие, возились долго: мешали знамена. Наконец Алешка изловчился, подсек Генкину ногу, повалил его на спину, придавил коленкой.

— Корми беляков снегом!

— Стой! Такого уговору не было! — Генка заерзал, пытаясь высвободиться.

И вдруг — как ахнуло! Где-то совсем рядом. Содрогнулась земля, с тревожным карканьем снялись с деревьев вороны.

— Белые идут, — вздохнул Алешка и поковырял пальцем в ухе.

Генка стряхнул шапку, вытер ладошкой покрасневшее лицо.

— Белые придут — белый хлеб принесут!

— Это кто тебе сказал? — уставился на него Алешка. — Ты по правде за белых, что ль? — Алешка приблизился к Генке вплотную.

— Да не-е... Только белого хлеба охота...

— Ах, тебе охота-а!

Быть бы драке, да вспугнул ребят женский крик:

— Алешка! Володька! Герка! А ну домой сейчас же! Поплелись братья к дому. Впереди — Алешка, разго-

ряченный, еще не отдышавшийся, за ним — Володька, прикрывая рукой то место на пальто, где недавно была пуговица. Последним семенил, пошмыгивая носом, Герка.

Увидев на пороге переваливавшихся в снегу сыновей, Мария Федоровна всплеснула руками.

— Бог ты мой, какие красавчики закатились! А ну-ка, марш отряхаться!

И сама, накинув шаль на голову, вышла на крыльцо.

— Ох, управы-то на вас нету... Бомбы уже рвутся, а они носятся... Будь отец дома, задал бы он вам! — приговаривала она, старательно стряхивая голиком снег с одежды сыновей.

А в избе, посреди стола, на деревянной подставке стоял прокопченный чугунок. От него исходило тепло и вкусно пахло вареной картошкой.

Чугунок быстро пустел: братья крепко умаялись. Мать молча посматривала на едоков и думала о том, что нелегко теперь ей одной, без мужа, прокормить таких молодцов. А когда вернется Михаил, кто знает... Время смутное, тревожное. Наперед загадывать боязно.

— Слыхали, как опять бабахнуло? — спросила она шепотом и глянула на кровать, где посапывал четвертый сын — трехлетний Николка. — Завтра в избе сидеть будете. Говорят, белые уже в Очер пришли...

— Мам, а верно, что белые, как придут, так белый хлеб с собой принесут? — тоже шепотом спросил Володька.

Алешка хмыкнул, а Мария Федоровна насторожилась.

— Ишь чего выдумали! Кабы черный-то не отобрали...

Ох, дети, дети! В трудное время вы на белом свете объявились. Революция, потом гражданская... Тут уж не до белого хлеба, не до сдобных булочек. Вот и бьет-

ся Красная Армия за свободу для народа, за белый хлеб для детей. Только трудно ей, наступает Колчак, не сегодня-завтра, глядишь, и в Верещагино зайвится. Как тогда с ребятишками-то мыкаться?

Она засветила лампу, отправила детей на полати. Потом поставила у печки потяжелевшие валенки сыновей, вымыла посуду, пришла пуговицу к Володькиному пальто, стала готовиться ко сну.

Подошла к покрытому вязаной салфеткой комоду. На нем потертая коробка с пуговицами, оцетинившаяся ежиком подушечка для иголок, маленькие побитые мраморные слоники, которые, по поверью, должны принести в дом счастье, небольшое прямоугольное зеркало.

Волосы расчесываются легко, свободно. Раньше они были погуше, даже, кажется, потемнее. На лбу и возле глаз появились морщинки-змейки... Каждый день смотря в зеркало, трудно подметить, что ты стареешь. Однако ж вот они, эти змейки — она провела рукой по лицу, — от них никуда не денешься. Годы нарисовали их, а обратно годы не воротишь. Да и когда перебежали они за тридцать, к себе уж не приглядываешься — не те думы, не те заботы.

А в девках, что и говорить, она была хороша собою. Многие очерские парни заглядывались. Околоточный — так тот прямо заявил: не примешь сватов — житья не дам. На это она отшучивалась, а когда и думала о замужестве, то другой к сердцу просился — мастеровой Михаил Каменских. Степенный, рассудительный, не чета гуляке околоточному.

Пожились с Михаилом. Пошли дети. В Верещагино переехали, где надрывно гудели диковинные машины — паровозы. Поначалу она пугалась свирепых гудков, по ночам просыпалась, а после пообвыкла. Ко всему привыкает человек... Так и она привыкла к беспокойной супружеской жизни. Наловчилась копейку беречь,

шить да стряпать. В каждодневных заботах и хлопотах много ль бабьего счастья! Да и какое оно, это счастье? Мир и согласие в семье, чтоб было что на стол накрыть, да чтоб на ребят хворь какая не напала — о чем еще мечтать?

Ребята — озорники, конечно, но растут послушными, слово отца — для них закон, а ее любят. Глядишь, через пяток зим помощниками станут, а там и к свадьбам готовиться...

Хорошо надеяться, хорошо загадывать, да не ко времени. Белые в Очере, Михаила рядом нету, и одно ясно — возвратится он тогда лишь, когда белых сгонят.

Мария Федоровна взяла карандаш, подошла к стене, где висел календарь, и поставила аккуратный крестик в третьем столбике, обозначающем месяц март, на числе 12. Еще один день прожит! Раньше так всегда делал перед сном Михаил, теперь и это — ее забота.

Она скинула платье, загасила лампу, поправила подушку под головой Николки, осторожно легла рядом с сыном.

Вдруг — бух, бух, бух! Чем-то тяжелым заколотили в дверь. Мария Федоровна чиркнула спичкой, быстро натянула на себя платье, кинулась к порогу.

— Кто такие? — крикнула в сени испуганным голосом.

— Отпирай, а не то двери вышибем! — послышалось со двора.

Проснулись Герка с Володькой. Внизу, на кровати, заголосил Николка.

В избу ввалилось четверо мужиков с винтовками. Мария Федоровна подбежала к кровати, схватила Николку на руки.

Один из мужиков — на плечах погоны, на боку шашка, под носом усики — неторопливо прошел к лампе, прибавил свету. Поглядел по сторонам.

— Небогато живете... У всех большевичков, что ли, так?

Ничего не ответила Мария Федоровна — качала на руках Николку. Офицер подошел к ней поближе.

— Да заткни ты ему глотку! Где мужик?

Тут Алешка разглядел в правой руке офицера витую плетку. Кубарем скатился с полатей, заорал:

— Дяденька, не трожь мамку!

Мария Федоровна перехватила его, прижала к себе. С полатей послышался рев Герки.

— Ишь, сколь змеенышей расплодила! Так будешь говорить, куда мужика дела?

Мария Федоровна зачастила скороговоркой:

— Откуда мне знать? Ушел в депо и не вернулся...

— Коммунистом был?

— Об этом не сказывал...

— Ладно. Ясное дело — раз старательный рабочий, значит, коммунист! — Офицер обернулся к своим. — Ну-ка, живо!

Здоровенный усатый мужик протопал к комоду. Дернул один ящик, другой. Самый большой мраморный слоник покачнулся, грохнулся на пол.

Двое других бросились к сундуку. Полетели по избе простыни, кофты, одежда ребятшек...

Успокаивая Николку, Мария Федоровна отрешенно следила за тем, что происходит. Сперва она подумала — палетчики ищут какие-то документы, бумаги. Но вот один из них расстелил на полу еще не старый полушалок. На него бросили ее выходное вишневое платье, сверху — серый суконный с четырьмя пуговками костюм и жилетку Михаила Степановича — тройку, пошитую еще ко дню свадьбы.

Офицер сидит на лавке, покуривает.

— Господин поручик! Во-о! — усатый протянул офицеру на ладони два обручальных кольца. — С пробою!

Не сдержалась Мария Федоровна, заплакала. Поручик сунул кольца в карман брюк, гаркнул мужикам:

— Поторапливайтесь!

Покрутил плеткой.

— Где Ксения Луговская живет?

Мария Федоровна всхлипывала, отвернувшись к стенке.

— Ладно, отыщем. Если б не змееныши, я б тебе показал... — поручик грязно выругался. — По коням!

Выбежали и даже дверь в избу не затворили.

...Не спали в ту тревожную мартовскую ночь в Верещагино. Едва заглохла перестрелка, принялись белые по поселку рыскать. Арестовывали мужчин и женщин — всех, помогавших большевикам Советскую власть ставить. Видно, кто-то заранее составил и подсунил теперь колчаковцам списки коммунистов, активистов, семей красноармейцев.

Не спал и священник Григорий Орлов. Седовласый, поджарый, стоял он, пригнувшись, босой у окна, всматривался в ночную темень. Видел, как спешились возле дома Каменских верховые.

Священник нервно теребил бороду, шептал по привычке:

— О господи, пронеси беду стороною! Пощади мя, грешного!

Святому отцу бояться белых вроде бы не пристало. Однако ж в такую смутную пору, считал он, всякое может приключиться. Обул Григорий Орлов на босу ногу катанки, накинул на плечи шубу. Вышел во двор, спустил с цепи растревоженного пса. «На всякий случай. Прости, господи!»

Вернулся в избу, не раздеваясь, подошел к окну. «Пошто они к Михаилу сунулись? Пособить бы мужику — семья одна осталась».

Он хорошо помнил, как осенью Михаил Каменских помог ему управиться с дровами. От оплаты отказался, сказал только:

— Ты, Григорий, хоть и поп, а сосед все ж таки. А меж соседей каки могут быть счеты?

Утром к Марии Федоровне пришла Пономарева, соседка. Узнав о ночном набеге, повздыхала, поохала, пробовала утешить.

— Не горюй, Марья, не ты одна пострадала. Говорят, Луговской Ксении Андреевне руки скрутили, уели, а в доме все вверх дном перевернули.

Мария Федоровна осунулась, под глазами — темные полумесяцы.

— Вещи — дело наживное. А вот ребятишек напужали до смерти — они ж малые... Николка — так тот прямо дрожал у меня на руках.

— Ну и что ж с того? Пришел испуг и ушел. Вон они орлы какне! А от вещей ты, Марья, не отступайся. Когда еще наживете-то? Иди к самому генералу ихнему, скажи — так и так, мол, не положено грабить честной народ. Иди — и думу не думай. Что это за власть така мародерская? Да ко мне пришли б, я бы их ухватом... Давай, давай, собирайся, пока далеко вещи не упрятали. Слышала: в доме Грязнова все ихнее начальство обобновалось...

Возле дома Грязнова уже толпились женщины, старики. Озабоченные, с воспаленными глазами. Несмело переговаривались, подгалкивали друг друга ко входу в дом, где поблескивали штыки часовых. Два солдата в долгополых шинелях прикатали пулемет, установили его рядом с часовыми.

Толпа зашумела: «Это к чему жа? Мы ведь только справится!»

Появился молодой офицер с бумагой в руке. Напрягая голос, выкрикнул:

— Тех, кто пришел узнать о судьбе задержанных родственников, прошу разойтись. Сейчас ведется разбирательство. Закончится оно к вечеру. Невинные будут отпущены.

Офицер прошагал к углу дома, старательно наклеил бумагу на стену, так же быстро вернулся к пулеметчику, шепнул им что-то и скрылся в доме.

Люди потянулись к бумаге. Задние напирали.

— Да читай кто-нибудь! Чего там?

Первые лучи тускловатого мартовского солнца хорошо освещали отпечатанный в типографии текст объявления.

Стоявшая впереди девушка в сером платке громко — чтоб всем было слышно — прочла:

— «За укрывательство коммунистов, красноармейцев — расстрел, за хранение оружия — расстрел, за появление на улицах после восьми часов — расстрел».

Девушка отдышалась и добавила:

— «Генерал Пепеляев. Тринадцатого марта тысяча девятьсот девятнадцатого года».

Люди стали молча расходиться.

Мария Федоровна немного потопталась и вдруг — откуда и смелость взялась — направилась к часовым.

— Мне к генералу Пепеляеву.

Появился офицер, наклеивший объявление.

— Дамочка, я же ясно сказал — идет разбирательство. Кто у вас задержан?

— Никто. Мне к генералу Пепеляеву по... личному вопросу.

— Ах, по личному... — Офицер ухмыльнулся. — Сейчас доложу.

Ее провели на верхний этаж, приоткрыли дверь в какую-то комнату. За столом сидел грузный офицер с сединой на висках, листал бумаги, прихлебывая крепко заваренный чай из стакана. Увидев Марию Федоровну,

отодвинул стакан, вышел из-за стола, любезно предложил сесть.

— Генерал Пепеляев не прибыл. Что у вас? Кто вы? «Какой вежливый, а ночью тоже, поди, разбойничал!» — подумала Мария Федоровна.

На оконном стекле мороз нарисовал за ночь листы диковинных растений. Под утро старательно истопили печи. В комнате было душно. Глядя, как тают тонюсенькие жилки на оконных листьях, Мария Федоровна неохотно рассказала о том, что произошло ночью в ее доме.

Офицер отхлебнул из стакана, потер щеку.

— Видите ли, по всей вероятности, это был какой-то карательный отряд, который непосредственно нам не подчинен. Тем не менее, позвольте от лица командования выразить вам... э-э... сочувствие. Самое искреннее... Составьте опись исчезнувших вещей, мы примем надлежащие меры. Хотя... — он немного помедлил, — лично я не могу дать вам гарантию, что вещи отыщутся. Впрочем, не отчаивайтесь и будьте уверены, порядок в поселке мы наведем.

Мария Федоровна вспомнила про объявление. «Да, порядок-то вы наведете...» Поднялась со стула.

— Одну минуточку, — офицер поднял руку. — Утром к нам приходил священник Орлов. Он поручился за вас и рассказал, что вашего мужа, деповского рабочего, коммунисты насильно угнали в Вятку. Это правда?

Мария Федоровна пожала плечами. По листьям диковинных растений прокатилась крупная капля и разбилась о подоконник.

— Ну, хорошо-с! Я полагаю, вы не станете возражать, если мы определим к вам на квартиру одного нашего офицера. У вас большая семья, ну и, понятно, ребяташек кое-что будет перепадать с офицерского стола...

Вспыхнула Мария Федоровна.

— Спасибо за заботу! Ребята без подачек прокормятся. А господина офицера нам и положить некуда — лишних кроватей не имеем.

— Наши боевые офицеры привыкли жить без комфорта. А кровать доставим. Значит, договорились. — Он встал и взял в руки бумаги — разговор, мол, окончен.

Свежий морозный воздух не охладил разгоряченное лицо Марии Федоровны. Щеки так и пылали. Ну и Григорий! Вот удружил! Постояльца белого только еще не хватало! А что люди скажут? Приютила, мол, Мария колчаковского героя. Поди, и сплетничать начнут. У баб язык острый, что жало — уколает, болеть долго будет. Послушалась сдуру Пономареву, не надо было и ноги совать в дом Грязнова.

Дома она строго-настрого наказала ребятам:

— Станет у нас жить постоялец, офицер ихний, так знайте: чтоб никто никакую его еду пальцем не тронул. Пряники али конфеты станет совать — не брать. Понятно?

Как не понять! Володька спросил только:

— Мам, а он тоже с плеткой будет?

Постоялец, высокий офицер лет двадцати пяти, появился в полдень. Володька и Герка шарахнулись за печку. Офицер представился:

— Я горный инженер. Сейчас нахожусь на военной службе. Зовите меня Владимиром.

Он быстро прошел к столу, развязал тесемку вещевого мешка. На столе появились какие-то кульки, несколько банок консервов и — ребята, высунувшись из-за печки, затаили дыхание — буханка белого хлеба. Она была мягкая, даже пышная — пальцы офицера оставили на ней неглубокие округлые вмятины.

Мария Федоровна стрельнула глазами в сыновей, и они спрятались за выступом печки.

Офицер доставал книги — толстые, обернутые в газету.

— А вот это, — он отделил один кулек от других, — гостинцы детишкам — конфеты.

— Оставьте их себе, господин инженер. Мои дети к конфетам не приучены — зубы у них болят.

Офицер пристально поглядел на Марию Федоровну.

— Что ж, дело ваше. Я сейчас уйду. К вечеру попрошу приготовить что-нибудь на ужин. И еще раз прошу называть меня Владимиром. Если угодно, Владимиром Петровичем.

Ушел.

Мария Федоровна задумчиво смотрела на оставленные офицером съестные припасы.

Володька с Геркой уже вертелись возле стола.

Она сдернула с крючка полотенце, закрыла им хлеб, чтоб ребятам глаза не мозолил.

— Мам, а у меня зубы давно-о уже не болят, с тех пор, как выпал один. — Володька состроил хитрую-прехитрую рожицу.

— Хватит об этом. Это все ворованное. Кто только немного попробует — зубы так разболются, что хошь на стенку лезь!

Герка почесал затылок.

— Мам, а дядинька сразу после ужина на стенку полезет?

Алешка захохотал, аж на лавку повалился. Глядя на него, засмеялись Володька с Геркой. Улыбнулась и Мария Федоровна.

— Ну, ну, чего развеселились-то?

Алешка вытер кулаком слезы, увидел на столе книги, посерьезнел. Открыл корочку первой, прочел вслух:

— Вейсбах. Практическая механика... Мам, что это такое? А тут что? «Горный журнал». А эта? Мам, это стихи Лермонтова!

Он открыл книжку на середине, начал читать, слегка запинаясь:

И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последневал!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча...

— Мам! — не выдержал Володька. — А он белый был — этот... ненавистник-то?

— Какой белый! Человек был — две ноги, две руки. — И она отобрала у Алешки книгу. — Чужие вещи нельзя без спроса брать.

— Ух ты! — Алешка перевел дух. — Здорово как! «Прямо в левый висок со всего плеча...»

В сених кто-то завозился. Отворилась дверь — Генка Гусев, румяный, словно яблоко.

— Здрасьте! Алешка! Иди-ка сюда!

Алешка подошел не спеша, вразвалочку: он еще дулся на Генку за последний снежный бой.

Генка притянул к себе голову Алешки.

— Айда денщика нашего постояльца смотреть! Алешка направился к вешалке:

— Мам, мы пошли с Генкой бегать!

Мария Федоровна глянула в окошко.

— Далеко не ходите, у дома бегайте. А Володьку не пушу, жар у него.

Дорогой Генка рассказывал захлебываясь:

— А к нам постояльца поставили, офцера... И денщик у него есть.

— К нам тоже офицер пришел, — перебил его Алешка, — инженером зовется. Книжку Лермонтова принес...

— С денщиком?

— Не-е... Один.

— Ну, так то не настоящий... А вот наш денщик

смешной такой: в избе жарко, а он полушубок не скидывает...

Возле Генкиного дома они услышали неторопливую ругань и хлесткие удары, как выстрелы из пугача. Ребята притаились у ворот, заглянули в щелку меж досок. Рослый офицер в одном мундире остервенело хлестал по спине нагайкой съжившегося солдата в коротком поношенном полушубке, визгливо приговаривал:

— Я тебе покажу, свиное рыло, как положено службу нести! Я научу тебя офицеров уважать!

На конце нагайки виднелся железный шарик — он-то и стрелял, как пугач, после каждого удара.

Алешка шепнул Генке:

— Понял теперь, пошто твой денщик все в полушубке ходит? Чтоб не так больно было. А у нашего постояльца нету денщика, кого же лупить станет?

Однако Владимир Петрович лупить никого не собирался. После ужина он уселся читать свои толстые книги. Подчеркивал что-то карандашом, делал пометки.

Изба теперь была перегорожена простынями, и у постояльца получилась как бы отдельная комната. Но Алешка видел сверху, с полатей, как офицер листал страницы, задумчиво ворошил темные густые волосы.

Когда Мария Федоровна вышла во двор с помойным ведром, захотелось Алешке попить. Слез с полатей, погремел ковшиком о ведро.

— Эй, парень, тебя Алешкой, что ли, зовут?

Алешка осторожно выглянул из-за занавески.

— Да ты не бойся. Хочешь я тебе Лермонтова почи-таю?

Алешка вызывающе хмыкнул.

— Нешто мы сами не читывали? — и неожиданно продекламировал:

И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча...

— Молодчина! — похвалил Владимир Петрович. — Да ты иди сюда... А вот это знаешь?

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Пришла Мария Федоровна, удивленно посмотрела на босого, в подштанниках, Алешку, стоявшего у занавески. А офицер продолжал читать:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

— Вот так и я, Алешка, словно парус, ищу покоя в буре военного времени и никак не могу его обрести...

Заметив Марию Федоровну, сказал, обращаясь к ней:

— Я горный инженер. Политика меня не интересует. Я не люблю войну, презираю воинскую дисциплину, муштровку. Свой покой я вижу в работе, пусть тяжелой, но чтоб тебе никто не мешал строить и запускать машины, руководить техникой, которой принадлежит будущее. Кто будет у власти — красные или белые — мне безразлично, без работы я не останусь, да я и не мыслю жизни без машин.

— Ты чего уши-то развесил? Ну-ка, марш спать, поздно уже. — Мария Федоровна подтолкнула Алешку.

А инженер продолжал говорить, будто сам собой:

— Сегодня меня назначили в ночь расстреливать людей, ваших активистов и коммунистов. Я отказался, сославшись на нездоровье. Но ведь это до поры, до времени. Раз откажешься, другой, а на третий тебя самого поведут к стенке... Скорее бы кончилось это кошмарное

кровопролитие, когда сын идет против отца, а брат против брата. Скорее бы на шахты, к работе...

У вас растут четыре сына... Если даже установится Советская власть, к которой, как я вижу, вы питаете симпатии, думаете, ваши дети станут настоящими людьми, известными и уважаемыми в обществе? Нет и нет! Только поймите меня правильно и не обижайтесь, пожалуйста. Это закон жизни. У вас большая семья, не дай бог, будут еще дети. Вот старший, Алешка, тянется к знаниям, Лермонтова цитирует, но вы не сможете помочь ему получить образование — для этого у вас не хватит средств. Да и сам он, едва подрастет, захочет помогать родителям, пойдет на завод или в депо зарабатывать деньги. То же будет и с его братьями. Станут они обычными серыми людишками — рабочими или крестьянами, женятся, наплодят детей — таких же серых и незаметных, а помыкать ими станут люди с образованием, с капиталом.

Во время этой длинной речи инженера Мария Федоровна решила — подседа к столу, положила на колени худые, с множеством синих жлоков, руки, слушала внимательно. Еще никто так серьезно не разговаривал с ней о детях, о том, что их ждет.

— Как это дети не смогут выучиться? Заместо учебы рано пойдут работать, чтобы пособить нам? Ну и что же с того? Советская власть даст человеку все права...

— Ха-ха! — Владимир Петрович глубоко вздохнул и снова взлохматил волосы. — Как это вы все легковерно воспринимаете, как это вы — люди, простите, недостаточно образованные, — так легко поддаетесь на агитацию большевиков? Фабрики — рабочим, земля — крестьянам — все предельно просто в этой незамысловатой большевистской формуле. Вы сами не знаете, что строите воздушные замки, которые рухнут под первым порывом

вом бури. Человеческие права! У рабочих всегда будет одно право — с утра до вечера продавать свой труд, чтобы прокормить себя и семью...

Когда Алешка залез на полаты, то сделал вид, будто заснул. Но не спал, слушал, что говорит постоялец, ждал, что тот снова начнет читать стихи.

Стихов инженер больше не читал, а все говорил и говорил, лохматя волосы, непонятные вещи, от которых Алешку потянуло на сон. Понял он только, что офицеру неохота воевать против красных, ему надо сидеть в покое, читать Лермонтова и крутить какую-то машину, вроде мамкиной швейной, что стоит в углу.

Весна брала свое. Еще бушевали снежные выюги, словно из озорства заметая чугунные рельсы железнодорожного полотна. Еще уходил столбом в посветлевшее небо синий дым от одетых в белые папахи изб поселка. Но уже ясно ощущалось — зима дала слабину. Осел ноздреватый снег. На крышах изб повисли сосульки. В воздухе, легком и чистом, угадывались терпкие запахи ранней весны.

Но эта весна не радовала жителей Верещагино. Тревога и озабоченность легли на их лица. Постоянный страх за свой завтрашний день сделал их неразговорчивыми, замкнутыми. Будто большая общая беда пришла в поселок, затворив двери домов, наглухо закрыв ставни.

Колчаковцы лютовали. Днем арестованные долбили стылую землю, копали ямы, зная, зачем и для кого они делают это. А ночами в поселке жутко, по-волчьи выли собаки. Оружейные залпы пугали собак, и они выли до самого утра.

Из избы в избу переносились вести, одна другой ужаснее. Рассказывали, что белые загнали в старый ва-

гон несколько коммунистов, отогнали вагон в тупик, облили бензином и подожгли. Принародно пороли шомполами членов семей красноармейцев. Люди видели, как, кусая губы после каждого удара, лежала на снегу со связанными руками Ксения Андреевна Луговская. Отворачивались, чтоб не осталась в памяти эта жуткая картина. Да разве ж такое забудется!

Григория Орлова пригласили нести службу в церкви. Понасмотрелся Орлов на все, что вытворяют колчаковцы, ходил осунувшийся, злой, и вдруг хворь на него нашла. Лежал в постели под одеялом и шубой, когда заходил кто посторонний, жаловался — лихоманка, мол, мучает. Старухи богомолки недовольно роптали: «Здоров, как бык, поди, прикидывается. Нешто нового попа выписывать надобно?»

Алешка с Генкой забросили лыжи и салазки, все больше в избе сидели. Но как-то выследили, что белые старый сарай принялись чинить — склад, видно, соорудить задумали. Ребята раздобыли бумаги, пакли, бересты. Когда стемнело, пробрались ползком к сараю, чиркнули спичку. Сырые доски горели плохо, прибежавшие солдаты быстро загасили огонь.

Пришельцам вообще жилось тревожно. Одновременно в Кезу и Кузьме неизвестные люди вывели из строя водокачки. В Верещагинском депо по непонятным причинам затягивался ремонт паровозов и вагонов. Белые забеспокоились, провели специальное совещание. Была высказана догадка, что в Верещагино действует подпольная группа.

И это действительно было так. Руководил группой член партии с 1916 года Федор Михайлович Кряжевских. Но подпольщикам мало что удалось сделать: белогвардейцы арестовали Федора Михайловича и некоторых его товарищей. Нашелся провокатор, который за буханку белого хлеба назвал имена членов подпольной группы.

Об этом Марии Федоровне рассказал сияющий Владимир Петрович. Но радовался он не аресту коммунистов, а тому, что наконец-то получил назначение на кизеловские шахты. Быстро собрал вещи и, попрощавшись, поспешил на поезд.

Федора Михайловича Кряжевских непременно бы расстреляли, если бы перед судом его не свалил тиф. Заключенного перевезли в Пермь и посчитали, видно, что он умрет в больнице. Но ему чудом удалось выжить...

В самую распутицу в Верещагино прибыл первый помощник «верховного правителя», председатель Совета министров колчаковского правительства Пепеляев. Ему решили устроить торжественную встречу. Соплали на привокзальную площадь народ, позаботились о музыкантах, припасли хлеб-соль.

Щеголеватый генерал молодцевато спрыгнул на платформу, попытался пройти четким шагом, в такт музыке, но поскользнулся, пошел осторожно, брезгливо поджав губы. Принимая румяный каравай, осклабился, хотел было встать по привычке на колено, да раздумал, увидев грязь под ногами. Согнулся, чмокнул каравай, поспешил начать подготовленную заранее речь.

Пепеляев говорил о том, что войска адмирала Колчака продолжают, несмотря на трудности, вызванные распутицей, успешное продвижение на запад. Он напруг голос, выкрикивая названия населенных пунктов, захваченных генералом Гайдой: Стерлитамак, Белебей, Бугульма... Белые войска подходят к Волге — совсем рядом Казань, Самара и Симбирск. Скоро Вятка падет, а там — и до Москвы рукой подать. И вот тогда — конец войне, наступит мир, которого давно ждет русский народ.

Генерал вглядывался в непроницаемые лица верещагинцев, ища улыбки. Но улыбок не было. В глазах стариков и женщин он видел тоску и недоверие.

На площади маршировали «потешные» отряды. Подростки, одетые в новенькую белогвардейскую форму, попытались молодцевато пройти мимо генерала. Но получилось у них это плохо — ноги скользили, ряды ломались. Пепеляев все же помахал им рукой, а сам подумал с раздражением: «Кому нужна эта комедия?»

В Верещагино он решил остановиться со своим штабом не случайно. В небольшом железнодорожном поселке на его долю выпадало меньше забот, чем в каком-нибудь городе. Помимо того, в любую минуту можно дать команду прицепить личный вагон к паровозу и отправиться на запад — при удачном исходе операций под Вяткой, или на восток — в случае провала. В Верещагино, вдали от передовой, он мог отдыхать, как на даче, и полной безопасности.

В тот день Пепеляев говорил верещагинцам правду про апрельское наступление белых. Однако это был последний крупный успех белых армий. Рабочие заводов и фабрик Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска и многих других городов центральной России отправляли на восточный фронт новые отряды своих товарищей. Красная Армия готовила решительный удар.

И вскоре был нанесен этот удар. Сначала под Бугурусланом и Белебеем, потом под Уфой. Уже 20 июня части Третьей армии освободили Верещагино.

Покатились на восток колчаковцы. По пути ломали и рушили все, что не удавалось прихватить с собой. Пожимали, что не вернутся в эти города, поселки и села.

Разрушенная станция, искореженное полотно железной дороги, поломанные стрелки, разоренные дома жителей — таким оставили Верещагино белогвардейцы.

2

Савва Бурдин не помнил, как оказался в больнице. Ездил на поездах от Вятки до Буя, ночевал в насквозь

промерзшем темном бараке. Изо дня в день — одно и то же. Как-то, вернувшись из поездки, почувствовал сильный озноб; голову словно кто давил твердыми, сильными пальцами. Доктор, куда-то торопившийся, заставил Савву раздеться, высунуть язык. Потом склонился над столом.

— Придется лечь в больницу. Думаю — сыпняк...

Бурдин проспался, а наутро, как обычно, направился в депо. Про себя рассудил: «Вишь ли, паршивое насекомое куснуло! Не такое ныне времячко, чтоб на койке отлеживаться».

А время и впрямь было суровое. Белые подступали к Вятке. По железной дороге день и ночь возили самые срочные грузы. Каждый машинист, кочегар, кондуктор, смазчик находился на учете: железнодорожников не хватало.

Когда поезд вернулся в Вятку, Бурдин был вовсе плох. Кочегар помог ему доплестись до депо, и тут Савва провалился в непроглядную темень. В больнице приходил в себя, но о том, что видел, помнил слабо — явь перемешалась с тревожными снами. Очнувшись от туманной забывчивости, разглядел окно с белыми занавесками, за окном, будто зеленые бабочки, трепыхались на ветру листочки акаций. Неужто столько провалялся? Ведь в последней поездке он видел снег, еще лежавший на полях неровными заплатами...

Подошел высокий человек в белом халате до колен.

— Ну, браток, кажись, выправился. А мы уж думаем — не выдюжишь.

Он подмигнул Савве и достал из кармана брюк флакон с прозрачной жидкостью.

— Воскресшему можно разрешить несколько капель. Только чем закусить, не знаю...

— А у него яички под подушкой, — слышалось с соседней койки.

Приподнял Бурдин подушку и ахнул. Под ней — желтое склизкое месиво.

— Вот те на! Он еще и дыпляет выводит! — хохотнул доктор.

Оказалось, приходили проведывать его деповцы-верещагинцы, приволокли десяток яиц, сунули для сохранности под подушку...

Хватил Савва из стакана, ожегся, закашлялся — спиртяга! Сладкая истома растеклась по всему телу, ударило в голову. Спал крепко, долго, а проснувшись, почувствовал себя здоровым и бодрым — хоть сразу в поездку.

...Шпалы, шпалы... Проклятые шпалы! Сколько их — тысячи, миллионы? Когда стоишь с фонарем на площадке последнего вагона, они уносятся от тебя с немыслимой быстротой, аж в глазах рябит, а когда тащишься по ним на своих двоих, они, наоборот, подкрадываются к тебе, как полосатый зверь.

Небритый, а оттого выглядевший еще более худым, появился Бурдин из больницы прямо в депо и попросился в поездку. Начальник депо посмотрел на него, как на выходца с того света. Отправил в барак отлеживаться.

В начале лета всех эвакуированных в Вятку верещагинцев собрало деповское начальство. Поначалу их крепко обрадовали — сообщили, что прогнали Колчака из Верещагино. Заулыбались верещагинцы — домой, значит, скоро! Потом оставили тех, кто из больницы выписался, на поправке находился. Сказано им было так: станция в Верещагино порушена, мастерские разграблены, полотно разобрано; от них, болящих, толку в Вятке мало, и коли они согласны, то могут домой отправляться пешим порядком.

Приздумались мужики. Домой, конечно дело, охота, понаскучались, только шлепать три сотни верст по шпалам не каждому после болезни под силу. А силы на

казенных харчах вовсе поистратились. И все ж таки опередились согласные. В первую группу записались шестеро, ну, и он, Савва, среди них. Решил: «Как-нибудь!»

Купили по дешевке лапти про запас, раздобыли сухой вонючей рыбы, сухариков. Поезд вез их недолго. Остановился на каком-то полустанке — баста! Дальше пути ему не было — где мосты нарушены, где полотно взорвано.

Закусили верещагинцы, переобулись и тронулись в ту сторону, откуда солнышко всходит. Прямо по шпалам — так оно вернее, с пути не собьешься.

«...Шпалы! Проклятые шпалы! — ругался про себя Бурдин. — И пошто их так несуразно понатыкали? Торчат они порожком над землей, и, как ни ступишь, непременно то носком лаптя за них зацепишься, то пяткой оступишься».

Случалось, что по соседству с рельсами попадалась узехонькая извилистая тропка. Путники гуськом по ней вытягивались и уж не прыгали воробьями, и ноги будто отдыхали. Савва тогда впереди шел. Хотя и был он всего-навсего поездным кондуктором, но, как почти окрепшего, его старшим группы определили, потому ему и скорости задавать. За ним вышагивал Федька Тнунов, смазчик, кудрявый бесшабашный парень. Сперва Федька все задавался, подшучивал над мужиками:

— Я пятки-то скипидаром смазал, а из вас уж песок сыплется, где ж вам за мной угнаться!

— Но-но! — беззлобно откликались старшие. — Вот ухайдакаешься, смажем тебе одно место скипидаром, помчишься — поезду не догнать!

Но уже на трети сутки пути Федька, до того две недели провалявшийся на больничной койке, подраскис, будто студень, позабытый на шестке. На привале ворчал:

— Какого лешего мы по этим шпалам шлындаем?

Залезу-ка я на елку да погляжу — вдруг дорога поворот дает? Тогда и двинем напрямик по лесочку...

— И вскорости обратно в Вятке окажемся!

Хоть Федька сдал, притомился, но виду старался не выказывать — ноги молодые, стыдно...

Замыкал цепочку слесарь Михаил Каменских, невысокий, сухощавый, с небольшой бородкой. За свои сорок лет ему ни разу не приходилось на такие расстояния хаживать. И он к третьему дню пути поругивал дорогу, все чаще вытирал ладошкой пот с побагровевшего лица. Но не жалобился. Идти последнему ответственно — следить надо, чтоб не отстал кто.

После каждого привала рыбе мясо застревало в зубах, в животе противно урчало. Само железнодорожное полотно казалось Михаилу огромной распластавшейся рыбной, с которой хищные птицы склевали все мясо, оставив одни косточки-шпалы.

В пути делать нечего — знай, ноги переставляй, глазей по сторонам да думай про то, что в голову придет. Припомнилось Михаилу, как в Очере жил, как в Верещагино перебрался.

Вот в очерском пруду рыбка-то была! Рыбачили с отцом мережами. Или морды ставили. Степан Герасимыч сам морды из ивовых прутьев плел, а он, Михаил, камни да колья заготовлял. Спустят с лодки на дно морду с камнями, а веревка от нее к палке привязана. Палку в ил втыкали, да так, чтоб из воды не выглядывала. Потом приедут, пошарят крючками, вытянут из воды морду, рыбу — в лодку. А какие пельмени из сороги стряпали! Так во рту и таяли...

Выучился на слесаря, поступил в «заведение» — так рабочий люд почему-то называл очерский завод, где мастерили пахнувшие краской молотилки. Как водится, в солдатах отслужил, а вернулся домой — подивился: Степан Герасимыч уже невестку приглядел. Из богатой

семьи, с хорошим приданым. Только Михаил себе на уме. Высказал отцу: невестино приданое хоть того богаче будь, холодную постель не согреет. Поскандалничал с отцом, погулял малость в женихах, а под осень бухнул:

— Засылайте сватов к Марии Безукладниковой!

Не орал Степан Герасимыч, ногами не топал. Буркнул только:

— Мотри, Мишка, своя башка на плечах.

Но видел Михаил — околоточный вокруг Марии юлой вертелся. Проморгашь, и утрет тебе нос Прокопий. У них уж чуть до драки дело не доходило. А пошто такая девка — румяная да ладная — не ему, молодому, статному должна достаться, а прыщеватому бобылю Прокопию?

Женился Михаил — околоточный запил, съехал куда-то. Позабыли уж про него, и вдруг летом одиннадцатого года, когда Алешке, старшему, седьмой год пошел, вынырнул Прокопий. В белом костюмчике, соломенной шляпе, деньгами налево-направо сорит. И — как ни в чем не бывало — приставать к Марии принялся. То цветочки какие пришлет, то подарок дорогой — в знак старой дружбы, мол.

Призадумался Михаил. Пойти отлупить его, что ли? А после? Прокопий богачом заделался, в суд подаст — засудят. Или уехать из Очера от греха подале?

Все одно, об отъезде давно уже думка имеется. Какое житье в Очере? За работу — гроши выплачивают, до поллучки едва протягивашь. Ребята вытянутся — одевать, обувать их надо, на учебу снаряжать. А деньгами где разживешься? Тяжко работному человеку, впереди ж просвета никакого, как в лесу ночью.

В девятьсот пятом году в механическом цехе забастовку делали. Требовали от хозяина платить поболее. Толку-то! Полицаев тьма понаехала. Слесаря Петра Хренова в тюрьму упрятали, забастовщиков плетками лупили, по

нзбам шарились. Вот и вытребуя поболее зарплату! Ехать, ехать надо! Не всюду же так.

Старший брат Павел и Степан Герасимыч об этом и слышать не хотели.

— Да ты никак белены объелся! — кричал отец. — О сынах-то думал ли? Ну, Алешка выладился, а Володьке-то два годика... Какой с него переселенец? А жить где станешь? Приедешь на новое место — ни кола ни двора. Лазаря затянешь. Думаешь, золотом тебя осыплют? Нам, работным, там хорошо, где нас нет.

Но Михаил упрямо стоял на своем. Сперва он надумал пробраться на станцию Вознесенскую, что в двадцати верстах от Очера, — со станции, при случае, и в Пермь податься сподручнее. Однако прежде разузнать порешил, как и что там, есть ли работа подходящая...

Не приглянулась Вознесенская Михаилу. Велик ли дождик прошел, а сапоги уж в грязи вязнут... В Очере песочку поболее, не так слякотно. Избы как избы, есть и справные, есть и так себе, без хозяйского догляду стоящие. В лавках товару, пожалуй, не больше, чем в Очере. Но зато в Вознесенской была станция, паровозы гуделл. А коли такие махины железные есть, значит, для слесаря работа отыщется...

Наконец потянулись люди из деповских ворот — хмурые, будто с панихиды, в замасленных худых рубахах. Заприметил Каменских мужика одного. С виду серьезный, бородача лопатой. Направился к нему.

— Слышь-ка, мастеровой, дело у меня к тебе есть...

Бородач приостановился.

— Коли есть, так выкладывай.

Сказал ему Михаил, что охота в депо поступить, только как оно там, в депо, тяжело ли робится? Вместо ответа показал бородач руки свои, все в мазуте перемазаные, в мозолинах да царапинах. Тогда и Михаил свои ладони выставил — такие же в точь.

— А ты кем робишь-то?

— Да слесарю...

Хмыкнул бородач:

— У нас гуторят: «Кто слесарить может, тому и бог поможет!»

Михаил за словом в карман не полез:

— А у нас, на казенном заводе, иначе сказывают: «На бога надейся, да сам не плошай!»

Привел бородач Михаила к себе, косушку на стол выставил. И поведал Михаил ему все, как есть, будто на исповеди. И про грошовые заработки, и про околоточного. В ответ услышал:

— Зовусь я Федором Бурдиным... А ты, вижу, свой брат, мастеровой. Коли так, помогать тебе требуется. Тащи сюда свою бабу-красавицу, угол найдется. С работой уладится, только зарабатываем мы не боле вашего...

Оставляли ночевать Михаила, да какой там, понесся домой, будто крылья выросли. Поднял жену с постели:

— Собирай, Мария, пожитки — в Вознесенскую перебираемся!

Укладывались недолго: много скарбу нажить не успели. На перед телеги сундуки установили — барахлишко кой-какое. В середину — машину зингеровскую, подарок Степана Герасимыча.

По раскисшей дороге лошаденка тащилась еле-еле, казалось, пешком скорее доберешься. Верст десять отъехали, дождь пошел, сильный, по-осеннему холодный. А ребяташки — в куртках одних. Володька ревел, Алешка дрожал — зуб на зуб не попадал.

Лошадь с трудом вытягивала ноги из тягучей грязи, дождь лил не переставая. Наконец впереди огоньки засветились. Михаил подстегнул лошадь.

— Гляди, Алешка, — Губаново. Тут и Вознесенская...

В депо Михаила приняли сразу — рабочие руки нужны были. Работа — адова, с утра и до вечера. Пыль и грязь, грохот металла, хоть уши затыкай. А что не так — зуботычина. Посерьезнел Михаил, на работу по-иному смотреть стал. Старался мастерам угодить, с учеников-подмастерьев строго спрашивал. Жизнь научила серьезности.

Семья тем временем росла. В тринадцатом году Мария родила Герку, в шестнадцатом — Николку. Переехали от Федора Бурдина к Костареву Петру Евграфовичу — у того просторнее. Но квартировать — какое житье! Мечтал Михаил свою избу выстроить. Копеечку, вроде, экономили, а откладывать почти нечего — семья! И другие мастеровые не лучше жили.

Вознесенская в пятнадцатом году стала называться старницей Верещагино. Сказывали, в честь художника заезжего — Василия Васильевича Верещагина. Люди помнили: он жил тут, рисовал у всех на виду картины — природу, солдат, что уезжали воевать на Дальний Восток.

Грянула революция. Михаил осторожно прислушивался к разговорам. Те, которые именovali себя меньшевиками и эсерами, красиво высказывались, сулили мастеровым реки молочные. Рабочий люд, молодежь к большевикам тянулись.

Будто хрупкий мартовский лед, ломались в депо старые порядки. Машинисты, к которым раньше и подойти боязно было, ходили на общие собрания и не выставляли напоказ свою ученость. А прежде, бывало, пройдет машинист мимо деповского рабочего, соседа своего, и не поздоровается, не поглядит даже. За машиной они не следили, в грязи не возились — на это, мол, другие отыщутся.

В начале восемнадцатого года молодежь создала в депо кружок имени Третьего Интернационала. Записа-

лись в него Владимир Курочко, Николай Пьянков, Иван Анищенко, Татьяна Коротаева — всего человек тридцать. Ребята читали лекции, беседы устраивали. Сперва Михаил без охоты слушал их выступления — не по нраву ему пришлось, что молодые учат старших. Когда же прислушался, понял — дело ребята сказывают. И про свободу народную, и про союз с крестьянами, и вообще про то, какая она есть, Советская власть, что дает рабочему люду.

Закипела гражданская. Пошли деповские рабочие с белогвардейцами биться. В конце мая восемнадцатого года горько плакали на станции бабы, провожая своих мужиков на фронт с добровольческим отрядом Петра Никитина. Михаил слышал, как комиссар отряда Николай Коротаев, бывший председатель ячейки коммунистов кондукторского резерва, говорил на митинге перед отъездом:

— Нас больше трехсот человек, добровольцев Красной Армии... Мы едем защищать рабочих и крестьян, завоевания Октября... Мы коммунисты, и это наш долг...

Еще говорил Коротаев о том, что верещагинцы с победой вернутся домой. Пусть их ждут... А в одном из первых боев на далекой сибирской земле его, поднявшего отряд в атаку, остановила пулеметная очередь врага...

Михаилу Каменских винтовку взять не довелось: умелые слесари в депо нужны были. Но считал он так: если б сказали — надо на фронт идти, раздумывать не стал бы, пошел.

8 марта девятнадцатого года железнодорожники пришли на общее собрание коммунистов и сочувствующих. Белые уже к Очеру подходили. Партийный секретарь Яков Бурдин доложил: принято решение эвакуировать коммунистов с семьями и ценное имущество в

Вятку. Беспартийные рабочие могут эвакуироваться по желанию... Выбрали эвакуационный комитет — в него вошли Александр Алексеев и Петр Ярославцев.

Кончилось собрание, пошел Михаил домой. На воротах депо висел плакат, с которого в упор смотрел красноармеец в серой шинели, с красной звездой на шлеме. Он прямо на Михаила указывал пальцем. «А ты записался добровольцем в Красную Армию?» — спрашивал красноармеец.

За годы работы в депо Михаил успел привыкнуть к станкам, тисам, верстакам, относился к ним бережно, будто к своим собственным. Часто шершавой ладонью любовно гладил холодный металл, словно хотел разглядеть глубокие царапины и ямки. Депо родным сделалось, тянуло к себе необъяснимо цепко. Об этом он никому не говорил, не делился с товарищами сокровенными мыслями, знал лишь твердо: судьба депо — это и его судьба. И вот повезут станки в далекую Вятку, кто-то станет работать на них, как-то к ним относиться будут?

Раньше, подходя к депо, он старался не смотреть на плакатного красноармейца. А сейчас, без опаски встретившись с ним взглядом, осторожно, чтоб не заметили идущие рядом товарищи, подмигнул ему.

В Вятке работали крепко. С утра и до темноты. Натощак спать ложились. В обед — похлебка, пара картошек, кусок хлеба. Черного, плохо пропеченного, отдававшего то отрубями, то какой-то прелой травой. Ремонтировали бронепоезда и паровозы, и все думалось: чем скорее управятся они с этой работой, тем быстрее беды прогонят. А там — и домой, в свое депо.

Из Верещагино никаких вестей не поступало. Да и откуда им быть? Письмецо не напишешь, нарочного не пошлешь: война! Жили слухами. Рассказывали — лютует Колчак, на расстрелы патронов не жалеет. А домашним каково? Одним, без защиты...

Вот и нажимает сейчас Михаил, летит по шпалам, с каждым шагом все к дому ближе. Савва Бурдин задал высокую скорость. Поспевать за ним трудно. Он не родственник, а просто однофамилец Федора Бурдина, первого хозяина Михаила. Бурдиных да Тиуновых в Верещагино и Очере полно.

Солнце уже за спиной в лесочке спряталось, а они все идут и идут.

У косогора в низинке заметили путники родничок. Рядом — сушняк мелкорослый. Для ночлега места лучше не сыщешь.

— Прива-ал!

Скинули мужики на землю мешочки, притащили хворосту, разожгли костер. Достали рыбу опостылевшую, в котелок воды из родника набрали — после рыбы солонущей чаю беда охота! Сахарку, правда, ни кусочка нет, да чего уж там!

Лапти с ног поскидывали, обмотки у огня сушить устроили. Теперь и ноги можно вытянуть — гудят!

Костер чадил, сучья потрескивали, попискивали как-то больно жалобливо. Веселые огоньки пламени, тоже, казалось, умаявшись, теряли силу. Встать, чтобы подбросить хворосту, никому не хотелось. Тогда Федька чертыхнулся, отправился, босой, за топливом. Полежали молча. Тишину нарушил Савва Бурдин:

— Придем домой, отлежимся малость и — в депо. А то вернется вторая партия, а мы еще палец о палец не ударили.

— Не люди — звери... Что понаделали... Мост выстроить — сколь труда требуется. Теперь когда поднимут-то их? — подал голос Александр Петрович Раков.

Ракову за полсотни перевалило. Еще в пятом году вступил в большевистскую партию. Ослаб он здорово, шел тяжело, помалкивая, но на привалах оживлялся.

Волновался, руками размахивал, и его густая рыжая борода ходила при этом волнами.

— Коли разворотили белые депо — работы всем вдобавление будет... Зато потом, мужики, жизнь совсем иной делается! Дотянем ли только, увидим ли? Хошь бы одним глазком на ее глянуть.

Каменских отмалчивался, а думал о том же: домик бы поставить, коровенку завести да ребятишек к доброму ремеслу приохотить, чтоб в люди выбились и не мыкались, как ему на своем веку довелось.

В Верещагино пришли к полудню. В последнюю ночь дождик моросил, поспать вовсе не довелось. Как дошли до двадцать девятого разъезда, повеселели — места знакомые, теперь ничто не остановит, никакое изуряние с ног не свалит. Даже Федька, последние версты едва тащившийся, прибодрился, песню какую-то запел.

Каменских и Раков — соседи. Откололись от группы, шли не спеша, опираясь на сучковатые палки, поддерживая друг друга.

Растворил Раков осевшую, тревожно скрипнувшую калитку и будто обезножил. Шурка, его семилетняя дочка, худущая — в чем только душа держится, котелок во дворе чистит. Увидела его, закричала испуганно:

— Ой, дедушко, подать нечего — сами голодаем!

Хотел было Александр Петрович шагнуть к ней, к груди прижать, а ноги не повинуются. Прислонился спиной к изгороди, хрипло выдавил из себя:

— Что ж это ты... доченька... отца родного не признала...

И покатались крупные слезы по его заросшим худым щекам...

Михаил с трудом перешагнул через порог, покачиваясь, прошел к лавке, оставляя на чистых половицах бурые глинистые ошметки.

Охнула Мария Федоровна, выронила из руки полотенце, бросилась к мужу. Помогла стянуть мешок, уткнулась, всхлипывая, в широкую грудь Михаила. Ребята, глядя на обросшего и грязного, совсем чужого, отца, испугались чего-то, захныкали.

— Это еще чего? Будто панихиду справляете...

— Да это мы так, на радости... — Мария Федоровна словно оправдывалась, не зная, что делать.

— Помоги-ка разуться. — Михаил вытянул ноги.

Пока она возилась с одним лаптем, Алешка с Володкой накинулись на другой.

Мария Федоровна принесла корыто с теплой водой, и Михаил, сунув в него ноги, только теперь почувствовал, осознал, что он наконец дома и что уже не надо шагать и шагать этими одеревеневшими, непослушными ногами.

Пододвинул мешок, развязал спутанную бечевку, вытянул из мешка тяжелый фуганок, съжившиеся в гармошку сапоги, какую-то железяку...

Ребята затаили дыхание: что еще появится из мешка?

— Папка, а белого хлебца не принес? — не выдержал Герка.

Хмуро глянул Михаил на сына. Не ответил.

Последней поклажей оказался небольшой тряпичный сверток. Михаил зубами растянул узел, положил сверток на стол.

— Гостинцы...

— Леденцы! — обрадовались ребята.

Они тут же принялись делить конфеты и, возбужденные, уже не слушали отца, который, наблюдая за ними, наконец-то улыбнулся — грустно, натянуто. Впервые за долгие дни.

— Ничего, воробушки, скоро дождетесь и белого хлеба...

Потянулись соседи, мигом узнавшие о вернувшихся. Приставали с расспросами о своих. Михаил отвечал односложно: лениво похлебав горячих щей, он вовсе обмяк. Хотелось только одного: спать, спать, отрешившись от всего на свете...

Отходя, белые поломали здание вокзала, порушили мастерские. Дёповские рабочие быстро провели ремонт. Быстро — может, плохо? Ходили комиссии разные, проверяли работу и, если что не так, заставляли переделывать. «Для себя делаем, на долгие годы!»

На двадцать девятом разъезде метель перемела пологно. К тому же не хватало топлива для паровозов.

И вот на воротах дёповских мастерских появилось большое объявление:

«Все на субботник!»

11 января 1920 года на участке 29-го разъезда состоится массовый коммунистический субботник.

10 января в 6.30 проводится общее открытое партийное собрание.

Повестка дня:

1. Текущие дела коллектива.
2. Выборы в охрану труда.
3. Об участии в коммунистическом субботнике.

Все на собрание! Все на субботник!»

В шесть тридцать закончилась в депо смена. Народ запрудил все проходы в механическом цехе мастерской. Слово предоставили Петру Александровичу Гилеву, партийному секретарю.

— Товарищи! — начал Гилев. — Мы уже многое сделали по ликвидации разрухи, причиненной белогвардейцами. Но для спасения революционных завоеваний пролетариата нам еще предстоит крепко потрудиться. К этому нас призывают партия, товарищ Ленин...

Михаил Каменских, пристроившись на ящике возле токарного станка, слушал внимательно. Тихо стало в обычно шумном цехе.

— Товарищи, — продолжал Гилев, — Ильич на седьмом Всероссийском съезде Советов сказал, что перед российским пролетариатом стоят три самые главные задачи. Первая задача — это хлеб, который надо приготовить и доставить рабочим, чтобы победить голод. Я считаю, это очень важная задача. Верно, товарищи?

— Верно! Правильно! — понеслось с мест. А Михаил почему-то вспомнил детей, решивших, что он принес им хлеба из Вятки, да еще белого...

Петр Александрович поднял руку.

— Товарищи! Вторую задачу Владимир Ильич сформулировал так: надо во что бы то ни стало достать топливо, без которого не смогут сдвинуться с места паровозы, не смогут работать заводы и фабрики. Третья задача — ликвидировать сыпной тиф. И если мы выполним эти три задачи, сказал Ленин, то мы победим!

— Исполним! Выполним!

Громкими аплодисментами встретили деповцы сообщение о том, что чусовские рабочие, устраивая субботники, на одиннадцать дней раньше намеченного срока изготовили пятисаженную ферму для разрушенного Камского моста.

Гилев призвал рабочих активно готовиться к Неделе фронта и транспорта — сдавать для бойцов Красной Армии теплые чулки, варежки, шапки, всем выйти на коммунистический субботник. Он напомнил, что субботники раньше всех организовали московские железнодорожники, что сам Ленин участвовал в одном из первых субботников.

...На субботник собралось около полутора тысяч человек. Осмотрелись верещагинцы — вот это сила! Чуть ли не все взрослое население поселка.

А на термометре — минус тридцать пять! Мороз щипал нос и щеки, пробирался за шиворот, сводил пальцы на руках и ногах. Одно избавление от холода — двигаться. Остановившись на минуту дух перевести — закончешь.

Женщины и подростки принялись очищать от снега лопатами железнодорожное полотно. Мужики направились в лес сосны да ели валить.

В обед задымили костры над лесом, словно табор цыганский на постой встал. Призывно запахло варевом. Кто картошек с собой привез, кто капусты мороженой, а кто и крупки припас. В общем котле все стодится. Вот только хлеба мало.

Костер в мороз — все равно, что зимнее солнышко: светит, да не греет. Костров мало, народу много, всем никак не обогреться. Без лишних распоряжений снова принялись люди за работу.

Михаил Степанович с Саввой Бурдиным работал. Худоцав Савва, слабоват вроде бы, а как вцепился в рукоять пилы — шир да пошел, — без единого передыху толстенное дерево разделяет. Ноги у обоих увязли в снегу, катанки почти и не видно, пригнулись до самого сугроба, только руки, не переставая, взад-вперед ходят.

Нехотя, осторожно, будто боясь бултыхнуться в холодный сугроб, кренился огромное дерево.

— Берегись! — несется зычный окрик, и лесина валится, стряхивая снег с соседних деревьев. Ухает в сугроб, подскакивает комлем.

— Берегись! — И новый великан тяжело плюхается рядом.

Восемь часов длился субботник. Полотно у разъезда целиком расчистили, а дров столько заготовили, что надолго для паровозных топок хватит.

Уставшие и иззябшие, возвращались люди домой в холодных полутемных вагонах. Молодые запели песню,

которую нельзя не подхватить, которая как рукой снимает усталость:

Это есть наш последний и решительный бой...

Каменских думал: отчаянные парни и девки живут в поселке. Все-то им нипочем — и работа тяжелая, и мороз лютой.

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем...

Вот и его дети скоро подрастут, тоже станут строить этот новый мир.

«Стро-ить, стро-ить», — стучали колеса поезда...

Неделя фронта и транспорта затянулась в начале двадцатого года чуть ли не на месяц. Многое удалось сделать. На железнодорожной линии Балезино — Тюмень насчитывалось 533 паровоза и 6200 вагонов. Больше половины паровозов и вагонов было выведено белыми из строя и нуждалось в срочном ремонте. Партия бросила клич: все силы на ремонт транспорта!

В январе вышло специальное постановление Совета обороны — не отзывать железнодорожников ни на какие другие работы. 30 января была объявлена трудовая мобилизация железнодорожников в возрасте от 18 до 50 лет. В Верещагино появились простые, понятные каждому лозунги:

БЕЗ ПАРОВОЗОВ НЕТ ТРАНСПОРТА!

БЕЗ ТРАНСПОРТА НЕ БУДЕТ ХЛЕБА!

Товарищи, чините паровозы!

Наладили ремонт паровозов на Мотовилихинском и Надеждинском заводах, а вагоны стали залечивать на Катав-Ивановском.

18 февраля в Перми праздновали открытие восстановленного Камского моста. Сам Владимир Ильич при-

слал поздравление пермским рабочим, справившимся с заданием Совета обороны на два месяца раньше срока. Через Верещагино пошли поезда...

И все же не хватало паровозов, не успевали их возвращать к жизни. Тогда верещагинские коммунисты провели собрание. В постановлении записали: ввиду создавшегося критического положения приступить к сверхурочным бесплатным работам по восстановлению подвижного состава; разъяснить беспартийным товарищам важность сверхурочных работ.

Теперь уже все вечера как бы превратились в субботники.

Рабочие отобрали несколько поломанных вагонов, а на задворках паровозного кладбища обнаружили изуродованный белогвардейцами паровоз Е^Ф — 91. У паровоза были испорчены кулисный и дышловой механизмы, искорежена вся арматура. В другое время на него и внимания никто бы не обратил, доживать бы ему свой век на свалке. Теперь же рабочие решили сотворить чудо — вернуть к жизни развалину.

Вечерами люди в замасленных спецовках, словно муравьи, облепляли стальную махну. Сменили осевые буксы и ведущее дышло, восстановили арматуру, реверс, регулятор, вычистили котел и площадки. И вот в начале августа на паровозе, будто надевшем новое платье, развели пары. К нему прицепили двадцать вагонов, также отремонтированных в сверхурочные часы. Целый состав получился! Радовались железнодорожники — вот они, плоды общего труда!

На паровоз прикрепили огромное красное полотнище. В который раз рабочие перечитывали написанные на нем не очень ровные, но дорогие для каждого слова: «Трудовой подарок бойцам Западного фронта от железнодорожников станции Верещагино».

Провожать состав вышли все деповцы, свободные тя-

товики, конторские служащие, представители разных организаций поселка.

Михаил Каменских радовался вместе со всеми. Он слышал, как взволнованно говорил, взобравшись на площадку паровоза, Петр Александрович Гилев:

— Эта наша победа имеет огромное значение. Наш почин подхватят железнодорожники других станций России. Бойцы славной Красной Армии, которые крушат сегодня польских интервентов, узнают, что в далеком Верещагино у них есть надежные и верные друзья!

Машинист дал протяжный прощальный гудок, и состав тронулся. Мощное «ура!» прокатилось над станцией.

Через несколько дней, в самый разгар работы, в депо ворвался запыхавшийся Федька Тиунов. Он озирался и, словно флагом, размахивал газетой:

— Мужики! О нас «Правда» написала!

Федьку прижали в угол, вырывали газету. Пришлось приостановить работу. Устроили громкую читку. В непривычной для этого времени дня тишине был отчетливо слышен голос читающего:

— «Екатеринбург. Четырнадцатого августа. Шестого августа верещагинские железнодорожники прислали в Екатеринбург поезд, отремонтированный бесплатными сверхурочными работами, в составе двадцати вагонов. Верещагинцы постановили подарить этот поезд бойцам Западного фронта».

— Ура! — разнеслось под сводами мастерской.

— «Для встречи поезда на екатеринбургской платформе собрались железнодорожники, состоялся митинг, — продолжал читающий. — После митинга была принята резолюция: «Мы, рабочие и служащие станции Екатеринбург и рабочие монетного двора, в знак искренней благодарности приносим трудовой подарок нашей защитнице Красной Армии и обязуемся сверхурочно и

бесплатно в течение месяца по службе тяги третьего участка станции Екатеринбург-один выпустить из среднего ремонта один паровоз и пятьдесят вагонов; по службе пути проложить семнадцатый путь от стоянки паровозов к главным мастерским». Отход поезда сопровождался звуками «Интернационала». (РОСТА)».

— Ура! — снова грянули деповцы.

Вскоре после этой заметки в «Правде» в Верещагино одно за другим стали поступать сообщения.

Из Перми:

«Горячо поддерживая ваше начинание, мы, рабочие пермских мастерских, постановили сверхурочно бесплатно выпустить в течение месяца из среднего ремонта два паровоза».

Из Кунгура:

«...выпустить один паровоз, отремонтировать двадцать вагонов и локомобиль для мельницы».

Со станции Камышлов:

«...отремонтировать один паровоз и пятьдесят вагонов. Рабочие пимокатного завода постановили работать сто пятьдесят пар пимов».

— Вот что значит зачин! — горделиво говорили верещагинцы.

Летом в воскресные дни направлялись деповцы в лес по грибы, на речку рыбку поудить. А к вечеру спешили в народный дом — послушать лекцию, посмотреть новый спектакль или поменять книгу в библиотеке.

Особенно полюбились верещагинцам спектакли рабочего драматического кружка. В начале июля самодеятельные артисты всех удивили — они поставили собственную пьесу: «Из ада в рай». Зрители увидели на сцене то, что совсем недавно пережили сами, — события семнадцатого года, разгром Колчака. Потому-то и аплодировали, не жалея ладошек. Аплодисменты переросли в сплошной грохот, когда артисты объявили, что весь

сбор от постановки они решили перевести своим братьям по труду — забастовавшим железнодорожникам далекой Франции.

7 ноября, в третью годовщину Октябрьской революции, по улице Первого Мая в сторону привокзальной площади прошли колонны демонстрантов. С красными знаменами, флагами и лозунгами. Сначала четко прошагал батальон бойцов Красной Армии, за ним — школьники, учащиеся недавно открытой автотракторной школы, железнодорожники, служащие госучреждений.

Гремела музыка, задорно и весело звенели песни, и громче всех — та, в которой были близкие для каждого рабочего слова:

Мы наш, мы новый мир построим!..

1

В голодную зиму двадцать второго года многие жители Верещагино прикололи с трудом заведенную скотину. А те коровенки, которых чудом удалось прокормить, молока давали мало, но когда на стол нечего выставить, то для ребятишек и кружка жиденького молока с черствыми сухариками — великое подспорье.

Весной цены на продукты вздорожали еще больше. За ведро картошки на базаре просили 150 тысяч рублей. За фунт ржаного хлеба надо было платить 28 ты-

сяч, за фунт конского мяса — 14 тысяч, а за пуд муки — полтора миллиона... Изворачивались верещагинцы кто как мог. Наведывались в деревни менять одежонку на муку, но крестьяне просили соль. Тогда отправлялись в Усолье и привозили тощие мешочки с крупной пепельного цвета солью.

Голодных, изможденных болезнями людей косила смерть. Особенно легко валила она детей и стариков. Что ни день, то в одной, то в другой избе слышался протяжный женский плач...

Михаил Степанович проводил в последний путь Александра Петровича Ракова, с которым вместе добирался домой из Вятки. Ракову выдали карточку для обедов в деповской столовой. Вся его большая семья по очереди пользовалась этой карточкой, и только он неизменно пропускал очередь, заявив, что стар стал, а потому, мол, обойдется одним чаем. Обманывая домашних, он уберег от голодной смерти детей, но не уберется сам.

В доме Каменских в ту зиму тоже едва сводили концы с концами. Сначала удалось продать кое-какие старые вещи, и Мария Федоровна прилагала все свое умение, чтобы запасы муки истощались как можно медленнее, но пришел день, когда растаяли последние запасы. Михаил Степанович долго сидел задумавшись, потом решительно прошел в угол и сдернул тряпку, сохранявшую от пыли зингеровскую швейную машину.

Мария Федоровна лишь глубоко вздохнула, ушла на кухню. Поздними вечерами она подолгу засиживалась за шитьем. Рубахи и штаны Алексея перешивала для Владимира, куртки Владимира передельвала для Германа; брала и заказы у соседей — пошить платье или рубаху — как-никак приработок. Расстаться с машиной означало лишиться этого приработка, главное же — не иметь возможности обшивать детей.

Но другого выхода не было.

В Верещагино поменять машину на продукты, однако, не удалось. Тогда Михаил Степанович отпросился у начальства и повез машину в Вологду. Вернулся с мешком овса и ведром картошки. Мелкие подгнившие клубни оказались сладкими: картошка подмерзла в дороге. Все-таки Марии Федоровне удалось растянуть все это богатство почти на два месяца.

Только в начале лета стало полегче. Еле-еле прокормленные одной соломой коровы и козы дождались первой травки, повеселели, прибавили молока.

Загнав корову в сарай, Мария Федоровна вернулась в дом. Уже парил самовар, и она поспешила приготовить заварку. Чая, понятно, не было, его заменяли сухие ароматные стебельки какой-то травы, которую ребятишки натаскали из леса еще осенью.

Николай, брат Михаила Степановича, высокий, чуть сутуловатый, легко поднял гудящий самовар, перенес на стол. Он пришел к старшему брату посумерничать. Они каждодневно виделись в депо, но за работой — какие разговоры.

Мария Федоровна погремела кружками, поставила на стол тарелку с тонкими постными лепешками и пошла доить корову.

Михаил Степанович встал, растворил оконные створки и, почувствовав дуновение свежего воздуха, даже головой покрутил. Затем вернулся к столу, нацедил еще кружку кипятку и в ожидании, пока чай остынет, принялся поглаживать аккуратно подстриженную бороду. Борода старила его, и он выглядел старше своих сорока трех лет. Но Михаил Степанович считал, что борода делает мужчину более степенным и строгим. Без строгости и требовательности на работе не обойтись, а его назначили недавно бригадиром арматурной брига-

ды. Однако ж борода доставляла ему и неприятные минуты — это тогда, когда приходило время обихаживать ее ножницами. Сидя в такие минуты с грозно сдвинутыми бровями перед зеркалом, он слышал, как за спиной шушукались сыновья. Сказать что-либо ехидное вслух они по причине строгости отца не смели, но в краешек зеркала он видел ухмыляющееся лицо старшего — Алексея, у которого, казалось, на языке вертелось что-то дерзкое, вроде: «Давай, батя, закругляйся да айда на танцы!»

Хлопнула дверь: прибежал Алексей — в расстегнутой рубашке, в стоптанных сандалиях на босу ногу. Дышал тяжело, прерывисто.

— Откудова такой? — строго спросил отец.

— А в клуб бегал, там музыканты собирались. На теноре давали подудеть.

Михаил Степанович повернулся к Николаю.

— Во, видал каков? Ему жениться пора, а он в бильярд играет. Еще музыканта в семье не хватало!

Сестра за стол при старших Алексей постеснялся. Пристроился на лавке у окна.

— Пошто растрепой такой носишься? Будто собаки за тобой гнались!

— Да жарко, батя...

Алексей уже закончил семилетку. Вытянулся, повзрослел. Прежде любитель шумных игр и забав, он теперь чаще стал бывать в клубе. Там работали драматический, вокальный и инструментальный кружки.

— Ты вот что, музыкант, — про учебу узнал что-нибудь?

— Узнавал, ничего подходящего нету...

Михаил Степанович давно решил, что старший сын непременно должен пойти куда-нибудь учиться — на мастера, механика или даже на инженера. Он не забывал, как тяжело ему самому дались первые годы работы на

заводе. Об учении и думать нечего было. А теперь выучиться, получить образование может сын каждого рабочего. Была бы голова на плечах. Алексей учился неплохо, а коли есть способности, значит, использовать их надо.

И еще одна закавыка не выходила из головы Михаила Степановича, когда он думал о старшем сыне. Жена рассказала ему о белом офицере, жившем у них при Колчаке. О том, что тот говорил, будто бы и при Советской власти детям рабочих не выбиться из нужды, не стать настоящими людьми.

Вернулась Мария Федоровна, держа в руках кастрюлю с парным молоком. Алексей, как взрослый, заложив руки за спину, прошелся по избе.

— И вообще, — обратился он вдруг к отцу, — я решил работать. Учеником слесаря. Вот и дядя Коля пусть скажет. Мне семнадцать, и я должен помогать семье.

— О-о как! — протянул, багровея, Михаил Степанович. — Ты еще сопляк, чтобы решать за себя. Не для того тебя тянули, чтобы ты грязь в канаве разгребал. Ученик слесаря! На побегушки захотел? А после что?

— Стану слесарем, потом выучусь на механика, буду поезд водить, — оживленно говорил Алексей.

Его сверстники мечтали стать летчиками, капитанами морских кораблей, но многие всерьез поговаривали о работе механика, как обычно называли паровозного машиниста. Ребята жили на станции, каждый день глазели на паровозы, и машинист, выглядывающий из правого окошка локомотива, уверенно ведущий огромную машину, казался им сказочным героем.

— Дело парень говорит, — вмешался в разговор Николай. — Механики больше деньги зарабатывают.

— А ты знаешь, сколь учиться на механика требуется? — Михаил Степанович внимательно посмотрел на сына.

— Долго, конечно. Только все механики со слесарей начинают. Вот вы, батя, слесарь первой руки. Плохой механик к вам за помощью идет, однако ж и сам управиться мог бы...

— Но-но... — прервал его отец. — Ты меня не подмазывай. Думай про настоящую учебу. И вообще, кончать пора этот разговор...

Мария Федоровна вытирала на кухне посуду, прислушивалась к спору. Она подметила, как Михаил Степанович погладил усы. Хорошо зная мужа, поняла, что слова сына задела его и он остался доволен похвалой, только ворчал по привычке, не показывая виду.

Ободряюще подмигнув Алексею и сказав еще несколько слов о том, как это интересно — водить паровоз, Николай засобирался домой.

— Гляди вот: это инжекторы. Они нужны, чтоб воду в котел подавать. Силой паровой струи. Понял?

...В то лето Алексей часто приходил в депо. Стараясь не попадаться на глаза отцу, смотрел, как слесари обрубали зубилом железо, отпиливали драчевой пилой тягу, притирали спускные краны котлов. На него не обращали внимания — каждый был занят своим делом.

Он любил повозиться с напильниками, разными железяками и считал это свое увлечение обычной забавой, одной из тех, которые гораздо было выдумывать. Но пока учился в школе, мальчишеские забавы приходили и уходили, теперь же, когда школа осталась позади, надо было что-то делать, и Алексей почувствовал, что напильники и железяки — это не просто увлечение.

Депо тянуло к себе потому, может быть, что слесари умели делать то, что не умел делать он. Без них сиротливо стоявшие в канаве паровозы казались просто грудой металла и лишь благодаря труду слесарей оживали,

давая об этом знать всему миру горластым радостным гудком.

Вот только отец...

Алексей приходил в бригаду, где работал дядя. Николай в обеденный перерыв водил его по цехам, объяснял, где что делают.

Однажды возле ремонтной канавы их встретил секретарь бюро партийных ячеек станции Кокорин. Подошел Николая к себе, кивнул в сторону Алексея:

— Кто такой?

— Племяш... Старшой у Михаила Степановича.

— Так и думал — похож: такой же гриб-боровичок. Чего ж он не работает?

Николай рассказал, что отец непременно хочет из сына инженера или механика сделать, потому и в депо не пускает.

— Понятно... — неопределенно проговорил Кокорин.

Василий Григорьевич Кокорин совсем недавно был избран партийным секретарем. Но уже не раз к нему приходили деповцы и просили устроить детей на учебу. Кокорин был сам из рабочей семьи, и эти просьбы его радовали, хотя он и знал, что помочь людям трудно: желающих учиться объявилась масса, а зачисляли в Перми на учебу одного из десяти, чаще городских, которые не требовали общежитий.

Наступил сентябрь — начало учебного года. На что же надеялся Каменских?

Заметив девушку-рассыльную, Кокорин сказал ей, что после смены ему потребуется бригадир арматурщиков.

Беседу с Михаилом Степановичем он начал издали. Стал расспрашивать, как справляется бригада с последним заданием, нельзя ли ускорить ремонт инжекторов.

— Вот еще что... — Кокорин помолчал, разжигая загасшую папироску. — Порешили мы тут: электростанцию пустили, а гудка у нас нету. Изладить бы — громкий такой, звучный, чтоб людей будил по утрам, чтоб не опаздывали. На завод заказ давать — дорого, да и долго...

— Пошто на завод? Самн изладим. Хотя такой заказ исполнять и не приходилось.

— Вот и хорошо. — Василий Григорьевич загасил папироску, заметив, что табачный дым собеседнику неприятен. И — без всякого перехода:

— О сыне хотел еще с тобой поговорить.

— Об Алешке? — насторожился Каменских.

Кокорин скрипнул стулом.

— Ну... Парень вон какой здоровенный, а ты его от работы оберегаешь, будто невесту на выданье. Не пойму я тебя, Михаил Степаныч, словно ты сам-то не рабочий человек, а купчик какой-нибудь!

При этих словах у Михаила Степановича аж борода затряслась.

— Ты это... Ты пошто же меня эдак обзываешь?.. Не знаешь меня будто? Пусть на механика Алешка обучается! Человеком хочу его сделать.

Больших трудов стоило Кокорину успокоить Михаила Степановича. Получалось, по его словам, что механики или мастера из рабочих должны выходить, на рабочих дрожжах должны быть заквашены. Вот и Алексей о том же толковал. Будто сговорились.

— Придет время, — продолжал Василий Григорьевич, — наши молодые токари и слесари закончат училища, институты и теорию, и практику знать будут — вот такие спецы и нужны Советской власти.

— Алешка-то старшой у меня. Затянет его депо, как болотная тряпина. Опосля неохота обучаться станет.

Младшим братьям какой пример? Потому и толкую: человека надо из него сделать.

— Конечно, надо! — Василий Григорьевич встал из-за стола. Невысокий, плотный, он быстро прошелся взад-вперед от стены до стены небольшой комнатухи. — И это, Степаныч, твоя задача. Вот твой брат Николай по цехам его водит, о работе слесарей рассказывает, а ты чему успел научить сына? Есть у нас в народе такая традиция, когда отец передает сыну все, что сам знает. Из поколения в поколение она идет. Ты вот в депо считаешься хорошим слесарем, так неужто в землю свой талант закопаешь?

— Пошто в землю? Помирать не собираюсь! — обиделся Михаил Степанович. — Обучить Алешку слесарному умению мне раз плюнуть. Только вот затянет, засосет его, и вот дети скажут: ты, мол, отец, пошто к науке нас не приохотил? Образованья не дал, в работу рано запряг. А у того ж Алешки, стервеца, может, объявится этот, как ты говоришь, талант — не к слесарному делу, а к иному чему? Время-то теперь не прежнее...

Кокорин перебирал стопку книг на столе. Вытянул одну, зашелестел страницами.

— Вчера вечером к докладу готовился... Слушай: «Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь найти эти таланты и приставить их к работе...» Это Ленин...

Михаил Степанович с уважением посмотрел на небольшую книжицу и, задумавшись, уже плохо слушал Кокорина. Прощаясь, сказал только:

— Когда доклад-то изладишь, дай мне ее, эту книжку, почитать...

— Хорошо. О гудке не позабудь, Михаил Степаныч! Шел Каменских домой и думал о том, что, выходит,

прав партийный секретарь. Талант или не талант Алешка — на лбу у него не написано, а то, что к делу его приставлять пора, — сущая правда.

А Василий Григорьевич засел за доклад. Писалось плохо. Дымя папироской, снова открыл книгу Ленина, снова перечитал тот самый отрывок. Обмакнул в чернильницу ручку с большим ржавым пером.

Накануне он мало спал, веки слипались. Хотелось склонить голову, опереться подбородком о кулак.

Предстояло организовывать антирелигиозную кампанию. У большинства железнодорожников не наблюдалось религиозных наклонностей, но верующих в поселке было немало. В церковь по праздникам тянулись не одни старики и старухи. К ним примыкали и молодые. Может, и не потому, что больно набожны были, скорее просто, чтоб не обидеть стариков.

Как и прежде, до революции, отмечались религиозные праздники. Веру во всевышнего у верещагинцев крепко подорвал Григорий Орлов, публично отказавшийся от бога. Однако Кокорин понимал, что коммунистам многое надо сделать, чтобы развеять в душах темных людей религиозный дурман.

...Задание изготовить гудок тревожило Михаила Степановича. А ну как не получится? Сделать, понятно, сделают, но как он гудеть станет?

Первый гудок слесари изладили довольно быстро. Опробовали — черт знает что: свистит, будто городской на базаре.

Второй изготовили. Послушали. Володя Хренов съязвил:

— Гудит, как архангел в трубу. Больно уж по-мелкобуржуазному...

Приснули рабочие, а Михаилу Степановичу вовсе не до смеха.

— Ну-ка, давайте стакан!

Пошел к станку. Подул что есть мочи в стакан, прислушался. Подточил отверстие, снова подул, закашлялся.

Деповцы стояли рядом, посмеивались. Володя Хренов не унимался:

— Может, музыкантов созвать? У них легкие с паровозный котел!

Наконец Михаил Степанович сплюнул, вытер ветшью руки.

— Ну, архангелы, тащите на стенд!

И — надо же! — загудел гудок совсем по-иному. Каким-то мелодичным бархатным голосом, с переливами.

Зашумели, загалдели люди. «Вот это баритончик! Ай да Степаныч! И послушать приятно!»

С тех пор гудок созывал народ на работу, извещал о конце смены. «Депю гудит!» — ласково говорили верещагинцы.

Но были и другие минуты, когда деповский гудок, прерываясь, тревожно, заунывно оповещал людей о беде: крушении или аварии. Спешили тогда рабочие к восстановительному поезду, бежали на станцию жены и дети паровозников узнать, не с их ли мужем или отцом стряслась беда... Подавал гудок и сигнал о пожаре, собирал народ на помощь, на выручку.

Все привыкли к гудку и давно позабыли, что обязаны этим сигналом деповскому слесарю Каменских. Сам же Михаил Степанович, понятно, не забыл, как долго возился с гудком, как посмеивались над ним «архангелы». И стал со временем гудок для него будто родным и близким.

Но в один только день рухнули все его приятные воспоминания. Слушая рев гудка, Михаил Степанович не находил себе места.

В тот морозный январский день двадцать четвертого года деповский гудок загудел по-особому тревожно. Он

прерывался и снова гудел — надрывно, печально. Ему вторили гудки паровозов, тоже тревожно и скорбно.

На привокзальную площадь со всего поселка стекались взволнованные люди. Подходившие с боязнь спрашивали: «Что? Что случилось?» И тем, кто уже знал об этом, трудно, мучительно трудно было произнести всего два слова: «Ленин... умер...»

Вечером на площади состоялся митинг. В скорбной тишине пылали факелы, освещая портреты любимого вождя в траурной рамке. Железнодорожники поклялись быть верными заветам Ленина, продолжать начатое им дело, теснее сплотиться вокруг большевистской партии.

Слова взрослых слышала молодежь. Эти слова, исходившие от самого сердца, этот необычный митинг и мрачный морозный вечер запомнились юношам и девушкам на всю жизнь.

2

Отец поручил Алексею притереть в запорном вентиле клапан. Серьезное задание! Но Алексей видел, как это делают слесари, и решил, что легко справится. Долго маялся с клапаном, наконец, взволнованный в предчувствии удачи, пошел к отцу.

Михаил Степанович положил вентиль на свою широкую ладонь, поднес к глазам. Все это видели слесари. Алексей слышал, как за его спиной кто-то сказал негромко:

— У сына родного как, поди, не примет...

И вдруг — уж этого Алексей никак не ожидал — вентиль полетел на пол, задел загримевшие листы железа.

— Переделать!

Алексею показалось, что это не железо гремит, а над ним хохочет вся бригада. Стало до боли обидно. Захо-

телось выскочить во двор и убежать куда-нибудь. Ну, объяснил бы спокойно, так, мол, и так надо делать, а то швырнул вентиль как вовсе непригодный. У всех на виду! Вот и похохотывают сейчас слесари...

А Михаил Степанович и внимания не обратил на румянец, заливший щеки сына. Он тут же принялся распекал уже немолодого слесаря за то, что тот небрежно отшлифовал спускной кран у котла. Уже был случай, когда приемщик заставил тушить котел, едва паровоз вышел из подъемки в пробную поездку. Краны тогда начали парить, и пришлось вернуть паровоз на ремонт. Оплешность допустили слесари, а на орехи досталось Михаилу Степановичу.

Вот и сейчас он размахивал руками под носом у слесаря.

— Говорю, парить кран станет! Сколь учить вас надо?

Алексей подобрал вентиль и поплелся в темный угол. В голове все еще стоял грохот железа, гневное отцовское «переделать!».

Сзади кто-то схватил его за руку повыше локтя. Он хотел было выдернуть руку, но держали его крепко. Обернулся — Кокорин! Промелькнула мысль: «Ну, сейчас утешать начнет, как мальчишку!» Однако услышал:

— Отец прав — учить молодежь надо... А ты чего, Федул, губы надул? Али кафтан прожог?

И — уже утешительно:

— Слесари смеялись, думаешь, над бедой твоей? Чудак-человек! Не такие они злые. Они над неловким любят посмеяться. Но вовсе без злобы.

Кокорин говорил с Алексеем как старший с младшим, но не поучал, не давил авторитетом, а словно беседовал с другом. Алексей, не привыкший к отцовской ласке и теплому слову, поостыл, успокоился. Бежать из депо уже не хотелось.

— Слушай, давай-ка мы вместе поглядим, что сделать с этим проклятым вентиляем. — Кокорин заговорщически подмигнул Алексею.

Вдвоем они управились быстро. Принимая вентиль, Михаил Степанович скосил глаза на Кокорина и только одобрительно хмыкнул. Василий Григорьевич ткнул Алексея кулаком в бок:

— Видал?!

Потом вынул из нагрудного кармана пиджака большие плоские часы на ремешке.

— Ух ты! Пойдем-ка, пожую вместе да потолкуем.

Василия Григорьевича назначили заведующим агитпунктом. Много новых обязанностей у него появилось. За обедом он попросил Алексея рассказать о последней поездке молодежи в деревню.

К Алексею вернулось хорошее настроение. Рассказывал он охотно.

Впервые решено было выехать в отдаленную деревню Соколово — верст за шестьдесят от станции. Поехали в двух санях. Дорогу перемело. То и дело приходилось помогать лошадям вывозить сани из сугробов. В деревне отогрелись горячим чаем, угостились картофельными шаньгами и начали готовиться к концерту.

В самую просторную избу занесли лавки, табуретки. Изба была хорошо вытоплена, но ее быстро застудили — народу набралось много, а двери почти не затворялись: люди все подходили и подходили.

Ребятишки устроились на полатах в два ряда, на печи, под ногами у взрослых. Таращили глаза на инструменты, прислушивались к разноголосым звукам — музыканты настраивались. Им предстояло начать с марша.

И вот дирижер взмахнул рукой. Грянули все враз, что есть мочи. Зазвенели стекла в избе, взрослые от неожиданности отшатнулись, а ребятишки кубарем скапнулись с полатей и стремглав бросились к дверям...

Слушая Алексея, Кокорин хохотал от души.

— Значит, говоришь, к дверям бросились! Крепко напугали вы ребят!

Он отодвинул пустую тарелку, наморщил лоб.

— Знаешь, Алеша, эти концерты в деревнях — нужное дело. Но ваши выступления должны быть не просто развлекательными, они должны нести идейную, политическую нагрузку. Понимаешь? Ну вот, допустим, приехали вы в деревню. Что у вас в программе? Песни, романсы, цыганские пляски, отрывки из пьес. Крестьянин сидит, слушает, а в голове у него тяжелые думы ворочаются: когда рабочие трактора пришлют, как выгоднее ему личным хлебом распорядиться... В деревне много неграмотных, газеты до них доходят редко, бывает, всяким слухам верят. Значит, вы, молодые рабочие, должны взять их на буксир, рассказывать им о политике Советской власти, о том, чему Ленин учит... Смекнул? Давайте вместе подумаем, как подготовиться к новой поездке.

Продолжая разговор, они вышли во двор мастерской. Густыми хлопьями валил снег. Кокорин с наслаждением тянул толстую самокрутку. При сильных затяжках на конце ее вспыхивал и тут же угасал несмелый огонек.

— Вот что еще, Алеша. Есть у меня идея организовать при депо рабочую школу. Чтобы обучали в ней токарному и слесарному мастерству. Сейчас в депо — сам знаешь — заставляют ученика слесаря выполнять разные случайные работы. Время идет, а толку мало. Не изжили мы еще старое отношение к ученикам. А в школе — все по науке. Глядишь, пройдет пара лет, ребята спецами станут. Пойдут они в такую школу?

— Пойдут, Василий Григорьевич! Вот я хотя бы, Генка Гусев, другие. — Алексей был польщен, что Кокорин советует с ним, как со взрослым. Потому и ре-

шился спросить о заветном: — А нельзя ли открыть школу, чтоб на машинистов или помощников обучали?

Кокорин усмехнулся:

— Вот все вы такие: сади вас на паровоз — и только! А пока слесари да токари позарез нужны. У вас же терпехи никакой нету... Ну и снежище! — Он поглядел вверх, в низкое-низкое небо, откуда валом валили кружащиеся, танцующие, бесящиеся снежинки.

...После этого разговора Кокорин стал постоянно приходить в народный дом, где молодежь собиралась на репетиции. Ребята листали газеты, основательно готовились к выступлениям, долго спорили, поймут или не поймут крестьяне, местные жители такие выражения, как «классовая солидарность», «гегемония пролетариата».

— А вы попроще с народом говорите, чтоб не зевали люди на ваших концертах, — советовал Кокорин.

Позднее кружковцы стали называть себя солидно — участниками живой театрализованной газеты. Аркадий Рязанов, Николай Максимовых, Анна Марамыгина, Михаил Козлов, Александра Ракова и другие ребята и девчата готовы были колесить по окрестным деревням и в осеннюю распутицу, и в лютый мороз.

Алексей Каменских успевал одновременно заниматься в музыкальном и драматическом кружках. Как-то он затащил на репетицию Марию Федоровну. Она тихо-тихо сидела в пустом зале, не сводя глаз со сцены. Шла репетиция новой пьесы. У девушки, игравшей сорокалетнюю женщину, срывался голос. Она стрекозой порхала по сцене, вместо того, чтобы ходить плавно и неторопливо. Руководитель драмкружка рвал на себе волосы.

— Валюша, пойми ты наконец: тебе сорок лет, у тебя дети взрослые!

Валюша свирепо хмурила брови и пыталась говорить

басом. Руководитель закатывал глаза, хватался за сердце. Алексей что-то шепнул ему на ухо. Он кинулся в зал.

— Мария Федоровна! Выручайте нас!

— Что-нибудь пошить надо?

— Хуже — роль надо разучить! Срочно!

Она ссылаясь на заботы по хозяйству, на то, что ее и так в женактив выдвинули, что она просто не сумеет выступить на сцене принародно. Уговаривали всем кружком. Уговорили!

Роль-то была небольшой, но предстояло заучить каждое слово, и это пугало Марию Федоровну. Вдруг позабудет текст и скажет что-нибудь такое, от чего весь зал загрохочет! Стыда ведь не оберешься!

Разучивала роль вместе с Алексеем, пока не было дома Михаила Степановича. Отца побаивались. На старшего сына, пропадавшего в народном доме все вечера, он вроде бы рукой махнул, но если же узнает, что и жена в артисты записалась, непременно быть грозе.

Репетиции подходили к концу. Марии Федоровне хотелось еще раз повторить с Алексеем заключительную сцену, а Михаил Степанович после ужина как на грех уселся подшивать валенки. Еле-еле удалось уговорить его сходить к брату Николаю за какой-то мелочью.

Николая, однако, он не застал и, раздосадованный, вернулся домой. Отворил дверь и...

Мария Федоровна, в чужих туфлях на высоких каблуках и в широкополой шляпе с вуалью, застыла, подбоченясь, посреди избы, надменно глядя на Алексея, который стоял перед нею на коленях, воздев вверх руки. Младшие сыновья сидели в ряд на лавке, разинув рты.

— Делать вам нечего! — загремел Михаил Степанович. — Посуда не мыта, вода не наношена, а они в бирюльки играют!

Зрителей словно сдуло с лавки — ребята бросились к ведрам. Покачиваясь на каблуках, Мария Федоровна проковыляла на кухню. Михаил Степанович недоуменно посмотрел ей вслед, задержал взгляд на шляпке. Крякнул и пошел к ведрам.

— Сам схожу...

Пьеса прошла на «бис». Марии Федоровне говорили, что ей непременно надо «совершенствоваться». Она, красневшая, вовсе смутилась, торопила Алексея домой.

— А танцы? Давай останемся на танцы? — предложил Алексей, любясь как-то враз помолодевшей матерью.

Она долго не могла заснуть. Перед глазами стояли декорации, мелькали кружковцы в необычной одежде, все еще слышались аплодисменты. Люди аплодировали артистам, значит, и ей тоже, значит, и она доставила, пусть небольшую, радость людям.

Часто она думала, что не приносит людям никакой пользы. Домашняя хозяйка — и все тут. Ну, воспитывает детей, заботится о муже — это обязанность всякой женщины — матери и жены. А теперь, выходит, и она может сделать для людей что-то доброе, нужное им!..

Но больше на сцену, как ее ни уговаривали, она не пошла: росла семья. После первой девочки — Сони — она родила еще двух сыновей: в двадцать четвертом году Борю, в двадцать девятом — Женю. А при семерых детях обо всем на свете позабудешь, утонешь в стряпне, шитье и стирке. Все же Мария Федоровна находила время сходиться в школу, где учились ребята, побывать в депо на заседании женактива. Дети и учились хорошо, и по хозяйству помогали. Когда она рассказывала о них соседкам, лицо ее, как и в памятный вечер после выступления на сцене, покрывалось румянцем, становилось совсем молодым.

Василия Григорьевича Кокорина перевели в Оханск, но идея его осуществилась. Первого января 1924 года в

Берецагино открылась двухгодичная школа бригадного ученичества — ШБУ, как стали называть ее сокращенно. В том году записались в нее двенадцать человек: Алексей Каменских, Геннадий Гусев, Евгений Вотинов, Валерий Бурдин, Степан Мотоласов, Егор Нелюбин, Степа Погудин и другие ребята.

Михаил Степанович поначалу не одобрял ученичество сына. Ему казалось, что тот попусту теряет время, что слесарное мастерство может прийти к человеку только после долголетней практики, а учеников ШБУ в первые месяцы заставляли зубрить по учебникам, учили читать чертежи.

Когда у ребят началась практика, он взял Алексея и Геннадия в свою бригаду. Видел, что в чертежах они научились разбираться, но все еще не умели толком владеть напильником. Он ехидничал над ними, называл их не иначе как «талантами», и показывал, как нужно обращаться со слесарным инструментом. У ребят выходило неплохо, Михаил Степанович радовался, поглаживал усы и с каждым днем повышал требования к ученикам, находя удовлетворение в этом новом занятии.

После окончания ШБУ ребята получили новенькие удостоверения, в которых говорилось, что владельцы их приобрели рабочую специальность. В своем удостоверении Алексей прочел «А. М. Каменских, слесарь пятого разряда».

Дома он порылся в своих книгах, отыскал тоненькую брошюрку — инструкцию для машинистов паровозов. Ткнув под нос брату Коле удостоверение, прочитал вслух первую фразу инструкции: «Машинистом может быть слесарь не ниже пятого разряда, наездивший мощником не менее 50 тысяч километров».

— Понял? — Алексей взъерошил брату волосы.

Коле шел одиннадцатый год. Он знал, что от Берецагино до Очера, где живет дядя Павел, двадцать пять

километров. Цифра «50 тысяч» не укладывалась у него в голове, поэтому он спросил:

— А это много?

Алексей подумал.

— Ерунда! Надо всего три раза съездить до Владивостока и обратно.

Коля покосился на вошедшую в комнату мать, прошептал:

— И ты поедешь в... во Владивосток?

Сощурившись и настороженно оглядевшись по сторонам, Алексей ответил также шепотом:

— Тс-с! На крыше товарняка!

На просторной площади — оживленная толчея, шум, гам. Блеют овцы, мычат коровы, ржут лошади. Словно пытаясь заглушить этот разноголосый шум, кто-то озорно, с надрывом наяривает на гармошке. Люди, как слепые котятка, суются то туда, то сюда, толкают друг друга, смеются, чертыхаются. Орут, расхваливая свой товар, продавцы:

— Чашки, горшки и корчажки! Опьянен угаром, отдаю задаром... Под-хо-ди — разберут, не достанется!

— Сиги, сиги, сиги! Лучшая рыба на белом свете! Пальчики откусишь!

— Для молодки и старушки — бочки и кадушки, солить огурцы, капусту ква-а-сить!

Чего только нет на возах и прилавках! Дуги, хомуты, конская сбруя, деготь, смола, древесный уголь, гвозди, подковы, ухваты... Платки, поношенные пиджаки, тулупы, валенки... Детские деревянные игрушки — матрешки, лошадки, размалеванные ваньки-встаньки... Квашеная капуста, огурцы, молоко, сметана, творог...

Посредине площади — балаган. Охрипший клоун-завывала кричит, будто его режут:

— Почтеннейшая публика! Не жалея-ка рублика! Сами заходите, других заводите! Только у нас спящая красавица не просыпается! К нам в балаган! К нам в балаган!

Выбегает другой клоун. Из глаз фонтанчиками брызжут слезы.

— Жену потерял, женушку любимую!

Из-за занавески выводят медведя на цепи. Медведь встает на задние лапы, клоун с радостным воплем «Нашел!» бросается к нему в объятья. Медведь рычит, шарахается в сторону.

Собравшийся возле балагана народ хохочет. Встают в очередь покупать билеты.

Кто-то кого-то потерял, кричит, надеясь быть услышанным...

А все это вместе взятое называется ярмаркой...

На традиционную зимнюю очерскую ярмарку съехалась тьма народу — со всех окрестных деревень, из Верещагино, Оханска и даже из Перми. Частноторговцы — хозяева небольших магазинчиков, ларьков и лавчонок — широко улыбались при виде покупателей, прикидывали в уме барыши. Настроение им портили только аккуратно одетые продавцы потребительской кооперации, торговавшие хозяйственными товарами из пермской товарной биржи.

Михаил Степанович приехал на ярмарку с Алексеем, Володькой и Геркой. Он уже купил муки и мяса, сигов, нанизанных, будто большие бусины, на веревку, уложил покушки в сани под полог и не спеша направился к человеку в очках, продававшему картины и потрепанные книги.

На холстяных полотнах целовались толстые голуби, вызывающе улыбались, показывая голые плечи, большеглазые красавицы. Несколько снежинок таяло на румяных, без единого пятнышка, яблоках, уложенных гор-

кой в вазе. Но не голуби и не яблоки занимали Михаила Степановича — он, не отрываясь, смотрел на необыкновенную картину в простенькой деревянной рамке.

Морское побережье. Ночь. Три рыбацких парусника у пологого берега. Небо хмурое. Море беспокойное, волнистое. Надвигается гроза. Рыбаки только что вернулись с уловом. Торопятся снять паруса. Один уже снят, а другие полощет злой ветер. Далеко вдали черное небо сливается с темно-синим морем. А посреди неба, между разорвавшихся грозowych туч — ясная, очень светлая луна. Она серебром высвечивает море, парусники, рыбаков...

Подумалось: «Повесить ее на стенку, она, поди, и в темноте станет светить, как лампада».

Продавец, похожий на учителя или конторского служащего, поправил очки, снял картину с ящика, стряхнул рваной варежкой снег с рамки.

— Эта приглянулась? Советую приобрести. «Море при лунном освещении». Знаменитый голландский живописец Альберт Кейп. Семнадцатый век. Я привез ее из Москвы. Это, конечно, не подлинник, но посмотрите, какое богатство красок...

Невесть чего застеснявшийся Михаил Степанович купил картину, не торгуясь. Запахнул ее полушубком и вернулся к саням. Достал пустой чистый мешок, бережно завернул в него покупку. Володька с Геркой сунулись было поглядеть, что там на картине нарисовано, но отец недовольно буркнул:

— После увидите. Ехать пора.

Картин он еще никогда не покупал, а потому, видно, чувствовал себя как-то неловко. Дома на стене, как и в любом другом доме, у них висело лишь несколько старых семейных фотографий, а вот картин, да еще таких красивых, он ни у кого не видывал. Может, следовало купить яблоки? Но яблоки только ребят дразнить будут.

А море... Он никогда не был на море. Значит, вот оно какое... И такая луна бывает...

Спроси у него, что понравилось ему в этой картине, он бы, пожалуй, и не ответил толком. Что-то было в ней такое, что на словах передать невозможно.

Лошадь бойко бежала по накатистому очерскому тракту. Алексей попросил у отца вожжи и, довольный, перебрался на передок. По краям дороги из снежных сугробов сиротливо торчали худые обгорелые стволы деревьев, будто зубья в старом поломанном гребне. Летом двадцать первого года здесь прошел страшный пожар. Погорели Скобели, Хомяки и другие деревни. Ветер дул со стороны Очера, яростное пламя не могли остановить, и оно подбиралось к Верещагино. Перепуганные жители поселка вывозили домашний скarb в поле и закапывали в ямы. Железнодорожники дежурили возле станции, готовясь дать отпор огню. Алексей сидел тогда с ведром воды на крыше дома и видел сверху, как их сосед Слаутин, человек рассудительный и невозмутимый, не обращая внимания на всеобщую панику, преспокойно красил оконные рамы. Быть бы, верно, большой беде, да догадался кто-то устроить встречный пожар, когда ветер переменялся...

Глядя на обгорелые деревья, вспомнил о пожаре и Михаил Степанович. Рассказывали, что поджог устроили кулаки, недовольные новыми порядками. Говорили, будто был среди арестованных и бывший околоточный Прокопий. Но слух этот не взволновал Михаила Степановича — старое стало забываться, теперь другие заботы вытеснили прежние тревоги и сомнения. И он даже удивлялся, как это мог раньше придавать значение таким, казалось бы, пустякам, как ухаживание Прокопия за Марией...

Когда приехали, Михаил Степанович передал покупки Марии Федоровне, затем не спеша вбил гвоздь в стену и

уж потом только достал из мешка картину. Осторожно протер ее сухим полотенцем, повесил и отошел в сторону поглядеть, ровно ли висит.

Хмурые волны, казалось, готовы были выплеснуться на бревенчатую стену. Мягкий лунный свет заполнил комнату.

Скрестив на груди руки, Мария Федоровна смотрела на картину задумчиво, настороженно. Будто это не их, а чья-то чужая вещь, которую повесили лишь на мгновение и скоро должны унести.

Насупившийся Николка на картину даже не глядел: привезенные покупки его вовсе не интересуют, потому как его не взяли на ярмарку.

Герка и Володька глазели на картину с любопытством, не понимая, почему отец так осторожно вешал ее, словно это не картина, а какая-нибудь стекляшка, которая может упасть и разбиться.

Только Алексей, как и подобает человеку взрослому, спокойно сидел на лавке, посматривая на картину со стороны.

— Эх, папка! Купил бы лучше бронепоезд с красным знаменем! — выразил свою оценку Володька.

— Или морской пароход! — поддержал его Герка.

После окончания ШБУ пошел Алексей слесарить. Когда выдавалось свободное время, торчал у паровозов. Познакомился с Константином Михайловичем Колчановым, веселым, разговорчивым машинистом. Колчанов дал ему книжки по устройству паровоза, предложил выучить инструкции кочегара и помощника.

Алексей добросовестно проштудировал инструкции и даже удивил Колчанова четкими ответами. Но услышал совсем неожиданное:

— Походишь года три в слесарях, потом пару лет

покочегаришь, тогда я и возьму тебя к себе на левое крыло.

— Под левое крыло! — усмехнулся Алексей, но так и не понял Колчанова — шутит он, что ли, столько времени ждать — все инструкции позабудешь!

По утрам он спешил в депо и часто встречал вернувшихся из поездки паровозников. Они шли неторопливо, по обыкновению, чуть впереди машинист, за ним — помощник и кочегар. В руках «шарманки» — небольшие ящички для провизии. Грязные, уставшие, они, тем не менее, оживленно переговаривались, шутили.

Алексей старался не смотреть им в глаза: ему казалось, что они заметят его завистливый взгляд. Он приходил в депо, принимался за работу. И всякий раз, когда гудел, подходя к станции, паровоз, тревожно щемило сердце.

И вот однажды — было это весной двадцать восьмого года — Колчанов неожиданно появился в депо.

— У меня вот кочегар приболел, а в воскресенье надо в Балезино. Может, выручишь?

Алексей не сдержался, широко улыбнулся.

— Если доверяете, Константин Михайлович!

— Если б не доверял, не пришел бы с поклоном, — заметил Колчанов.

Алексей часто представлял, как поедет в первую поездку...

Мать с отцом выйдут провожать его до самого депо. У паровоза он степенно попрощается с ними, деловито поднимется в будку и махнет рукой. Помчится поезд, он будет выглядывать из окошка, подставляя ветру лицо. Поглядит вперед — увидит незнакомые станции, обернется назад — станет любоваться длинным составом, который ведет он с товарищами.

Получилось, однако, все не так, как он загадывал. Поезд должен был отойти со станции около шести утра,

Алексей страшно боялся проспать, несколько раз поднимался ночью, чтобы посмотреть на стрелки ходиков, а когда уходил, все еще спали.

Михаил Степанович, узнав, что сын поедет кочегаром, неопределенно пробубнил:

— Ну-ну!

А потом добавил:

— Пригодится: станешь помогать матери печь растоплять!

В поездке ему так и не довелось ни разу выглянуть из окошка паровоза. Дрова горели плохо, Колчанов то и дело покрикивал:

— Помощник, поддать пару! Кочегар, ты что, спишь, что ли?

«Почему он таким сделался? Будто не знает, что дрова сырые!» — думал Алексей, с ненавистью глядя в топку, которая, словно жадное хищное животное, проглатывала топливо.

На обратном пути Колчанов из-за какого-то пустяка придрался к помощнику, и тот, уже немолодой железнодорожник, не выдержал:

— Будя тебе, Михалыч! Че понапрасну-то?

— Молчать! — загремел Колчанов. — Работать будем или лясы точить?

После этого ехали молча. Алексей торчал на тендере, поджав губы, укладывал дрова в лоток.

Домой шел вместе с Колчановым. Помалкивал. Константин Михайлович спросил как бы между прочим:

— Ну как, кочегар, умаялся?

— Да нет...

— В другой раз со мной поедешь?

— Поеду.

— Эх, Алеша, Алеша! — Колчанов обнял Алексея за плечи. — Хороший ты парень: простой, свойский. Люблю таких. Я ведь заметил, как ты аккуратно дрова уклады-

вал, как старательно на «треугольнике» поддувало очищал... Аккуратность — важное качество паровозника. А не требовать с вас нельзя — разболтаетесь. Дисциплина — это, брат, на транспорте превыше топлива, без нее никуда не уедешь. Запомни: не будешь дисциплинирован, не научишься понимать машиниста с полуслова — нечего тебе делать в будке.

В середине апреля Алексея перевели из депо в паровозную бригаду кочегаром. Он догадывался, что произошло это не без участия Колчанова. А к мнению Колчанова прислушивались — он считался одним из лучших машинистов в Верещагино.

Алексей сам изготовил «шарманку». Мария Федоровна действительно выходила его провожать, но не до станции, а до ворот. Смотрела вслед ему — Алексей обернуться боялся — и стояла у ворот, сложив на груди руки, пока он не сворачивал за угол.

Алексей засел за учебники, перестал посещать драмкружок, который отнимал много времени, и вскоре успешно сдал на помощника. Добившись своего, снова вернулся в клуб, зачастил на танцы. Он не просто соскучился по товарищам, для возвращения в клуб были и иные основания.

После танцев или занятий в кружках все ребята провожали девчат. Алексей тоже провожал девушек до дому — кого придется, не отдавая предпочтения ни одной, хотя нравился многим: девчата, словно сговорившись, охотнее танцевали со спортсменами и активистами.

Как-то на танцах он неловко повернулся и наступил на ногу Лене Герасимовой, высокой стройной девушке. Та ойкнула, обозвала его медведем и, расстроенная, ушла в угол. Кончились танцы, и Алексей пошел провожать Лену. У нее были новые туфли, и она пошла их в руках. Это сместило Алексея. Он предлагал, чтобы она тоже наступила ему на ногу, — иначе, мол, они могут рассориться.

Лена не соглашалась, отвечая, что и не собирается с ним мириться.

Ну, а потом... Потом была свадьба. Народу в доме Каменских набилось столько, что протолкнуться было невозможно. Со стороны жениха на свадьбу заявила в полном составе сборная футбольная команда поселка, включая «загольных» беков, а со стороны невесты — работники верещагинского загса: Лена работала в загсе делопроизводителем...

После женитьбы он принялся перекрывать крышу дома, строил новый сарай, словом, с головой ушел в хозяйство.

Прошло года полтора, он уже наездил помощником пятьдесят тысяч километров и стал, по совету Колчанова, готовиться к экзаменам.

Готовились к экзаменам на машинистов еще несколько помощников. Колчанов, которого перевели в инструкторы, и другой инструктор, Лысков, гоняли ребят здорово, зачет выдержали только пятеро, среди них и Алексей. В апреле 1930 года он приехал с товарищами в Пермь сдавать экзамены.

Члены приемной комиссии пригласили юношей зайти в комнату всех вместе. Им сказали, чтобы они не волновались, — на них даны хорошие характеристики, предупредили, что вызывать будут по одному.

Пригласили Алексея. Строгий железнодорожник в очках, очень похожий на Якова Михайловича Свердлова, по-видимому, председатель комиссии, задал первый вопрос:

— Когда мы с вами, товарищ механик, ставим контрпар?

— Контрпар ставится тогда, когда в поезде недостает тормозной силы, — выпалил Алексей.

Председатель комиссии снял очки, сощурился.

Младший лейтенант Алексей Каменский (второй слева) с товарищами.

Дети братьев Каменских

В семье Каменских в настоящее время проживают пять человек: Алексей, его жена Мария и трое детей: Мария, Александр и Алексей. Алексей — младший из братьев, он родился в 1907 году в деревне Верещагино Пермской губернии. В 1925 году окончил Пермскую железнодорожную школу и в том же году поступил на службу в Пермский железнодорожный техникум. В 1928 году окончил техникум и в том же году поступил на службу в Пермский железнодорожный техникум. В 1930 году окончил техникум и в том же году поступил на службу в Пермский железнодорожный техникум.

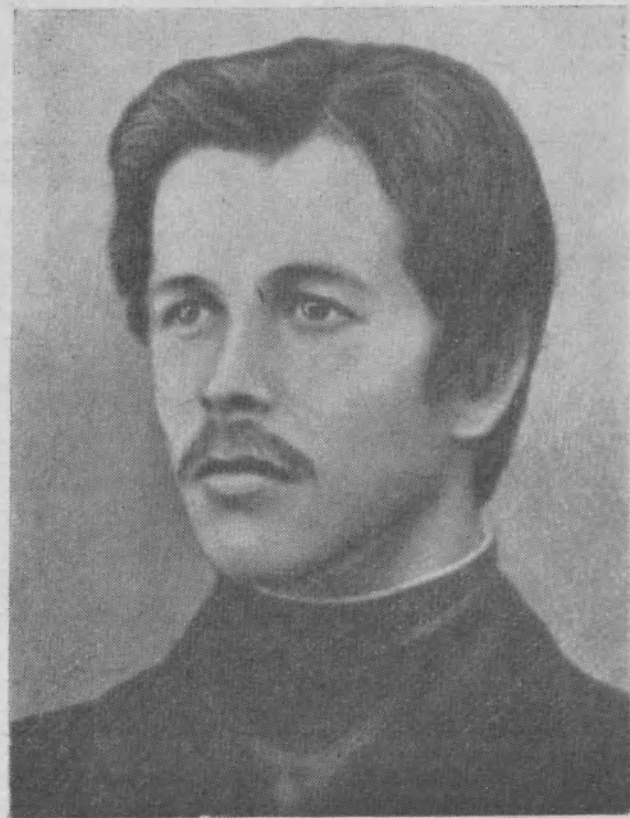

В семье Каменских в настоящее время проживают пять человек: Алексей, его жена Мария и трое детей: Мария, Александр и Алексей. Алексей — младший из братьев, он родился в 1907 году в деревне Верещагино Пермской губернии. В 1925 году окончил Пермскую железнодорожную школу и в том же году поступил на службу в Пермский железнодорожный техникум. В 1928 году окончил техникум и в том же году поступил на службу в Пермский железнодорожный техникум. В 1930 году окончил техникум и в том же году поступил на службу в Пермский железнодорожный техникум.

О семье Каменских рассказал журнал «Огонек».

Мария Федоровна.

Михаил Степанович. Год 1904-й.

Железнодорожники знали Алексея Михайловича как активного участника художественной самодеятельности.

Сборная футбольная команда Верещагино. Николай (в середине второго ряда) — центральный защитник, Герман (третий справа в третьем ряду) — центральный нападающий.

Братья с женами собрались у отца, чтобы поздравить Николая с присуждением звания лауреата.

«Счастливого пути!» Напутствия младшему брату Евгению, отправляющемуся в первую самостоятельную поездку.

Николай (в центре) с членами своей бригады
Завершен еще один рейс.

Николай Михайлович с сыном Эриком.

Алексей переступил с ноги на ногу, кашлянул. «Все подряд, что ли, выкладывать?»

— Несет... Проедешь семафор...

Члены комиссии оживились, заулыбались. Алексей вздохнул, снова кашлянул и начал обстоятельно рассказывать о всех действиях машиниста при постановке контрпара.

Посыпались новые вопросы — об устройстве котла и паровой машины, об арматуре, о парораспределительных золотниках. Он отвечал, краснея и отдуваясь, а членам комиссии всего этого было мало. Спросили о четвертом положении рукоятки крана машиниста Вестингауза — о служебном торможении.

Он медленно подошел к висевшим на обшарпанной стене плакатам и схемам. Взял указку. Отвечал, а сам думал — вот-вот «подкинут» какой-нибудь каверзный вопрос. Но спросили о работе тройных клапанов, о причинах неисправности паровоздушного насоса.

«Семечки!» — об этом и Колчанов не раз спрашивал.

Члены комиссии, казалось, выдохлись. Кто-то из них спросил о сигналах. Хо-хо! Алексей невольно улыбнулся — на этот вопрос даже Лена могла бы ответить!

Наконец он услышал:

— Кто готовил вас к экзаменам?

Надо полагать, этот вопрос последний!

— Машинист-инструктор Константин Михайлович Колчанов.

— Все. Можете идти.

После того как закончили отвечать остальные ребята, всех снова пригласили зайти в комнату. Похожий на Свердлова экзаменатор встал и торжественно произнес:

— Экзамены выдержали все. Позвольте мне от имени членов комиссии поздравить вас, товарищи машинисты. — Он сделал паузу и добродушно улыбнулся: — И пожелать вам счастливых дорог! Надеемся, что вы удар-

ным трудом поможете делу выполнения пятилетнего плана!

Ребята многозначительно переглянулись, а когда вышли из комнаты, принялись поздравлять друг друга. Теперь уже все позади и они — машинисты, самые молодые машинисты в Верещагино!

В первой самостоятельной поездке Алексея, согласно инструкции, сопровождал Колчанов. Ехал будто пассажир — помалкивал. А где-то на полпути к Балезино заявил:

— Сойду на ближайшей остановке. Вижу: не нужна тебе нянька.

Пожал Колчанов руку, и Алексею стало вроде как жутко. Один остался! Помощник, кочегар — те не в счет. Случись что, отвечать должен ты, потому как ты — машинист, старший в бригаде...

Вот оно что! Вот почему иные помощники не метят в машинисты! Зарабатывают неплохо, обязанности свои выполняют, а работы и у них немало, но в случае чего овечкой прикинута — машинист, мол, виноват. Но как же так... Жить по принципу «моя хата с краю», бояться, как черт ладана, ответственности — разве ж это жизнь? Серое существование.

Размышляя об этом, Алексей продул водомерное стекло, заглянул в топку и, выглянув в окно, увидел подхлывшего к паровозу главного кондуктора.

— Держи жезло, механик!

Раздался свист — звонкий, переливчатый. Такой знакомый, родной вроде, и в то же время настораживающий — для тебя сигнал!

Алексей проверил жезл, дал сигнал отправления. Поехали! Он знал: сейчас, за поворотом, длинная прямая, состав разбежится перед подъемом, ничего страшного...

Машинист... Машинист представлялся Алексею каким-то даже недоступным — серьезным, неразговорчивым, полным собственного достоинства человеком, каким знали в Верещагино Николая Федоровича Бородкина. Или таким, как Колчанов, — веселым, жизнерадостным дома, в депо и предельно строгим, даже придиричвым в паровой будке. А он, Алексей, совсем не такой: не больно серьезный, не очень строгий, хотя ему уже исполнилось двадцать пять.

Машинист... А в общем-то это очень здорово — быть машинистом! В поселке к тебе всеобщее уважение, ну, как к доктору, например, или учителю. Хотя ты и остаешься рабочим. Рабочим высшей квалификации! На одном из собраний в депо так и сказали: машинист — ведущая фигура на железнодорожном транспорте. Алексей тогда улыбнулся — его позабавило это выражение — «ведущая фигура». Теперь и он, выходит, фигура! Не пешка какая-нибудь!

Знал Алексей о трудностях, которые подстерегают в пути машиниста. Но пока знал лишь понаслышке. Чтобы иметь полное представление о бедах и радостях машиниста, надо самому наездить у правого окошка десятки тысяч километров. У него же это была первая самостоятельная поездка.

Сдать экзамен на машиниста — не такая уж большая заслуга. Чтобы стать хорошим машинистом, надо учиться всю жизнь. Потому-то главный экзаменатор для машиниста — сама жизнь, с ее неизбежными тревогами и невзгодами... И еще совесть. Рабочая совесть, потому как машинист — государственный человек, то есть находящийся на службе у государства, на очень трудном, ответственном посту.

Ему доверено перевозить людей и грузы. Первая заповедь машиниста — доставить состав на станцию назначения вовремя, строго по графику. Стоит ему опоздать, на-

рушить график, и красный свет семафора загорится на пути других поездов, приостановится движение на всей дороге.

В любое время суток могут вызвать машиниста в поездку. Он должен вести состав и под палящим солнцем, и в проливной дождь, и в лютую стужу. Но не о себе думает машинист в непогоду. Одно его беспокоит — как бы не выбиться из графика. Дождь мешает сцеплению колес и рельсов, вызывает буксовку, в метель ухудшается видимость, и это более всего тревожит машиниста.

Разные трудности и неожиданности подстерегают его в пути. Все может быть. Может случиться самое страшное — крушение. Не по вине машиниста, а из-за оплошности других людей. Так бывает... Но чтобы предупредить его, надо всегда иметь исправный паровоз — старательно готовить его к поездке, придирчиво осматривая каждый болт, каждую гайку. Понадеешься на «авось» — в пути горя хлебнешь...

На Урале тяжелый профиль пути. Подъемы и спуски, крутые повороты требуют от машиниста предельной собранности и внимания. Говорят, невелика физическая нагрузка машиниста, а возвращается он из поездки всегда усталым — видно, дает себя знать нервное напряжение. Он отвечает за паровоз, за бригаду, за людей или грузы, которые везет. Получается, что чувство ответственности для машиниста — превыше всего. Ведь он человек государственный...

Все это Алексею, как и любому другому машинисту, еще предстояло пережить, осознать... В свою первую поездку он и не думал об этом, только сердце стучало гулко-гулко — а вдруг что-нибудь?

Разогнавшись на прямой, состав осилил затяжной подъем и вырвался на спасительную площадку, стал приближаться к новому повороту. За ним — разъезд, который поезда всегда проходили без остановки. Перед

уклоном надо перетянуть три четверти состава на спуск, закрыть регулятор. Впереди — зеленый... Но — что это? Алексей неожиданно увидел красный, зловещий красный свет!

В горле пересохло, холодный пот выступил на лбу. Оправившись от мгновенной растерянности, Алексей дал три длинных гудка — сигнал кондукторской бригаде. Крикнул помощнику:

— Тормоза до отказа!

Скомандовал сам себе: «Ставь контрпар!» А красный — все ближе и ближе. Надо качать воду, открыть краны. Открыть регулятор на большой клапан, потом перевести винт переменного хода на задний ход. Только бы успеть!

Алексей почувствовал — паровоз дрогнул, будто натолкнувшись на какую-то преграду. Прополз немного, остановился. Можно снимать контрпар... Можно накопец-то расслабиться.

— Кочегар, прокрути трещотку прессмасленки, — Алексей плюхнулся на сиденье, снял фуражку, достал из кармана платок.

А зеленый не давали минут пятнадцать. Хорошо, что Колчанов сошел, а то бы...

Вернувшись в Верещагино, Алексей сдал паровоз новой бригаде и по дороге в депо наткнулся на Колчанова. На его вопрос о поездке ответил, что съездил нормально. Колчанов хмыкнул.

— Так оно... Только на спусках перед станцией скоростя забывал снижать...

— Откуда знаете? — удивился Алексей.

Колчанов рассмеялся.

— Я же с тобой ехал — в хвостовом вагоне. Как говорят, доверяй, но проверяй. Ну да ладно, иди, отдыхай. Как-нибудь зайду к тебе чаек попить, поболтаем. Приглашаешь?

14 февраля 1934 года вся страна узнала о несчастье, постигшем экипаж «Челюскина». О беспримерном походе отважных челюскинцев подробно рассказывали газеты, постоянно передавались сообщения в выпусках последних известий. И вот теперь...

На улицах незнакомые люди переговаривались полупрошептом: «Да, в Чукотском море...», «Сто человек на льду!..», «Мороз под пятьдесят, ветер...», «Спасут? Но как?..»

Правительственную комиссию для организации помощи участникам экспедиции возглавил заместитель председателя Совнаркома В. В. Куйбышев. Рассматривалось предложение закупить два самолета у Америки, чтобы попытаться кратчайшим путем — через Аляску — добраться к попавшим в беду людям. Летчики гражданской авиации Ляпидевский, Молоков, Каманин, Дорони, Водопьянов — известные воздушные асы — получили приказ готовиться к далекому и рискованному перелету.

В газетах писали: челюскинцы мужественно переносят суровые погодные условия Арктики, они разбили палаточный лагерь, даже выпускают стенную газету; но летчики не могут снять их со льда из-за плохой видимости и отсутствия площадок для посадки.

И наконец — как ждали все этого сообщения! — 5 марта на дрейфующий аэродром посадил свой АНТ-4 Ляпидевский. Он забрал десять женщин и двоих детей. Однако погода снова ухудшилась, и только 13 апреля удалось доставить на материк последнюю группу исследователей.

В передовой «Правды» за 19 апреля были такие слова: «Большевики победили потому, что ломающимся льдам могли противопоставить свою несокрушимую спай-

ку, свою революционную цельность, свое стальное единство».

7 мая челюскинцы собрались все вместе на борту парохода «Смоленск», который вскоре бросил якорь в порту Владивосток. Их путь лежал в Москву — через всю страну, по железной дороге.

Когда об этом узнали верещагинцы, праздничное оживление воцарилось в поселке: поезд Владивосток — Москва всегда останавливается в Верещагино! И не на минуту-другую, а на 10—15 минут. Значит, своими глазами можно увидеть людей, чьи имена с гордостью повторяет вся страна! Волновались и радовались верещагинцы, будто в дом каждого из них должен скоро прийти желанный и долгожданный гость. И считали верещагинцы, что в эти дни им крепко завидуют люди, которые живут вдали от главной магистрали Родины, и гордились тем, что они, жители железнодорожного поселка, могут в любую минуту оказаться на станции, увидеть героев своими глазами.

Приезд челюскинцев стал праздником для верещагинцев. К нему готовились загодя. В канун праздника железнодорожная станция по обыкновению наряжается и хорошеет, будто невеста в свой самый торжественный день. Верещагинцы провели субботник. Побелили станционные постройки, покрасили палисадник, смастерили и установили на перроне большую схематическую карту страны. От Тихого океана до Москвы пробежала по карте черная змейка, а по змейке — с востока на запад — день за днем потянулся красный флажок, отмечающий города и станции, встречающие необычный поезд.

Вот уже распространена по Пермской дороге депеша, в которой указано, что в качестве поощрения поезд с челюскинцами доверено вести лучшим машинистам пассажирских поездов — до Перми Вячеславу Дмитриевичу Шашмурину, а из Перми — Ивану Петровичу Макарову.

Красный флажок на карте верещагинцев приближался к Уралу.

Алексей Каменских, может, впервые позабавил машинистам пассажирских поездов Шашмурину и Макарову — они повезут челюскинцев, а он даже не сможет подойти к ним вместе с другими машинистами, потому как ему приказано примкнуть к оркестрантам и дуть в свой тенор.

В депо затянулось заседание женактива. Жены деповцев порешили, что челюскинцы истосковались по сладкому, значит, надо печь торты — большие и высокие, пусть напомнят они экипажу «Челюскина» ту самую льдину, которая спасла его.

Долго спорили, кого из авторитетныхстряпух избрать главным кондитером. Заключили, что лучше всех с таким почетным заданием справится Мария Федоровна Каменских. Пошел разговор профессиональный — сколько требуется муки, масла, крахмала и сметаны, как из сахарного песка сделать пудру и как сподручнее взбить яичный белок. Женщины раскраснелись, каждая отстаивала свой рецепт, и только Мария Федоровна сидела в сторонке, помалкивая.

Женактив постановил: утром нести в дом Каменских все необходимое длястряпни и оказать Марии Федоровне посильную помощь. Приветственные надписи на тортах договорились согласовать с начальством.

Поднялась в тот день Мария Федоровна рано. Осторожно, чтобы не разбудить домашних, занялась уборкой. На комод, рядом с зеркалом, округлив хоботки, казалось, спали стоя мраморные слоники. Мария Федоровна взяла самого большого, подумала: «Пыли-то сколько, давно я их не протирала».

Слоники, слоники, принесли ли вы в дом счастье?

Сейчас только обратила она внимание на то, что слоников было семь — столько же, сколько детей она вынян-

чила, выходила. Подумав об этом, невольно перекинулась мыслями к детям.

Старший — Алексей — уже машинист. Счастлив ли он? Конечно. Работа нравится, растет дочка Тамара, и потому вот уже два года ее, Марию, вроде бы и не старую, зовут в семье бабушкой... Владимир — помощник машиниста, только вот с ногами мается — ревматизм. Но ничего, на курорте подлечится — путевку льготную профсоюз дал... У Германа ноги здоровые, хотя в синяках и ссадинах все — первый футболист в поселке. Коля тоже футболист, и тоже скоро помощником поедет... Смышлеными, послушными растут младшие — Соня, Боря, Женя. Большая семья много хлопот требует, много забот. О себе и думать недосуг. Не потому ли все чаще прихварывала, все чаще прижимала руку к сердцу, когда в него будто заноза острая вонзалась...

Проходила боль, и снова она пеклась по хозяйству, и снова детей лелеяла, и радовалась светлой материнской радостью, что крепнут они, как молоденькие березки весной, настоящими людьми становятся, а не забытыми и жалкими, какими предрекал им стать колчаковский офицер-постоялец, заронивший в ее душу семена тревоги.

Она протерла последнего, самого маленького слоника на крохотных толстеньких ножках, выровняла остальных в ряд.

...Поезд с челюскинцами прибыл точно по расписанию. И сразу же хлынул народ к вагонам. Люди напирали на милиционеров, которые, будто дети в хороводе, взявшись за руки, пытались сдерживать напор. Марию Федоровну толпа притиснула к толстому усатому милиционеру. Букет цветов, который она держала в вытянутой руке, неожиданно ткнулся милиционеру в лицо. Он вытаращил глаза, черные усы встали торчком, громогласно чихнул, и — словно бы это послужило сигналом для музыкантов — тут же грянул оркестр.

Мария Федоровна хотела было обернуться, посмотреть, где там, среди оркестрантов, ее Алексей, но из этого ничего не вышло. Толпа встречающих снова нажала на милицейский наряд: в тамбурах, на ступеньках вагонов показались челюскинцы. К вагонам бросились школьники с огромными букетами цветов. Челюскинцы подняли ребятишек на руки и под грохот аплодисментов прошли мимо оцепления на привокзальную площадь.

Толпа подхватила Марию Федоровну и вынесла на площадь, где, как и на перроне, были развешаны приветственные лозунги и плакаты. Теперь она могла хорошо разглядеть членов экипажа «Челюскина». Она представляла их себе бородатыми, как Отто Юльевич Шмидт на газетной фотографии, худыми и грустными. Но они были веселые, улыбочивые. Мужчины одеты в безрукавные рубашки, на женщинах — темные юбки и белые косынки.

— Дорогие товарищи! Мы рады приветствовать вас — героев прославленного «Челюскина». Как и все советские люди, мы внимательно следили за вашим рейсом и мужественной борьбой со стихией... — это выступал начальник депо. Он доложил челюскинцам, как работают верещагинские машинисты, какие у них показатели.

Вся напряглась Мария Федоровна, надеясь услышать имя Алексея. Но начальник депо назвал лишь две-три фамилии других машинистов, и она обидчиво закусила губу.

— Мы будем работать еще лучше. Мы знаем теперь, на что способен наш советский человек...

Выступал кто-то из челюскинцев. Он поблагодарил за теплую встречу и пожелал верещагинцам успехов в работе.

Стали вручать подарки. Когда передали испеченный Марией Федоровной торт, она вдруг почувствовала, что вот-вот разрыдается, и закрыла лицо букетом, который

еще не успела передать. Михаил Степанович наклонился к жене, зашептал: «Бог с тобой, ты чего это, Машенька?» — и ласково погладил ее по плечу.

Редко он обращался к ней таким образом, оттого она вовсе разволновалась и долго не отрывала лицо от букета.

Машинист подал гудок: пора! Снова встали в ряд милиционеры, чтобы пропустить челюскинцев к вагонам, грянул оркестр.

Ушел поезд, оркестранты зачехлили свои инструменты, а провожающие долго еще теснились на перроне.

По дороге к дому родителей догнал Алексей.

— Настроение такое — горы свернуть хочется!

— Силу девать некуда? — покосился на него отец.

— Да, батя! — весело ответил сын.

Передовые машинисты грузовых поездов теперь все чаще и чаще заводили на собраниях разговор о том, что пора бы уже наращивать скорости — по-черепашьи ползать надоело, надо бы составы потяжелее водить. Да и не просто разговоры вели...

23 июня в 3 часа 3 минуты со станции Балезино отправился грузовой состав смены диспетчера Максимова. Поезд вышел с опозданием на 36 минут, а на станцию Шаля был доставлен на 1 час 23 минуты раньше графика. На расстоянии 479 километров удалось сэкономить почти 2 часа! Такого на Пермской дороге еще не было.

Узнав об этом, старые верещагинские машинисты пожимали плечами, говорили рассудительно: «Так-то оно так, с пробивным диспетчером можно ездить быстрее, но нельзя забывать о пределе».

Предел скорости! Сколько разговоров велось о нем! Машинистов учили: существует норма, предел технической скорости локомотива, превышать который недопу-

стимо. На собраниях и совещаниях предельщики доказывали, что на железных дорогах Урала новые методы работы непригодны: профиль пути ломаный, путь слабый, подвижной состав разбит, а потому водить тяжеловесные поезда опасно, увеличивать скорость — безумие; пойти на увеличение нормы может лишь машинист, которому не дороги интересы государства...

А интересы государства требовали скорейшей доставки народнохозяйственных грузов, досрочного выполнения заданий пятилетнего плана.

Теория предела сковывала возможности не только работников железнодорожного транспорта. По этой теории выходило, что вообще ограничены возможности трудящегося человека. Сторонники теории предела, прикрываясь слащавыми фразами о здоровье людей и необходимости беречь технику, на деле сдерживали инициативу передовых рабочих, что приносило большой ущерб народному хозяйству.

XVII съезд партии разгромил проповедников лженаучной теории предела. Во всех отраслях народного хозяйства страны набирало силу стахановское движение, сломавшее устаревшие технические нормы выработки. На железнодорожном транспорте своим Стахановым стал двадцатипятилетний донецкий машинист Петр Кривонос. В 1935 году он первым среди машинистов увеличил форсировку котла и превысил почти в два раза норму технической скорости локомотива. К концу года Кривонос регулярно водил поезда со средней скоростью 40—50 километров в час и тем самым на практике опроверг теорию предела.

Кривоносовское движение имело огромное значение. Машинисты стали ездить быстрее, перевозить больше грузов, а это потребовало вообще по-новому строить всю работу железнодорожного транспорта. Повысилось качество ремонта паровозов и вагонов, сократились простои

составов на станциях, повсеместно начали расширять узловые станции, строго контролировали состояние пути.

Среди верещагинских машинистов первым попробовал увеличить техническую скорость Александр Михайлович Седов. Он же провел первый тяжеловесный состав. Паровоз Седова ЭУ-684-05 ничем особенным не отличался от других паровозов той же серии. Стало ясно — и по уральским дорогам можно водить поезда, превышающие установленную в свое время норму — 1315 тонн. Примеру Седова последовал Александр Тимофеевич Игошин, и руководители Верещагинского депо решили распространить опыт передовых машинистов.

В клубе имени Октябрьской революции состоялось расширенное совещание железнодорожников. Выступил начальник депо молодой инженер Дмитрий Иванович Бочаров. Он подчеркнул — теперь труд машиниста иным сделался, ведь столько перемен произошло в последнее время на железнодорожном транспорте!

И вправду, каждый машинист уже ощутил эти перемены. В Верещагино заканчивался перевод вагонного парка на полное автоматическое торможение. Вагоны начали оборудовать автосцепкой, которая заменила прадедовскую винтовую стяжку. В топках наконец-то после дров снова появился уголь, в депо стали прибывать новые паровозы... Но, наверное, главным было то, что с ликвидацией обезлички наконец-то на паровозе появился настоящий хозяин — машинист, заинтересованный в его правильной эксплуатации.

То была целая революция на железнодорожном транспорте, которая и породила движение последователей Петра Кривоноса.

Бочаров отметил, какое значение для верещагинских машинистов имеет почин Седова и Игошина, подробно остановился на возможностях вождения тяжеловесных поездов.

После доклада Бочарова выступал Седов, просили слова и другие машинисты. Они говорили о том, что водить тяжеловесы можно, однако надо тщательно готовить паровоз, быть в полной уверенности, что машина не подведет в пути.

Братья Каменских — Алексей, Владимир и Николай — на совещании не выступали. Алексей хотел послушать, что скажут более опытные машинисты, Владимир совсем недавно получил права управления, а Николай еще ездил помощником. Когда собрание закончилось, по пути к дому братья разговорились. Владимир — высокий, худой — оживленно размахивал руками, то и дело оборачивался к Алексею. А тот будто и не слушал его — шел степенно, широко вышагивая. Николай, стройный, подтянутый, тоже выжидательно посматривал на старшего брата, словно бы тот должен был принять какое-то важное решение и дать ответ.

И в самом деле, Владимир убеждал Алексея вести тяжеловесный состав. Он приводил такие доводы: паровоз у Алексея нестарый, парует неплохо. Но видя, что эти доводы действуют слабо, заявил вдруг, что во всех играх братья Каменских задавали тон, и не к лицу им отставать в работе. Алексей улыбнулся, заметил, что из Владимира неплохой бы агитатор получился. Владимир только сплюнул в сердцах и промолчал.

Несколько минут шли молча. Наконец Алексей заговорил, уже без шутливых ноток:

— В прошлый раз после промывки выехал я из депо на контрольный пост. Все вроде бы нормально. А до этого торопился, наказал помощнику проверить, как слесари золотники установили. Еду, в окно высунулся, мать честная, золотники-то «лают», «шестой путь» наигрывают...

— Сигнал химтревоги подают! — вставил Николай.

— Во-во! Длинный — короткий... Я — к помощнику.

Ты куда, говорю, смотрел? А тот побледнел, стоит, глазами хлопает...

— Ну и что? Сам виноват! — заключил Владимир.

Алексей нахмурился.

— А что Седов говорил? Прежде чем вести тяжеловес, надо быть уверенным, что паровоз не подведет. Самому надо не только золотники — каждую деталь осмотреть. А поездки — одна за другой, хоть домой не ходи...

— Во-во! А ты любитель чаек попить... Нет, все-таки мы с Николаем утрем тебе нос.

— И на «черную доску» попадете!

— Значит, сидеть и дрожать — как бы чего не вышло?

— А что? Мы с Иваном Трофимовичем уже готовимся вести тяжеловес, — вмешался в спор старших братьев Николай. — Он сказал, что на партсобрании об этом тоже говорили.

Николай был помощником у Ивана Трофимовича Шистерова, серьезного, умелого машиниста. Николай уважал Шистерова, ловил каждое его слово, а потому часто повторял: «Мы с Иваном Трофимовичем...» Алексей не преминул этим воспользоваться:

— «Мы-мы...» Поменьше бы мыкал! Встанешь на правое, тогда поглядим... Давно ли вы с Шистеровым с перегона в Путино на два раза состав таскали?

Николай мигом зарделся.

— Так то наша, что ли, вина? Тормоза держали.

— «Держали!» — передразнил Алексей. — У нашего Егорки все отговорки...

Плохо спал в ту ночь Алексей. Снились ему короткие кошмарные сны, от которых бросало то в жар, то в холод. А под самое утро приснился сон, который запомнился.

...Стоит будто он в Кукетах и ждет, когда его тяжеловес обгонит. И вот — мчится тяжеловес во всю мочь,

труба не трещит, а воем, не слышно, как золотники работают, — сплошной шум. И видит Алексей — на паровозе Владимир с Николаем, глядят на него, хохочут, а Николай еще и метелку показывает, дразнит, значит. Но слышит Алексей: поршень у них орет, как баран под ножом, а от паровой машины синий дым валит. Значит, смазки в прессмасленке не хватает и плохо смазывается паровая машина. Он маячит им — прокрутить, мол, трещотку прессмасленки надо, а Николай знай себе метелкой размахивает. От Кукет — известное дело — подъем затяжной, как они тяжеловес вытянут, если поршни у них сухие? «Случай», ведь, паршивые, заработают! И он орет вслед уносящемуся паровозу: «Трещотку крутите!»

После такого сна Алексей уже глаз не смыкал. Вроде сон-то в руку — того и гляди, пронесутся братья мимо с тяжеловесным и метелкой помашут...

Больно уж они храбрые. Ничего не боятся. А он? Сам же говорил как-то Геннадью Гусеву, что не нравятся ему люди, которые гору стороной обходят. Теперь же, когда дошло до серьезного, вроде бы и он в сторону поглядывает. Риск большой. Разорвешь состав или не вытянешь на подъеме — тебе выговор, тебя на «черную доску». Проведешь нормально — благодарность, денежная премия...

Но если бы он и решился, разве из-за денег? Не это главное. Тогда что же? Что?

Он словно бы бросал на скалки воображаемых весов все «за» и «против», и скалка, где находились «против», перетягивала, пока он не мог найти ответа на главный вопрос.

Не только он — раздумывают и другие машинисты. И неспроста! Владимир сказал, что во всех играх братья Каменских были впереди. Но то игры! Они побеждали за счет силы, смекалки, ловкости. Да и желания победить было хоть отбавляй... Желания победить...

А разве у Седова и Игошина не было желания победить? А у Стаханова? А у челюскинцев? Быть впереди других — не ради славы и денег, а ради самого себя, ради собственного самолюбия, что ли, или как это называется по-научному?

Быть впереди, наверно, это означает не только опередить, победить других, но и победить самого себя — свое малодушие, свою мягкотелость...

Утром Алексей поспешил в депо: предстояло принимать паровоз из промывочного ремонта. Дорогой размышлял: «Прежде всего надо осмотреть, как отрегулировали рессорное подвешивание. А то опять при буксовке замаешься...»

Убедившись, что ремонт проведен нормально, Алексей сделал один обычный рейс, который сам назвал пробным. Паровоз шел спокойно, не буксовал, и Алексей объявил бригаде: «Поведем тяжеловес! Готовьтесь!»

Долго ждать не пришлось. Когда его вызвали в очередную поездку, он услышал от дежурного по депо:

— Седов тяжеловесный ведет, Григорьевскую проследовал...

Алексея обступили машинисты.

— Никак решился?

Алексей отмахнулся — не до разговоров, мол, и помчался на свой ЭУ. Бригада была уже там.

— Ну, ребята, держись! Тяжеловес дают!

— Жарко, Алексей Михалыч! — заявил кочегар, засучивая рукава рубахи.

И вправду, солнце пекло нещадно. С утра было пасмурно, а теперь ветер унес тучи, солнце слепило глаза, стало душно. Алексей облизнул пересохшие губы, проговорил весело:

— То ли еще будет!

Он заставил помощника и кочегара смазывать все трущиеся детали паровоза, а сам принялся крепить крейц-

копфные подшипники, проверил, как действует воздушная песочница, как работает прессмасленка, как ведут себя автотормоза. На смотровой канаве залез под паровоз и подтянул ослабшие буксовые клинья. Ну, кажется, все...

Поднялся в будку, взял чайник с водой, сел на свое сиденье у правого окошка. Отдышавшись, сунул рожок чайника в рот. Вода оказалась теплой, невкусной, отдавала железом. Все же Алексей выбухал почти полчайника.

А волнение не уходило. С самого утра противно сосало под ложечкой, хотя он и сказал себе: «Это случится сегодня!», хотя и жила в нем, таилась в глубине души уверенность, что все будет благополучно... И чем меньше оставалось времени до выезда на контрольный пост, тем тревожнее билось сердце.

На станции к паровозу подошел дежурный по депо. Заметил, видно, что Алексей волнуется, притворно зевнул, сообщил, что Седов проследовал Зюкай, что диспетчер обещал дать «зеленую улицу» до Балезино. А перед тем как уйти, добавил:

— Смотри! О твоём рейсе все уже знают... Бочаров провожать придет!

Стоя у паровоза, Алексей слышал, как издали, со стороны Зюкая, послышалось тяжелое прерывистое уханье. От Зюкая идет затяжной подъем — нелегко Седову...

Вскоре раздались редкие, но ясные, отчетливые хлопы пара. «Подходит к Филадельфийскому переезду, — отметил Алексей. — Значит, все в порядке!»

Поднимаясь в будку, он услышал длинный свисток — Седов дал знать о своем прибытии.

Теперь уже из окна Алексей наблюдал, как Седов въехал на станцию, отцепился от состава и приблизился к нему.

Остановился, перешел на место помощника.

— Все нормально, Алексей! Состав хорошо идет! — крикнул Седов.

Вроде бы всего несколько слов сказал, но Алексей как-то сразу успокоился и почувствовал, как напряглось, напружинилось все тело. Успел крикнуть:

— Вес-то какой?

Седов широко улыбнулся:

— Тысяча пятьсот пятьдесят!

И вовсе не испугала Алексея эта цифра, он тоже улыбнулся Седову, будто вести такой состав для него — привычное дело. Повернулся к помощнику, дал указание разогревать топку.

Седов освободил путь, и Алексей подъехал к составу, пропесочив перед ним с полсотни метров. Прицепился, опробовал автотормоза. Кажется, порядок. Принесли справку о тормозах.

Пришел главный кондуктор с жезлом.

— Ну и составчик, Алексей Михалыч! Повезло же нам! — Главный кондуктор свистнул в свою бирюльку, направился на тормозную площадку вагона.

Алексей еще раз проверил воду по водомерному стеклу, давление пара в котле. Дал два коротких свистка, осадил состав назад. Длинный свисток — сигнал отправления — пронесся над станцией. Состав медленно, спокойно тронулся с места. Едва колеса паровоза сделали несколько оборотов, Алексей незамедлительно открыл регулятор на большой клапан. И рванул паровоз, и загромычала, заухала мощная машина, будто недовольная лишним весом, лишней работой.

Алексей сразу же набрал скорость — впереди подъем, хотя и недлинный, но коварный. Первый подъемчик, как пробный камень. В Чернолясовской выемке скорость упала, паровоз грохотал, выбрасывая из трубы клубы черного дыма. Состав преодолел подъем хотя и не быстро, но благополучно.

По Субботникам Алексей проехал с установленной скоростью, на уклоне закрыл регулятор, кивнул помощнику.

Тот и сам знал, что делать, — впереди затяжной подъем с «Путинской ловушкой». Значит, надо заряжать топку, иначе попадешься в «ловушку».

Алексей снова открыл регулятор на большой клапан. Теперь, в переходе с уклона на подъем, надо убежать от «хвоста», не сумеешь — разорвешь состав... Скорость резко возросла, паровоз замотало из стороны в сторону, и за сплошным гулом и грохотом Алексей уже не слышал ухающих выхлопов пара. Он все добавлял и добавлял отсечку на винте переменного хода. Только бы выскочить из «ловушки», только бы взять подъем! Помощник во все глаза следил за действиями машиниста. Он знал: одно неуверенное движение, мгновенная растерянность, и тогда будет разрыв. Тогда все полетит к черту... Тогда... Нет, лучше не думать о том, что может случиться.

Алексей дышал тяжело, прерывисто. Со лба ручейками стекал пот. Алексей забывал стирать его, и пот щипал глаза, скатывался за отворот рубахи, раздражая тело.

Поезд забежал на подъем и как бы успокоился, и стали слышны четкие, равномерные выхлопы пара в дымовую трубу. А впереди коварная выемка, которой заканчивается «Путинская ловушка», — выемка с кривыми поворотами...

Паровоз сократил скорость, надрывно заухала машина, выхлопы — пух! пух! — все реже и реже. Алексей видел — давление в котле полное, воды достаточно. Взялся за рукоять крана воздушной песочницы, чтобы предупредить буксовку. Наконец, миновав последнюю кривую, поезд медленно вышел на переезд.

— Ха-ха! Взяли его, черта! — заорал вдруг Алексей, но тут же устыдился порыва мальчишеской радости и, закрывая регулятор, обратился к помощнику уже официальным тоном: — Как семафор?

Помощник, не переставая во весь рот улыбаться, высунулся в окно.

— Зеленый!

Они стремительно мчались вперед, и помощник снова радостно кричал:

— Зеленый!

...Поезд входил на очередную станцию. Алексей увидел стрелочника со свернутым флажком. Обернулся к кочегару:

— Лови жезло!

Кочегар ловко подхватил железодержатель, легко поднялся в будку.

— Жезло правильное, Алексей Михалыч!

— Записки нет ли?

— Есть записка!

— Читай, что пишут.

Кочегар развернул бумажку, начал читать:

— «Машинисту Каменских. В Кузьме наберете воду. Все следят за твоим проследованием. Молодец! Желаем успеха. ДНЦ Баранов».

— О! Следят за нами! Поняли?

Кочегар понял это по-своему. Он повернул фуражку козырьком назад и принялся отстукивать чечетку, лихо отшлепывая ладонями по коленям и груди.

— Паровоз, паровоз.

Ты куды меня привез?

Я поехал по грибы,

Ты — куды-то не туды!

Алексей выразительно посмотрел на кочегара, и тот убежал на тендер.

Но радоваться еще было рано. Впереди — затяжной Бородулинский подъем с «золотой насыпью», неприятный Кезский подъем, опасные уклоны и крутые повороты... И снова были волнения!

И все-таки, заглушая тревогу, приходила радость — и за себя, и за бригаду, — он видел, сознавал, что машина подчиняется ему, покоряется его воле. Он уже не обращал внимания на изнуряющую жару в будке, на прилипшую к спине рубашку — ему хотелось громко, во весь голос, запеть какую-нибудь озорную песню, или расцеловать чумазого кочегара, или сделать что-нибудь такое, чтобы все видели, как он всемогущ, как он запросто обращается со сложной машиной.

Испытывал ли такое чувство молчаливый и замкнутый Седов, когда вел первый тяжеловес? Кто его знает... А что пережил Стаханов, когда нарубал за смену сто две тонны угля? Ведь работал он прежде, как и все, и никто не знал о нем ничего! А тут вдруг бац! Получайте рекорд! Да еще какой!

Только почему «вдруг»? Может, долго-долго готовился к этому рекорду Стаханов? Может, ночи не спал и прикидывал, что и как. Может, внутренне он давно был готов к этому...

Алексей неожиданно вспомнил, как однажды пришел он к Колчанову и тот усадил его пить чай. Говорили о работе, о жизни. После четвертого или пятого стакана разомлевший Константин Михайлович говорил медленно и не очень определенно, будто с самим собою рассуждая: «На голом месте, на пустыре и трава не растет, а если и проклюнется где, то робкая, слабая... Даже для того чтобы обыкновенной осоке в рост подняться, условия нужны... А о людях и говорить нечего. Не будет человек расчищать дорогу для собственного роста — навек карликом останется... Чтобы взлететь высоко, надо силу в крыльях почувствовать, надежную опору иметь...»

Тогда Алексей не понял, что имел в виду Колчанов. Теперь же смысл сказанного доходил до него. Пожалуй, внутренняя готовность сделать что-то необычное и

очень важное — это и есть одно из условий, без которых не расправит крылья.

Но как она возникает, как зарождается эта внутренняя готовность? Вот о чем, при случае, надо поговорить с Колчановым! Уж он-то найдет ответ... Для себя же Алексей решил, что теперь время такое. Жизнь кипит, торопится, и каждый человек стремится быть у дела, больше стране пользы принести, потому и вгрызается в работу.

Алексеем стало даже весело от этих мыслей. Выходит, и он тоже вгрызается? Слово-то какое на ум взбрело! Колчанов посмеялся бы над ним... Говорил Колчанов, что теперь рабочий силу в руках почувствовал, мозгами стал шевелить, в своих глазах вырос. Это верно, это Алексей по себе чувствовал — и у него будто силы и уверенности в себе прибавилось...

В Балезино поезд Алексея собралось встречать много народу — местное начальство, инженеры, диспетчеры, ну и, конечно, паровозники. Засыпали вопросами, едва он спустился из будки, поздравляли. Алексей не был настроен проводить беседу, отвечал односложно, мечтая поскорее попасть под душ, зато его кочегар жестикулировал, таращил глаза, то и дело дополнял ответы машиниста, стараясь дать понять, как им тяжело пришлось в этой поездке.

Обратно Алексей привел обычный состав. Его тут же вызвал дежурный по депо. В прокуренной комнате на низких лавках сидели паровозники, вызванные в поездку. Алексея сразу окружили, начали спрашивать, что и как. Будто и не в Балезино он ездил, а куда-нибудь за тридевять земель, где повидал невесть что.

Неожиданно появился Бочаров. Крепко пожал Алексею руку, громко сказал:

— Ну, готовься теперь к выступлению!
Алексей пожал плечами.

— Чего выступать-то? Сколько уже говорили! Тот же Игошин...

Бочаров прервал его:

— Подожди. Мы вот спросим у машинистов... Товарищи, как вы считаете, нужно нам выступление стахановца механика Каменских?

В ответ послышалось дружное:

— Конечно!

— Пусть подробно доложит о поездке, ничего не скрывая.

Алексей улыбался, как средний ученик, которому учитель неожиданно поставил пятерку. Хитер Бочаров: при всех назвал его стахановцем, и машинисты восприняли это как должное!

Несколько дней Алексей ходил в приподнятом настроении. Не денежная премия и не благодарность, объявленная приказом Бочарова, были тому причиной: он находился под впечатлением своего рейса, чувствовал — к нему приковано общее внимание. Это волновало, будоражило. Нечто подобное он испытывал и прежде, когда, например, становился героем футбольного матча или удачно исполнял трудную роль на сцене. Но теперь чувство радости было намного весомее, приобретало совсем иной оттенок — он добился победы на главной линии жизненного пути, в своей повседневной работе. Ему не хлопали в ладоши, зато даже опытные машинисты посматривали на него уважительно, слушали его внимательно.

Алексей старался держать себя так, будто не произошло ничего особенного, однако получалось это у него плохо. Хмурясь, глядел в зеркало и, видя, что глаза светятся радостью, сокрушенно говорил самому себе: «Эх ты, а еще артист!»

Бочаров возлагал большие надежды на рейс Алексея. Седов и Игошин давно считались лучшими машиниста-

ми депо. То, что именно они увели первые тяжеловесные составы, никого особенно не удивило. Дмитрий Иванович знал: старые верещагинские машинисты не любят принимать поспешные решения. Видимо, еще от отцов и дедов сохранилась в них такая житейская настороженность: «Тише едешь — дальше будешь». Потому-то очень нужно было, чтобы тяжеловесный состав увел кто-нибудь из «середнячков». За ним остальные потянутся — это уж точно.

«Ведь бывает, — рассуждал Бочаров, — приходят ребяташки на реку в начале лета, зайдут в воду по щиколотку и стоят — по коже мурашки — вода еще холодная. Стоят, пока кто-нибудь не наберется смелости нырнуть, тогда и остальные ныряют вслед за товарищем. Так и в работе...».

Но «середнячков» и не требовалось раскачивать. Сразу после Алексея провел тяжеловес Шистеров с помощником Николаем Каменских. И пошло! К диспетчерам приходили все новые машинисты и не просили, а требовали разрешения вести тяжеловесный. Хрупкие доводы «предельщиков» окончательно рухнули.

Вскоре Игошина и Седова направили в Москву, на Всесоюзный съезд железнодорожников. Они первыми среди верещагинских железнодорожников получили высокие правительственные награды. Александр Михайлович Седов был награжден орденом Ленина, Александр Тимофеевич Игошин — орденом Трудового Красного Знамени.

Делегатов съезда попросили отчитаться о поездке. Неразговорчивый Седов рассказывал неинтересно, зато Игошин, подвижный, словоохотливый, сообщил немало любопытного. Он говорил, что движение последователей Кривоноса охватило железнодорожников всей страны, и уже на всех дорогах машинисты смело увеличивают скорость, водят тяжеловесы. Еще, сказал Игошин, появи-

лись новые, более мощные паровозы, и вот-вот их пригонят в Верещагино.

И верно, пришел вскоре новенький, поблескивающий краской «ФД» — «Феликс Дзержинский». Все паровозники собрались его встречать. Залезали в будку, осматривали дотошно, вздыхали:

— Ну и громадина!

— Осваивать его — хоть переучивайся сызнова!

До революции в Верещагино были в основном паровозы серии «О». По сложному уральскому профилю дорог они не могли осилить более 500 тонн и ползли до смешного медленно — со средней скоростью 10 километров в час. Не потому ли этот паровоз прозвали «овечкой?»

С 1925 года на железных дорогах появились паровозы серии «Э» — «эушки» и другие. Они ходили со скоростью 15 километров в час, а вес брали в два с половиной раза больший, чем «овечки».

В паспорте ФД было указано, что он может вести состав весом до 2000 тонн (на Урале тонн на 250 меньше) со скоростью 23 километра в час.

Вроде бы не такими уж большими преимуществами обладал новый паровоз, но машинистам эти дополнительные тонны и километры говорили об огромных возможностях и машины, и человека.

Машинисты сели за парты. Штудировали учебники и пособия. И, как школьники, волновались накануне зачетов. Когда ФД были «покорены», началось соревнование между паровозными бригадами. Побеждал тот машинист, кто больше перевезет грузов, чей паровоз больше наездит без ремонта.

Гордились верещагинские машинисты — они среди тех, кто развивает соревнование, работает по-новому.

В эти годы прославились на всю страну своими ре-

кордами сталевар Макар Мазай, ткачиха-многостаночница Дуся Виноградова, машинист Николай Лунин.

Двадцатипятилетний машинист Новосибирского депо Николай Александрович Лунин предложил расширить перечень служебного ремонта, выполняемого паровозной бригадой. Узнав об этом, верещагинские машинисты прикинули — дело стоящее: сокращались простои паровозов в депо, снижалась себестоимость ремонтных работ, паровозы больше времени могли находиться в пути. Было лишь одно «но» — ремонт надо производить в свободное время. Однако с этим не считались.

В январе 1941 года на торжественном собрании движущих было объявлено, что коллектив депо вышел победителем в соревновании с паровозниками Зуевского депо и завоевал переходящее Красное знамя дороги. К этому времени в депо насчитывалось 424 стахановца и 334 ударника. Были отмечены лучшие машинисты-лунинцы: Ежов, Завьялов, Грунин, Ермаков, Юрков, Балудев, Зарубин, Шардаков, Дмитрий Агеев, Алексей и Николай Каменских.

На собрании выступали машинисты. Они говорили о том, что обязательно удержат знамя у себя, принимали высокие обязательства на год. По дороге домой делились личными планами — одни собирались на курорты и в санатории, другие намечали провести отпуск в деревне у родственников, третьи решили готовиться к вступительным экзаменам...

Казалось, ничто не может омрачить мирный труд советских людей, и никакие обстоятельства не мешают осуществлению личных планов.

Но пришел тот день...

22 июня в железнодорожном саду станции Верещагино по случаю воскресенья предполагали устроить мас-

совое гуляние молодежи. Накануне последний экзамен сдали десятиклассники и первыми шумной гурьбой заполнили сад. Выдался теплый солнечный день. По просьбе выпускников раньше обычного пришли в сад музыканты. Дирижер и руководитель оркестра Влас Зиновьевич Костылев неумоимо размахивал палочкой перед раскрасневшимися музыкантами. Несколько пар кружились в быстром вальсе... Вдруг послышались какие-то выкрики. За шумом оркестра можно было разобрать только отдельные слова: «Тише... радио!»

Костылев, невысокий, худощавый, резко взмахнул палочкой, и оборвалась мелодия вальса. Все устремились к столбу, на котором был укреплен громкоговоритель.

Выступал Молотов. Его приглушенный голос чуть заметно дрожал... Рано утром фашистские войска перешли нашу государственную границу... Вражеские самолеты бомбили Киев... Война!

На мгновение наступила тишина. Все еще ждали чего-то, а потом заговорили разом, взволнованно, перебивая друг друга. Костылев взбежал на сцену, запнулся о брошенную трубу. Огляделся по сторонам, помахал в воздухе палочкой.

— Товарищи, тише! Товарищи...

Напрягая голос, он говорил о том, что сейчас долг каждого человека — взять в руки оружие.

— Я иду в военкомат. Записываюсь добровольцем! — закончил Костылев.

Алексей в этот день был свободен. Рубил сечкой мясо в корыте — Лена обещала приготовить к обеду пельмени. Прослушав радио, поднялся с лавки, быстро заходил по комнате, крепкими пальцами сжимая тяжелую сечку.

— Лена, надо что-то делать... Ты это... того, сама... — он положил сечку на стол. — Я — в военкомат!

Она бросилась к нему, зашептала вмиг пересохшими губами:

— Да ты что? А как же я! Хоть бы с отцом посоветовался, с братьями. Да и воскресенье сегодня — военкомат не работает...

Алексей ответил спокойно:

— Нет, Лёка, должен работать — война!

Возле военкомата уже собралось много народу. С Алексеем и Леной здоровались, и никто у них не спрашивал, зачем они пришли сюда. Все подходили и подходили деповские рабочие, железнодорожники. Щурясь от яркого солнца, Алексей вглядывался в лица товарищей, знакомых. Ему молча кивнул кочегар, тот самый, с которым он вел первый тяжеловес до Балезино. Парня списали с паровоза — дисциплина хромала. А теперь тоже здесь, в правой руке свернутый трубочкой тетрадный листок в косую линейку. Такой же листок ему только что показывал Костылев. Люди шли сами, без зова...

Протяжно загудел чей-то паровоз, подходя к станции. Как же будет здесь?

В военкомате братьям Каменских сказали:

— У вас броня. Ждите. Потребуется — вызовем.

1

В Верещагино 22 и 23 июля прошли массовые собрания, на которых зачитывали сообщение правительства. Нет, грозная весть не застала врасплох железнодорожников, не вызвала у них замешательства. Выступая на митинге паровозных бригад, машинист Василий Юрков заявил: «Призываю всех железнодорожников организовать работу транспорта — как часовой механизм». Рабочие паровозного депо записали в резолюции: «В ответ на вероломство фашистских законов мы еще крепче

сплотимся вокруг большевистской партии, обязуемся изо дня в день повышать производительность труда».

За словом — дело. 23 июня подъемочный цех выполнил программу на 124 процента, цех электросварки — на 157, механический — на 167, котельный — на 225 процентов. Выработка оказалась намного выше, чем в предыдущие дни.

В постановлении, принятом на собрании районного партийного актива, коммунисты Верещагино записали: «Грозные дни переживает наша Родина. Советский народ вступил в смертельную схватку с опасным, коварным врагом — немецким фашизмом.

В эти грозные для нашей Родины дни мы, большевики Верещагинского района, считаем себя мобилизованными. Мы прекрасно понимаем, что каждый килограмм металла, нефти, угля, хлеба, мяса, каждый отправленный быстрее поезд является сокрушительным ударом по врагу, и мы сделаем все, что прикажет нам партия».

...Михаилу Степановичу уже исполнилось шестьдесят два года. Дети уговаривали его оставить работу, и он сам себе сказал, что вот отработит последнее лето, а осенью, после покрова дня, — на полати. А тут грянула война! Молодых ремонтников забрали на фронт, пришли в депо безусые ученики железнодорожного училища, и он понял, что о покое теперь и думать грешно.

Михаил Степанович заметно сдал после того, как в тридцать шестом умерла Мария Федоровна. В последний год она все чаще жаловалась на сердце. Сыновья уговаривали ее сходить в больницу, посоветоваться с врачами. Но Мария Федоровна считала, что лечиться пока недосуг, все откладывала визит к врачам. Когда же совсем плохо стало, прописали ей капли от сердца, какую-то микстуру... Болезнь, казалось, отступила. Но вместо того, чтобы отдохнуть, отлежаться, Мария Федо-

ровна снова принялась хлопотать по хозяйству. А потом ей не могли помочь уже никакие лекарства...

Еще больше замкнулся Михаил Степанович, переживал, ни с кем не делился горем, и только в работе забывался, находил успокоение.

Алексей и Владимир давно отделились, заботу о младших братьях взяла на себя Сося, работавшая к тому времени пионервожатой в школе. Не в пример тихоне Николаю и застенчивому Владимиру росла Сося боевой, задиристой, мальчишкам спуску не давала, за Борей и Женей ухаживала, проверяла у них уроки, но мать, конечно, заменить не могла...

Михаил Степанович старался не обижать Сою мелочными придирками, но нет-нет да и срывался. Тогда за сестру вступался Николай, и отец постепенно отходил, жалея в конце концов, что сам начинал неприятный разговор. Возможно, он и не был бы таким взвинченным, если бы не стычки в депо. То ему казалось, что молодые ученики бездельничают, то находил кое-как выполненную работу и бушевал, грозясь пожаловаться начальству. Молодые слесари побаивались вьедливого бригадира, называли его за глаза «ворчуном» и «злым дедом».

Шла война, и Михаил Степанович считал, что работать теперь все должны, не разгибаясь, как сам он в войну гражданскую работал до седьмого пота в промерзших мастерских Вятского депо. Подмечая в разных цехах беспорядок, возмущался, ругался с бригадирами и мастерами. Порой слышал за спиной: «В каждую щель нос сует, занимался бы своим делом!»

В Верецагинском депо значительно увеличился парк паровозов. Ремонтные бригады промывочного цеха перевыполняли план, а с промывкой все же не справлялись. Тогда машинисты увеличивали пробеги между промывками, проводили мелкий ремонт своими силами,

но все равно им приходилось обращаться за помощью к слесарям. Особенно часто покрывались накипью питательные трубы и конуса инжекторов. При этом инжекторы не обеспечивали подачу воды в котел, и паровозы теряли силу.

Снимать накипь с инжекторов — дело хлопотное. Слесари нагревали питательные трубы на горне и потом барабанили по ним молотками, зубилом и шабером счищали накипь с конусов. Времени на это уходило очень много. А время дорогое — военное!

Смотрел Михаил Степанович на то, как маются слесари, и все прикидывал, нельзя ли ускорить очистку инжекторов, но в голову ничего путного не приходило.

Как-то июльским вечером, когда отступила дневная духота и из низины, что за водокачкой, потянуло прохладой, к Михаилу Степановичу зашел Алексей — у него оказалось свободное время перед поездкой. Поговорили о вестях с фронта, о работе, а потом, видимо, для того, чтобы развеселить отца, Алексей рассказал историю, которая приключилась с машинистом Ежовым.

Григория Яковлевича Ежова, машиниста опытного, инициативного, назначили на должность инструктора. По этому поводу он отправился в поездку в новом бобриковом полуальто. «Измажешься!» — предупреждали его. А он отшучивался — грязь, мол, не сало. И надо же такому случиться, в Путино сильно разболтало паровоз, и с полки прямо на Ежова свалилась масленка с вискозином. Все новенькое пальто покрылось бурыми пятнами. Вернувшись в депо, Ежов и керосином бобрик примачивал, и ножом его скоблил, все без толку — вискозин крепко впитался. Тут какой-то «доброжелатель» посоветовал испробовать соляную кислоту. А у Ежова, видно, вовсе ум за разум захлестнуло. Капнул он кислоты на пальто, и давай кислота бобрик жрать — до дыры проела...

Однако Михаил Степанович даже не улыбнулся. Смотрел сквозь Алексея рассеянно. «Кислота... Кислота... Ежели растворить кислоту да сунуть в нее конуса с накипью, чай, не сожрет их — конуса-то медные!»

Утром испробовал — получилось здорово: кислота быстро разрушала накипь. Значит, если ванну кислотой заполнить, можно за раз несколько конусов окупуть! И обозвал себя болваном, потому как раньше до этого не додумался.

Наказал слесарям притащить на участок ванну, отмыть ее, приготовить соляной кислоты, разобрать несколько негодных инжекторов, а сам направился к Колчанову. Константин Михайлович работал теперь мастером в депо, и Михаил Степанович, уважая его, часто с ним советовался.

Колчанов внимательно выслушал бригадира.

— Толково придумано! Верю, пойдет дело. Только надо разрешение у начальника депо получить.

Спросил, как дела у Алексея, Николая. Михаил Степанович махнул рукой:

— Ездят, чего им... — И, окрыленный поддержкой, направился к начальнику депо.

В кабинете было пусто. Тогда Михаил Степанович, долго не раздумывая, пошел в партбюро, к Корнилову.

Василий Алексеевич Корнилов до революции работал токарем на одном из заводов Петрограда. В восемнадцатом году вступил в партию. Воевал, был ранен. Потом отправился с другими рабочими на Алтай, чтобы создавать там коммуны и выращивать хлеб. Но дальше Перми петроградцам пробраться не удалось — Екатеринбург заняли белые. Пришлось снова взять в руки винтовку. После гражданской войны учился, работал в Верещагинском депо, назначался на хозяйственные и партийные посты. В сороковом году был избран секретарем партбюро Верещагинского депо.

Много повидал на своем веку бывший токарь и солдат. Разные житейские неурядицы не сломили стойкого коммуниста. Среди деповцев он пользовался уважением за то, что был честным, отзывчивым, не терпел лицемерия и несправедливости.

Слушая сбивчивый рассказ Михаила Степановича, Корнилов только сейчас догадался, что этот аккуратно одетый бородач — отец машинистов Алексея и Николая Каменских. Он и раньше знал всех троих, но почему-то думал, что бригадир арматурщиков — однофамилец братьев-машинистов. Корнилов пытался разгадать, что общего у отца с сыновьями, и никак не мог сообразить.

— Значит, вы уверены, что кислота быстро отъест накипь? — задумчиво спросил Корнилов.

— Не был бы в уверенности, так пошто б пришел? — удивился и слегка обиделся Михаил Степанович.

— И во времени выигрыш?

— А то как же? Паровоз — машина государственная... Все сейчас с простоями борются...

Скрипнула дверь — в кабинет без стука вошел Юрий Онянов, секретарь райкома комсомола. Корнилов кивнул на стул — подожди, мол. Обернулся к Каменских.

— Это верно. Простои паровозов сейчас недопустимы. Фронт не ждет. Представить только: идет бой, а красноармейцам не хватает снарядов — они не доставлены по вине машинистов, по нашей вине... Начальнику депо я доложу о вашем предложении. А сейчас не будем терять времени, идите, готовьте раствор. Каждая минута дорога... Да, и, пожалуйста, вечером напишите обо всем этом.

— Это как докладную?

— Какую докладную? Как предложение: предлагаю, мол, очищать накипь так-то и так-то.

Михаил Степанович заерзал на стуле.

— Не больно я к писанине-то расположен...

— Ну, беда какая... Сыновья помогут! — Парторг крепко пожал руку Михаила Степановича.

Онянов пересел на освободившийся стул у стола Корнилова, сверкнул ровными белыми зубами в улыбке:

— Рационализатор?

— Выходит, так. Дело важное — можем сократить простой... Пстой-ка! — Корнилов почесал карандашом за ухом. — В прошлом году, кажется, выплачивали премию слесарю Каменских за рацпредложение, но, вроде, не ему — тот моложе...

— То брат этого деда, Николай Степанович. Я их семью хорошо знаю, особенно младших. Старших братьев — Алексея Михайловича, Германа — знаменитого футболиста, Николая — и вы, конечно, знаете. Борис на помощника учится. Есть у них еще сестра — Соня. Активная комсомолка. В апреле ее старшей вожатой пионерлагерей утвердили...

Слушая комсомольского секретаря, Корнилов нашел наконец ответ на вопрос: что общего между отцом и его детьми? Ну, понятно, раз они из одной семьи, то внешне похожи друг на друга; все рослые, здоровые — чувствуется, что у Михаила Степановича еще сохранилась недюжинная сила. Но, помимо внешнего сходства, есть у них — вот оно что! — черта, видно, общая, семейная — неудовлетворенность достигнутым, беспокойство за дела коллектива, стремление добиться большего... Замечательная черта, наша, советская!.. От отца к детям она идет будто эстафета. Алексей, а в особенности Николай, совсем еще молодой машинист, — один из лучших паровозников депо. Вот Онянов и о их сестре хорошее говорит. Видно, все у них в семье такие.

Так рассуждал Василий Алексеевич и даже порадовался, что сделал это небольшое для себя открытие.

— Да, интересная семья, — продолжал Юрий, слов-

но догадываясь, о чем думает Корнилов. — Только вот... Об истории с Владимиром Михайловичем вы слышали?

— Так он тоже один из братьев? — припомнил Корнилов.

— Да. Второй по старшинству после Алексея Михайловича. Как говорится, в семье не без... — медленно тянул Юрий.

— Замолчи! — резко прервал его Корнилов. — Ты уверен, что в той аварии его была вина? Ты еще молод, Юра, чтобы так категорично судить о людях. Знаешь, какая у машинистов работа? Ведет он ночью поезд, скорость огромная, а что впереди — плохо видно. Вдруг человек на путях, вдруг рельс лопнул? Сидит на сиденье, как на иголках. Мне бы, наверное, не совладать с нервами... Да ты зачем пришел-то?

— Посоветоваться надо, Василий Алексеевич. Вопросов много, и все срочные: о молодежных воскресниках, об обучении военному делу. Сведения нужны о лучших молодых рабочих...

— Это можно. Где-то была справка — готовил для радиопередачи... — Корнилов начал перебирать бумаги в ящичке стола.

Юрий Онянов окончил Верещагинскую среднюю школу в 1938 году. Осенью его, активного общественника, пригласили работать в райком комсомола. Незадолго перед началом войны комсомольцы избрали Онянова первым секретарем райкома. Энергичный, инициативный, он с головой ушел в комсомольские дела. Руководил работами на строительстве вторых путей, занимался ремонтом дорог и благоустройством поселка, организовывал воскресники по сбору металлолома и спортивные праздники. Молодежи в Верещагине не мало, и жизнь была ключом. В мае комсомольцы приступили к строительству стадиона на площади перед райисполко-

мом. Но началась война, и новые заботы легли на плечи комсомольского секретаря...

— Вот, нашел, — Корнилов протянул Юрию бумаги. — Выбирай, что пригодится.

Юрий стал читать вслух:

— «Состоялся массовый воскресник на ремонте железнодорожных путей, паровозов и вагонов. Участвовало две тысячи двести восемьдесят два человека. В фонд обороны перечислено более двенадцати тысяч рублей».

«Десятого июля, в выходной день, комплексная бригада номер один паровозного депо, бригадир Тиунов, должна была отдыхать, но работала на ремонте паровоза. Заработано в фонд обороны сто девятнадцать рублей. Ее примеру последовала и комплексная бригада Сальникова»... «Рабочие вынесли решение перечислять в фонд обороны одно-двухдневный заработок...»

На столе Корнилова задребезжал телефон. Василий Алексеевич снял трубку:

— Корнилов слушает. Здравствуйте, товарищ Вершинин! Конечно... Когда прибывает? Иду.

Положил трубку, посмотрел на часы.

— Вершинин звонил: тяжеловесный со срочным эвакогрузом прибывает, бригада будет меняться. Пойдем встречать, дорогой поговорим.

— С воскресниками вы вот что сделайте, — говорил Корнилов на ходу, — придумайте что-нибудь интересное. Например, пусть деньги от воскресников пойдут на строительство верещагинского танка или самолета. Молодежь, знаешь, как загорится!

Эта идея Онянову понравилась. Выступая в октябре сорок первого года в красном уголке паровозного депо на партийном активе верещагинских железнодорожников, он докладывал:

— Районная комсомольская организация уже посла-

ла на фронт около трехсот комсомольцев. Многие из них получили первые боевые награды. Одним из первых награжден боевым орденом Красного Знамени комсомолец Геннадий Блинов. По-фронтовому трудятся комсомольцы-деповцы, члены паровозных бригад... Школьники собрали более ста пятидесяти тонн металлолома для строительства самолета «Юный патриот»...

Потом выступил кто-то из рабочих и предложил всему коллективу отработать два воскресных дня, чтобы направить деньги на строительство бронепоезда. А в ноябре комсомольцы провели массовый воскресник, начали собирать деньги на колонну танков имени Уральского комсомола.

Выйдя из кабинета Корнилова, Михаил Степанович поспешил в цех. Слесари уже должны были разобрать все инжекторы. Пришел на участок — и от гнева у него аж борода затряслась: детали приборов купались в ванне!

— Кто готовил раствор? — загремел Михаил Степанович.

Шмыгнув носом, вышагнул сухопарый подросток в стоптанных косолапых ботинках.

— Кто разрешил?

Парень передернул плечами.

— Я видел, как вы пробный готовили, да и в школе мы на уроках химии проходили...

— Про-хо-ди-ли! — передразнил Михаил Степанович. — Какая дозировка?

Вытянув руки по швам, парень отвечал бойко и уверенно.

Проверив состояние раствора, бригадир успокоился, но на всякий случай предупредил:

— Смотрите у меня, химики...

После смены Михаил Степанович завернул на станцию. Рабочие уже ходили смотреть, что везут на фронт. А на восток, сказывали, вот-вот должны раненых повезти...

Вспомнил о Германе, и застучало в висках. Как-то он там воюет, сынок? Солдат из него должен быть хороший. Парень он выносливый, спортсмен. Да и военную науку постиг хорошо — в армии оставался на сверхсрочную. Но все может быть. Ну, как израненного привезут или того хуже...

На третий путь прибыл грузовой состав с востока. Может, Алексей или Николай приехали? Нет, не их паровоз...

На перрон подходили люди с чемоданами, вещмешками, котомками — скоро быть пассажирскому. Михаил Степанович собрался было уйти, но увидел на скамейке Владимира.

— Куда это ты снарядился?

— Далеко — до Перми-второй. Детали выколачивать для своей установки.

— Ишь, какой колотун! — хмыкнул Михаил Степанович. — Ну, как она, новая работа? Нравится?

— Новая? — переспросил Владимир и криво усмехнулся. — Ничего.

Михаил Степанович взгляделся в сына, в его лицо, в старательно выбритые провалившиеся щеки, и вдруг ему сейчас, почему-то именно сейчас стало жаль Владимира, такого худого и бледного.

— Когда вернешься-то?

— Скоро, отец.

— Думал, пособишь мне справку одну изладить...

— А Николай-то на что?

— Так я его и вижу! Заявляется только отсыпаться...

Подошел пассажирский на первый путь. Владимир кивнул отцу и широкими шагами пошел к вагонам. Сво-

бодных мест не было — ехали призывники и много всякого люду.

...Окончив семилетку, пошел Владимир искать работу. В депо, конечно, куда еще? Алексей к тому времени уже выучился на слесаря, а он еще ничего не умел... Посмотрели в депо на тощего угловатого мальчишку, сказали: «Подрасти!» Учеников в депо не требовалось.

Тогда Владимир подался на станцию. Помог какому-то усатому дядьке погрузить в вагон чемоданы, получил двугривенный, но тут же был выдворен с перрона постоянными носильщиками, которые изнывали от безделья и не пожелали мириться с новым конкурентом. Пробовал устроиться рассыльным в депо, но из этого тоже ничего не вышло — посчитали, что у него слабое зрение.

Огорченный и раздосадованный, побрел Владимир домой. Вспомнил про двугривенный, решил купить конфет братьям. Несмело выложил перед продавцом Деменевым потную монету.

— У отца спер? — подмигнул ему Деменев.

— Не-е... На станции заработил...

— «Зарабил»? — Деменев расхохотался. — Ишь какой работника безработный! Сколь годов-то тебе?

— Семнадцать.

— Да? А на вид — все четырнадцать! — Деменев снова захохотал, довольный своей шуткой. Достал маленький сатиновый платочек, вытер слезинки в уголках глаз. — Слушай, паря, вижу: баклуши ты бьешь. А при Советской власти кто не работает, тот не ест. Понял? Айда ко мне учеником, восемь рублей оклад. Станешь продавцом — двенадцать будешь иметь...

«Восемь рублей!» — у Владимира чуть коленки не подкосились. — Врет, поди?»

Чего только не приходилось Владимиру делать! Мыл полы, ворочал тяжеленные ящики с продуктами и тюки

разного материала, бесконечно перемеривал сатин (мерять дорогой материал Деменев ему не доверял), зимой — колол дрова и топил печи.

Только в двадцать девятом приняли его, наконец, в депо. Вскоре сдал на слесаря третьего разряда. Вечерами готовился на помощника, стал ездить кочегаром, а в тридцать первом сел у левого окошка паровоза. Казалось, все, кончились неудачи и теперь он догонит Алексея, получившего права управления. Но разболелись ноги — стали краснеть и пухнуть коленные суставы, поднялась температура. Деповский врач вынес диагноз: «Ревматизм!» и списал Владимира с паровоза.

Это был тяжелый удар, однако Владимир не сдался. Он твердо решил догнать старшего брата и непременно стать машинистом. Работая расценщиком нарядов, самостоятельно готовился к экзаменам. Помогала жена — Августа Владимировна работала в школе учительницей. Дважды удалось съездить на курорт. Занимался гимнастикой, легкой атлетикой. И болезнь отступила. В тридцать пятом он снова поехал помощником, а в тридцать седьмом стал машинистом.

...Кто знает, может, пришла бы и к машинисту Владимиру Каменских со временем громкая слава. Она не обходит стороной тех, кто настойчив и трудолюбив, кто не хоронится в собственной скорлупе. Именно таким был Владимир Каменских. Но судьба уготовила ему еще один удар.

Это произошло в октябре тридцать девятого года. Весь день дул свирепый холодный ветер. Он яростно набрасывался на железнодорожное полотно, швырял под колеса поезда гравий и, казалось, раскачивал тяжеленные вагоны. К ночи заморосил дождь.

Владимир привел в Балезино поезд с углем и ждал, когда дадут маршрут на обратный путь. Но четных поездов не было. Такое бывало нередко — машинистам

приходилось возвращаться в свое депо без состава, как говорят на железной дороге, резервом.

Владимира уже поджидал другой верещагинский машинист — Ефрем Федорович Агеев, поджидал, чтобы схватить двойной тягой: гнать паровозы по одному невыгодно.

Получив разрешение на выезд, машинисты пошли к своим новеньким ФД, низко склонились под порывами ветра, придерживая фуражки.

Агеев подогнал свой ФД к паровозу Владимира, послал помощника установить переходное сцепление. Спереди у паровоза вместо автосцепки висел крюк с винтовой стяжкой, используемый для соединения, весьма непрочного.

— Траверзу поставил! — доложил Агееву помощник, возвратившись в будку. — Можно трогать, Ефрем Федорович!

Агеев восторженно привстал с сиденья, выглянул в окно. Эта неделя выдалась для него тяжелой. Одна поездка сменялась другой, удавалось соснуть лишь по три-четыре часа в сутки, и он чувствовал переутомление.

До Сегедура доехали нормально. Время от времени Владимир поглядывал на паровоз Агеева — как он там? Ветер наконец-то утих, только дождь все лил и лил, не переставая. Мощные паровозы легко мчались навстречу дождю, прорезая ночную тьму яркими лучами прожекторов.

От Сегедура до Кеца профиль пути ломаный — уклоны и подъемы, крутые повороты — машинисту глядеть в оба приходится. Владимир не любил этот участок. Особенно трудно вести по нему тяжеловесный состав — то снижай скорость, то повышай — измотаешься...

Выглянув в окно, он обернулся и обмер: паровоза Агеева не было. Может, почудилось? Может, просто не видно паровоза из-за темноты? Владимир сделал знак

помощнику, тот выглянул и тотчас метнулся к Владимиру:

— Нету Агеева!

Что с ним? Как, каким образом паровоз мог отцепиться? Владимир по детской привычке пребольно закусил губу. Что бы ни случилось с Агеевым, ясно одно: товарищ попал в беду.

Владимир бросил взгляд на стрелку манометра — давление полное! И он догадался: Агеев с помощником не соединили воздушные рукава, то есть не включили автотормоза. Видимо, на одном из уклонов произошло набегание заднего паровоза на передний. Двухзвенка вылетела из зева автосцепки, задний паровоз чуть приотстал, пока передний мчался под уклон. Если бы паровозы были соединены рукавами, то воздух, выходя из магистрали, заставил бы сработать автотормоза. Если бы!

И тут произошло непоправимое. Задний паровоз, снова набрав скорость, догнал передний и на полном ходу врезался в его тендер...

...Жены и матери паровозников... Нелегкая досталась вам доля — ждать, ждать, постоянно ждать своих мужей и сыновей и все эти минуты, часы и годы ожидания беспокоиться, тревожиться, надеяться на то, что с ними ничего не случится, что все будет, как надо...

Узнав от кого-то об аварии, Августа Владимировна стпросилась у директора школы с уроков и побежала в депо дожидаться Владимира. Расспрашивала знакомых машинистов, но никто еще толком ничего не знал. Она уже приготовилась к самому худшему, и увидев, наконец, мужа — бледного, как-то неестественно ссутулившегося, но целого и невредимого, — бросилась к нему.

— Не расшибся?

Владимир, избегая смотреть ей в глаза, ответил отчужденно:

— Аа-а... Лучше бы расшибся!

И — вдруг безотчетно, необъяснимо закричал на жену:

— А ты чего здесь? Иди домой — сухари суши...

Впервые он не сдержался, нагрубил жене. И уже потом, в лагерях, ругал себя за это последними словами, искал и не находил оправданий.

Суд посчитал виновными в аварии обоих машинистов. И они — Владимир Каменских и Ефрем Федорович Агеев — не сваливали вину друг на друга, не пытались оправдаться, сказали прямо: «Ошибку свою признаем».

Когда Владимир вернулся, его пригласил к себе начальник паровозного депо. Начал издали — говорил о том, что многие паровозники на фронт ушли, а перевозка грузов увеличилась, потом главное выложил — предложил водить ФД. Владимир обещал подумать.

Казалось бы, чего раздумывать? Разве все эти полтора года он не мечтал о том дне, когда его позовут на паровоз? Разве короткими тревожными ночами ему не чудились гудки паровозов?

Но он понимал — если возвращаться на паровоз, то надо начинать с помощника. Иначе разговоры пойдут — вот, мол, будто с курорта вернулся, как ни в чем не бывало, опять на правое крыло. Кто конкретно станет так говорить, об этом Владимир не думал, но подсознательно чувствовал — нет, работать сейчас машинистом он не сможет, сначала надо доверие заслужить, чтобы совесть чиста была. Ездить помощником — почти то же самое, да и самолюбив он: те ребята, которые прежде у него помощниками были, теперь машинистами стали, каково будет ездить с ними?

И решил Владимир временно поработать в депо слесарем — дело привычное, а там видно будет. Пообживется, и на паровоз дорога не заказана. Еще надеялся, может, на фронт возьмут. Лет ведь ему немного — три-

дцать два. Вернется с фронта, непременно с наградами, на паровоз попросится — кто слово против скажет?

Но его назначили на строительство новой эмульсионной установки. Во второй раз отказываться не посмел — все равно это временно.

...На материальном складе станции Пермь-вторая Владимир управился быстро и к исходу второго дня вернулся в Верещагино. Сразу пошел к отцу, помня о его просьбе.

— Опоздал! — встретил его Михаил Степанович. — Уже доставил справку Коринлову, Борька пособил написать. Смышленный...

Борис сидел у окна, чигал книгу. Заслышав похвалу отца, заулыбался. Владимир подошел к брату, ласково потрепал по волосам.

— Как живешь-то, студент? Сводку Информбюро сегодня слышал?

Борис покосился на кругляк репродуктора.

— Да.

— Соня! — крикнул Михаил Степанович. — Самовар готов?

Из-за кухонной перегородки вышла Соня — большеглазая, с худенькими косичками. Кивнула Владимиру.

— Сейчас закипит, а сахару нет...

— Зачем сахар? Я конфет привез! — сказал Владимир.

Он смотрел на сестру, любовался ею. Давно ли была угловатая, длинноногая, а вот выладилась — невеста! Все больше на мать стала походить...

— Женьку крикни. Где он носится? — спросил Михаил Степанович, усаживаясь за стол.

Владимир взял у Бориса книгу, глянул на обложку, прочитал вслух:

— «Как закалялась сталь». Хорошие книги читаешь... А как с учебой?

— Осенью обещали всю группу из нашего училища на стажировку направить. Кочегарами будем ездить...

— Вот, отец, как время быстро летит! Скоро еще один машинист в нашей семье появится, — проговорил Владимир задумчиво. — Может, придет час, когда все мы — и Герман, и Николай, и я, и Борис, и Женька — паровозы будем водить. Только вот война как бы нам не испортила... Будь она проклята!

Владимир заметил газету, лежащую на лавке. Это был «Гудок» за 2 июля. Один абзац был отчеркнут красным карандашом. Владимир стал читать:

«Транспорт — родной брат Красной Армии. Этот лозунг в создавшейся чрезвычайной обстановке звучит с особой силой, приобретает особое значение. Железные дороги осуществляют взаимодействие фронта и тыла, доставляют на передовые позиции все, что выковано, сделано, приготовлено в тылу для борьбы с коричневой чумой. Пост железнодорожника — военный пост. Железнодорожник — первый помощник бойцу Красной Армии. Железнодорожный конвейер должен действовать теперь с небывалой, военной четкостью, без малейшей заминки, непрерывно убыстряя свой ход, неуклонно увеличивая объем перевозок».

Вернулась Соня, отобрала у Владимира газету.

— Так где же твои конфеты?

2

Едва Борис притворил за собой дверь, отец обрушился на него:

— Ты мою стеганку утянул?

Борис неторопливо снял шапку-ушанку, повесил на гвоздь.

— Ну, я, Соне ведь говорил...

Он скинул пальто, остался в одной фуфайке. Подышал на пальцы с таким усердием, будто они обморожены.

— Понимаете, батя, у нас собрание было...

Михаил Степанович смотрел не на сына, а куда-то под печь, откуда торчали гладкие черенки ухватов.

— Ну вот, начальник депо Москвин говорит: первыми получили паспорта готовности к зиме механики Михаил Зарубин и Василий Юрков... А из наших никого не назвал...

— Ты мне мозга не закручивай! — взорвался Михаил Степанович. — Я ему про стеганку, а он: «пачпорта!».

— Ну... Я и говорю... Потом Корнилов поднимается. Товарищи механики, говорит, материала для утепления не хватает, попробуйте своими материалами утеплить паровозы. У Николая войлок был, да мало. Вот мне и приглянулась стеганка... Старая. Все равно уж не греет. Кому нужна? На базаре за такую тридцатку не дадут...

Побагровел Михаил Степанович.

— А ты бывал на базаре? Знаешь, что почем? Тридцатку за четверть молока просят, ведро картошки двадцать пять рублей стоит, стакан самосаду — тринадцать рублей... Ка-кой богач выискался!

— Разве ж, батя, плохо мы зарабатываем? В прошлом месяце я триста двадцать рублей принес...

Михаил Степанович тягуче думал о том, что сам он всю жизнь старался всякую вещь в дом нести. Приглянулась на очерской ярмарке картина невиданная — купил. Встретится по дороге железяка какая-нибудь, гвоздь ли попадется — в дом непременно. В хозяйстве все сгодится. А дети? Что они в дом, кроме заботы, принесли? Разве что книжки... И все норовят утянуть без спроса, будто это добро ими нажито... В кого такие шалопуты уродились, откуда у них мода эта? А может, время такое, что все наоборот выворачивается?

Пока он размышлял таким образом, прибежала Соня. — Папа, объявлен сбор теплых вещей для бойцов Красной Армии! Утром мне надо что-нибудь снести от нашей семьи. Все сдают. Мельчакова Мария Михайловна шинель сдала...

Борис отвернулся к окошку, чтобы отец не видел, как его смех разбирает. А тот встал с лавки, закричал надтреснутым голосом:

— Все, все тащите, только кровать оставьте, чтобы помереть было где!..

С начала войны рабочая смена в депо удлинилась на три часа. Мастера и бригадиры работали и того больше. Уставал Михаил Степанович. Приплетется домой, похлебают щей, бухнется на кровать и уснет, как убитый. В этот раз не спалось. Кряхтел, ворочался. Утром поднялся раньше обычного, быстро выпил холодного чаю, крадучись, подошел к сундуку, достал оттуда свой полусубок, еще не старый, но тесный в плечах, бросил его на кухонный стол и, обмотав шею зачиненным шарфом, направился в депо.

Студеной выдалась на Урале первая военная осень. Уже в начале октября закружили в воздухе колючие снежинки, таяли, падая в черные лужи на разбитых дорогах, на полях застревали в стерне, меж склонивших головы колосьев, а на железнодорожном полотне, цепляясь за сажу и рыхлый песок, носились в колдовском вихре.

Снег валил все чаще и уже не таял, основательно, похозяйски укладываясь на стылую землю. Пришла зима, с морозами и снегопадами, длинная уральская зима.

И тут выяснилось — всюду не хватает людей: на расчистке путей от снежных заносов, в депо, в составе паровозных бригад.

Василий Алексеевич Корнилов организовал из коммунистов и жен красноармейцев несколько ударных групп для расчистки путей, сумел привлечь в депо более пятидесяти женщин. Предложение Михаила Степановича позволило сократить сроки ремонта инжекторов. На 200—250—300 процентов выполняли нормы депо-ские слесари. Все больше стахановцев и лунинцев стало появляться среди паровозников. И все-таки работала железная дорога с огромным напряжением. На Перми-второй все пути были забиты грузами, самыми срочными, которые ожидали на фронте.

Все поезда получили литеры. В первую очередь «зеленую улицу» давали поездам с литером «К» — они везли на фронт танки, орудия, боеприпасы. Литер «С» был присвоен санитарным поездам, литер «Г» — составам, перевозящим уголь, нефть и бензин... И поезд любого литеры, направляемый на запад, считался срочным.

Из Верещагино многих машинистов взяли на бронепоезда. Прибыли машинисты, эвакуированные из Орши. Но увеличился паровозный парк, и машинистов все равно не хватало. Их жены уже свыклись с тем, что по двое-трое суток мужья не показывались домой; приезжали усталые, голодные, заваливались спать, и уже через 6—7 часов их будил рассыльный депо...

Николаю Каменских шел двадцать шестой год. Рослый и сильный, он не жаловался на здоровье, но когда его будили, поднимался с трудом, чувствуя, что снова не удалось выспаться. Сразу же принимался делать гимнастические упражнения. Потом, голый до пояса, долго плескался у рамоушника или, если не сильно морозило, обтирался во дворе снегом.

Теперь он все чаще с благодарностью думал об Алексее, старшем брате, который привил ему любовь к спорту. Николай хорошо бегал на длинные дистанции, установил рекорд Верещагино по метанию диска, от-

лично прыгал в длину, метко бросал биты на городошной площадке, но на первом плане у него стоял футбол. Занял место центрального защитника в сборной Верещагино после того, как перестал играть Алексей. Вместе с Германом, центральным нападающим, выезжал в другие железнодорожные поселки на календарные игры. Побывал даже в Новосибирске.

В армии — Николай три года служил в Петрозаводске — футбол не очень жаловали, солдаты увлекались гимнастикой, штангой и лыжами. Гимнастом Николай был посредственным, зато быстро освоился со штангой, а на лыжне редко кому уступал. Однажды выиграл крупные армейские соревнования лыжников и привез домой первый приз — столовый сервиз.

Направляясь в очередную поездку. Николай заметил в депо спортивную «молнию». Стал читать: «1085 человек участвовало в лыжном комсомольском кроссе... 1002 человека сдали нормы на значок ГТО... Среди девушек Ангелина Марголина пробежала 3 километра за 20 минут... Среди мужчин на пятикилометровке Георгий Волегов (28 лет) показал 50 минут, Андриан Гилев (27 лет) — 53 минуты при норме 1 час 05 минут...».

Николай улыбнулся: «Ну и результаты!» И тут же подумал: «Ребята не тренировались, голодные бежали... Сам-то я какой результат показал бы?»

Сейчас Николай не занимался спортом, но постоянно чувствовал, что именно благодаря прежним спортивным увлечениям он справляется с той физической и нервной нагрузкой, которую испытывает всякий машинист, много часов не выходя из паровозной будки.

Заболел кочегар Голдобин, и Николай попросил, чтобы ему дали брата Бориса. Тот заканчивал учебу в железнодорожном училище, проходил практику.

Николай получил маршрут, направился к паровозу. Издали, среди многих других паровозов, он мог бы

узнать свой ФД № 20-2786. Наверное, самолучший наездник не холил так своего чистокровного скакуна, как Николай ухаживал за паровозом. Постоянно скреб и чистил его, перед сдачей напарнику промывал из шланга горячей водой, а потому паровоз казался новеньким, будто только что пригнанным с завода. «Где больше времени мы проводим — дома или на паровозе? — спрашивал Николай у членов своей бригады и сам отвечал: — На паровозе. Пусть же будет он для нас вторым домом!»

Поднимаясь в будку, Николай отметил, что Борис успел очистить лестницу и площадку от снега, а помощник Пьянков уже развел пары.

— Что повезем? — спросил, здороваясь, Пьянков.

— Эвакогрузы.

— Ну-у... — недовольно протянул Пьянков. — Опять у каждого столба стоять станем... Когда до Перми-второй доберемся?

Николай пожал плечами, внимательно посмотрел на Бориса, будто стараясь выяснить, готов ли он к поездке. Спросил:

— Стокер нынче не подведет?

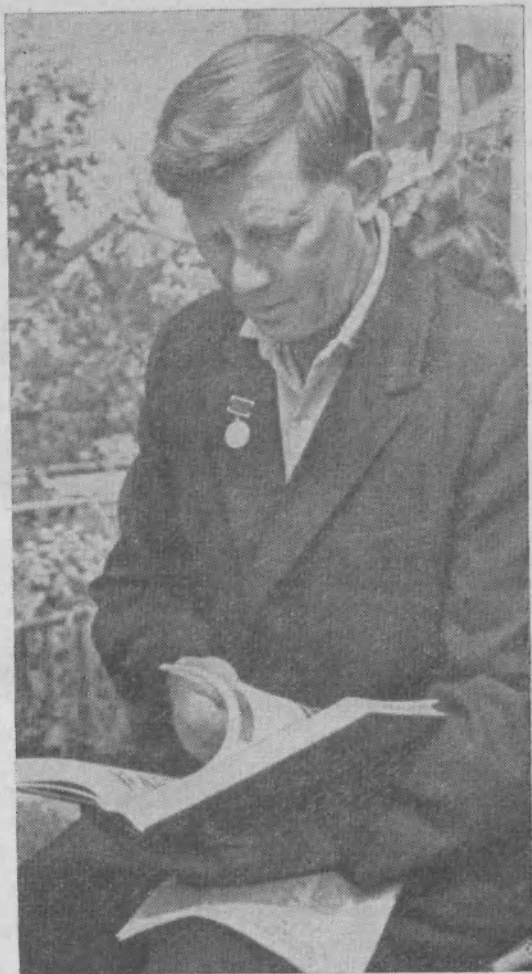
— Не подведет! — улыбнулся Борис.

Недавно он ехал кочегаром с Алексеем. Поездка проходила нормально, но, когда до Верещагино оставалось всего километров пятьдесят, отказал стокер — сломался конвейерный винт. Борису пришлось лопатой перебрашивать уголь через весь тендер в лоток. Вылез из будки — мокрехонек, а мороз за тридцать...

Алексей объяснил, в чем дело. В тендер загрузили уголь со снегом, уголь застыл в корыте стокера, потому и поломался винт. Кочегар, предвидя такое, должен был пустить стокер на задний ход при затяжном спуске, чтобы очистить корыто и хобот. Алексей добавил: «Мотай на ус. На первый раз можно простить...»

Навестить братьев приехал Борис — офицер Советской Армии.

В минуты отдыха. У Николая Михайловича богатая библиотека.

Памятные награды Николая Михайловича: почетные грамоты и дипломы за достижение в труде и спорте.

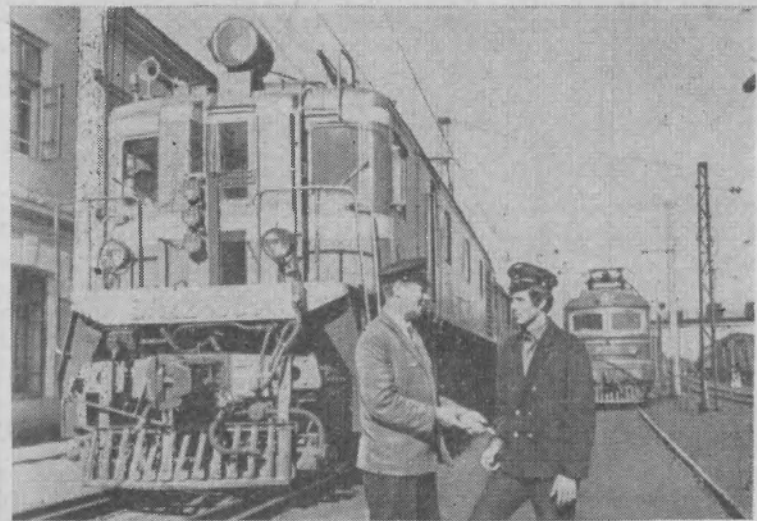
Алексей Михайлович встречает внука Сашу.

Приятно получить комсомольский билет из рук лауреата Государственной премии, в прошлом вожака бригады комсомольского паровоза.

Поступили свежие газеты и журналы. Как всегда, оживленно обсуждаются новости.

На смену паровозам пришли мощные электровозы. Евгений Михайлович с сыном Славой, вернувшимся из поездки.

Эрнст Николаевич — инженер-железнодорожник.
Его партийное поручение — политинформатор.

Братья Слава и Вова Каменских. Пройдет
несколько лет, и сбудется их мечта — они
станут машинистами.

«Напрасно напомнил Борису о стокере, — подумал Николай. — Это никак не мобилизует. Бывало, перед началом футбольного матча подходил тренер и принимался ныть — такую он в прошлой игре допустил ошибку, да такую... Играть после этого вовсе не хотелось. А тут ведь работа — не игра».

Николай выехал на станцию, прицепился к поезду, дождавшись сигнала главного кондуктора. Медленно тронул с места. Стрелки под запотевшим стеклом часов показывали без пяти минут двенадцать. За окном искрился на солнце снег, резал глаза.

В пути их часто задерживали. Пропускали на запад срочные поезда. Хотя и необходимо было переждать, но брала досада. Жаль впустую время растрачивать. А более того угля жаль — вон сколько его в топке даром сгорает.

Стало ясно, что рейс затянется надолго. Жена опять будет беспокоиться, звонить в депо.

Жена...

В тридцать пятом году Николай закончил ФЗУ и был направлен кочегаром на комсомольский паровоз, к Шистерову. Иван Трофимович видел — достался ему кочегар работающий, смысленный, и быстро выдвинул Николая в помощники. Став в двадцать лет помощником, Николай почувствовал себя человеком самостоятельным. Пытался Герману подражать — так же, с независимым видом, ходить по улицам поселка, засунув руки в карманы брюк, беспечно болтать с девушками возле танцплощадки... Скопировать старшего брата он, однако, никак не мог.

Скромный, застенчивый, Николай так и не научился танцевать. Его дружок, Иван Шафранов, тоже помощник машиниста, раз позвал его с собой на танцы, другой, а потом плюнул — живи, сказал, монахом.

А где еще можно подружиться с девушкой, как не на танцах? В поселке девушек много, есть симпатичные,

да разве подойдешь к какой-нибудь на улице, разве скажешь — давай, мол, дружить? Он перечитал много книг про любовь. В современных книгах любовь у молодых людей начиналась чаще, так сказать, на производственной почве — на заводе или стройке. А в состав паровозных бригад девушек не включают.

Следил Николай за Германом и завидовал ему. Красивый, с насмешливыми глазами, Герман то одну девушку провожал после танцев, то другую. Когда же Николай узнал, что Герман стал провожать Катю Колобову, он вовсе перестал разговаривать с братом.

Тревожное, непонятное чувство вселилось в душу Николая. Он пытался разобраться в себе, взвесить свои поступки — ничего не выходило! Катя казалась ему особенной, совсем не такой, как другие девушки: веселая, с румянцем во всю щеку, с глазами лучистыми и какими-то теплыми.

Николай плохо ел, мало разговаривал. Даже Шистеров к нему придрался: «Если ты болен, паря, в будке тебе делать нечего. Я ему про пары, а он на меня смотрит, как баран на новые ворота!»

Однажды в жаркий воскресный день Николай — в новенькой белой майке и в синих спортивных брюках — сидел у окошка, поджидая Ивана Шафранова. Предстоял матч с глазовцами, Иван обещал зайти за ним перед игрой.

Вдруг заекало, запрыгало сердце — к дому подходили Иван и Катя с подругой; в цветастом ситцевом платице, она шла быстро, на ходу поправляя непослушные локоны изящной округлой рукой.

— Привет, монах в синих штанах! — загудел с порога Иван. И, обращаясь к девушкам, пропел дурашливо: — Эх, штаны, штаны мои сини, одни на мне, другие в скрыни...

На Катю Николай не поглядел ни разу — ни дома,

ни потом уже, когда все они вместе шли на стадион. Иван болтал не переставая, объяснял девушкам, как они станут играть, показывал на ходу, как вратарь глазовцев будет понуро вынимать мячи из сетки.

Но глазовцы играли хорошо. Без Германа — его призвали в армию — у верещагинцев в нападении не ладилось, и защитники едва сдерживали натиск гостей. Николай решил, что сегодня перед Катей он себя покажет. Но желание сыграть как можно лучше привело к тому, что он много бегал впустую, суетился и в довершение всего смешно растянулся на траве, столкнувшись со своим вратарем. Зрители засмеялись, и Николаю показалось, что смеется и Катя. После этого случая играл скованно, осторожно. К счастью, нападающие пошли вперед, забили гол, и защите стало легче.

Получилось так, что по дороге со стадиона Николай остался с Катей наедине. Она торопилась домой — надвигалась гроза. А Николай прихрамывал, притворяясь, будто ему подбили ногу, и потому продвигались к Катиному дому медленно. Дождь сыпанул-таки, и они укрылись от него под каким-то покосившимся навесом.

— Эс регнет! — загадочно произнес Николай. Это были его первые слова, сказанные Кате.

— Чего, чего?

— Это по-немецки значит: идет сильный-сильный дождь, а нам вовсе не страшно, — пояснил Николай и подивился, как складно у него получилось это вранье.

— Вы всегда с девушками по-немецки объясняетесь? — лукаво спросила Катя.

— Не всегда, чаще по-испански, — уточнил Николай, и они оба рассмеялись.

Немного помолчали, прислушиваясь к отдаленным раскатам грома, глядя на пузырящиеся лужи.

— Дождик... Чем пахнет летний дождик? — спросила Катя.

Николай ответил серьезно:

— Дождь—это осадки, они не имеют запаха...

— Здравствуйте! — глаза Кати улыбнулись, а потом сделались задумчивыми, темными, глубокими. — Летний дождик пахнет свежей землей, зеленой листвой тополей и чем-то еще необъяснимым...

Гроза быстро выдохлась, Катя убежала домой. Николай, уже не хромя, тоже направился к дому, без конца повторяя про себя застрявший в голове странный Катин вопрос: «Дождик... Чем пахнет летний дождик?» Снова проглянуло слабое закатное солнце, от сырой земли медленно поднимались и быстро таяли облачка пара.

Танцевать он так и не научился, однако волей-неволей пришлось попытаться станцевать с Катей обязательный вальс на шумной, горластой свадьбе. Накануне Михаил Степанович не больно решительно отговаривал жениха: «Может, повременил бы малость? Скоро тебя в армию заберут...»

Николай отшучивался и доказал, что в общем-то он человек упрямый.

...На Пермь-вторую поезд прибыл лишь ночью, спустя 37 часов после отправления из Верещагино — держали чуть ли не на каждой станции.

Едва Николай спустился из будки, к нему подбежал запыхавшийся дежурный по депо.

— Где же ты застрял, миленький? Давай выручай — быстренько экипируйся и забирай состав — литер «К».

Эти слова он привычно говорил каждому машинисту четных поездов, прибывающих на станцию. Бывало, машинисты выражали недовольство такой спешкой, ссылались на усталость бригады. Николай промолчал, но дежурный все-таки по привычке добавил:

— Сейчас до дому мигом долетишь!

И верно, до Григорьевской поезд проследовал без задержек.

Николай тревожился за Бориса — выдержит ли, справится ли с такой физической нагрузкой?

Он вспомнил, как сам был кочегаром. Алексей рассказывал: прежде, когда еще на дровах ездили, молодых кочегаров пытались на смех выставить. Заставляли мешать в тендере воду пикой, крутить буферные тарелки... Николаю таких указаний не давали. Шистеров, машинист серьезный и рассудительный, сразу спросил: «А паровоз ты любишь?» Что ответить? Можно ли любить машину, которую ты толком не знаешь, а лишь глядишь на нее с душевным трепетом?

Он приходил в депо за два часа до отправления, чтобы успеть к приходу машиниста получить смазку, принести ее в двухпудовых бидонах к паровозу, смазать трущиеся детали машины. В поездках кочегарам нелегко приходилось, пока ФД со стокерами не пришли. Возвращался Николай домой с ног до головы в мазуте и угле перепачканный, стряхивал на снегу отяжелевшую шинель, и покрывался снег бурой бахромой...

Борису сейчас легче — и стокер выручает, и он, Николай, все время помогает то советом, то делом, только вот бессонные ночи о себе напоминают — у парня глаза слипаются.

Пьянков больно словоохотлив, но дело свое знает — топит исправно, за Борисом следит. Григорьевский тяжелой подъем, пожалуй, самый тяжелый на участке. Раньше говорили: тогда лишь сумеешь сдать экзамен на помощника, когда с топкой на Григорьевском подъеме справишься. В этот раз Пьянков с Борисом топили классно, Николай взял хороший разгон, открыв большой клапан, постоянно подсыпал песок на рельсы. Подъем преодолели, как в показательной поездке.

В Григорьевской Николай внимательно осмотрел па-

ровоз, наказал Пьянкову чистить топку, набрать воды, а сам направился к дежурному по станции. Вызвал по сектору дежурного Верещагинского депо. Тот сразу же:

— Как состояние паровоза, Николай Михайлович?

Николай ответил кратко:

— Паровоз исправен.

— Другого ответа я не ждал, — мягко рокотал голос дежурного. — Вот что, Николай Михайлович, придется тебе напроход до Балезино проследовать...

Возвращаясь к паровозу, Николай слышал, как в стылой предутренней тишине поскрипывает под валенками снег, как где-то совсем рядом потрескивает морозец. Выйдя из теплого помещения, Николай быстро замерз и подумал, что зябко, наверное, и оттого, что он давно не ел ничего горячего.

Пьянков, узнав, что придется ехать до Балезино, сплюнул в сердцах:

— Опять мимо дома с песнями! Кто-то сейчас отсыпается в тепле, а мы что, заводные? Не по совести это...

— О какой совести ты говоришь? — голос у Николая дрогнул. — Сейчас все живут по совести военного времени, и если от нас требуют дополнительного пробега, мы обязаны выполнить приказ. Тогда-то у тебя совесть чиста будет перед бойцами на фронте, перед самим собой...

Пьянков насторожился. Редко он видел, чтобы вот так волновался его обычно сдержанный машинист.

— Как это перед самим собой? Больно уж неопределенно выражаешься... — начал он несколько примирительно.

— Могу более определенно, — твердо говорил Николай. — Свяжусь с Верещагино и попрошу другого помощника, а ты тем временем разберешься, правильно ли поступаешь.

— Да я разве от работы отказываюсь? — взревел Пьянков. — Разве ты не знаешь меня? Да я готов хоть

цельную неделю из будки не вылезать, если это нужно для общего дела...

Посопел немного, вздохнул и добавил:

— Только неладно это, что на износ работаем. Сляжем ведь, скопытимся... Машина и та может не выдержать перегрузки...

— Машина — не человек, у нее сознания нет! — заметил Николай.

— Ох, и хитер ты! — подытожил Пьянков. — Но машину смазывать надо, а нас кто догадается смазать? Сейчас черта жареного сожрал бы вместе с рогами и копытами...

В Верещагино их ждал сюрприз. Когда Николай стал набирать воду, к паровозу подбежали Катя с Соней.

— Коля, мы вам пельменей принесли! — прокричала Катя.

Николай быстро подошел к жене, осторожно поправил на ней платок.

— Зачем поднялась так рано? Ведь тебе на работу не скоро...

— Чего уж там! — Катя улыбнулась одними глазами. — Ты-то как? Устал? Иди, поешь, пока горячие...

— После, после, — сказал Николай, забирая у нее кастрюлю, завернутую в толстую тряпку. — Стоянка всего пятнадцать минут...

Кроме пельменей Катя и Соня принесли еще и теплый, мягкий хлеб, и большую флягу крепко заваренного горячего чая. Члены бригады моментально уничтожили добрую половину этого богатства, повеселели. Пьянков надумал даже песню сочинить, но кроме двух строчек больше ничего не вышло, и, когда поехали, он пел и пел только эти слова: «Мимо дома с песнями мы несемся вда-аль...» Впрочем, Николай видел лишь, что его помощник широко раскрывает рот — за шумом и

грохотом он не слышал, что там, у левого окна, поет Пьянков.

Поезд мчался на запад, где еще не расступилась ночная тьма, а позади его, на востоке, уже разгоралась розоватая заря. Наступал новый день.

Расчет добраться до Балезино через три-четыре часа не оправдался. В Сегедуре стояли на скрещении поездов, а в Шуре задержали на целых шесть часов — производилась проверка грузов. В Балезино поезд прибыл лишь около восьми вечера.

Николай послал в столовую первым Бориса. Паровозным бригадам уже выдавали дополнительный паек — звали его «наркомовский»: 800 граммов хлеба, 400 граммов селедки (иногда заменяли селедку колбасой) и 20 граммов сахарного песку. «Наркомовский» паек был очень кстати — кормили в железнодорожных столовых плохо: жиденькие щи или мучной суп, картошка или каша с растительным маслом, чай; редко баловали паровозников котлетами.

Вернувшись, Борис похлопал себя рукавицей по животу:

— Похлебал щей, стал еще тощей...

Пошли и обедать, и ужинать одновременно Николай с Пьянковым.

Пробыли в Балезино около часа. Дежурный по депо наказал Николаю тщательно осмотреть паровоз — предстояло вести в Верещагино санитарный поезд.

Короток уральский зимний день. Когда Николай прицепился к поезду, уже глубокая ночь упала на железнодорожную станцию Балезино. В будку поднялся офицер. При тусклом свете лампы Николай определил — подполковник медицинской службы. Он поздоровался и, обращаясь к Николаю, сказал:

— Большая просьба, товарищ механик: не очень дергайте — раненые, есть тяжелые...

Подполковник помолчал, глядя на бушующее в топке пламя, проговорил неторопливо:

— Если хотите, пошлите кого-нибудь на кухню. Третий вагон. Сколько у нас времени?

Глянув на стрелки часов, Николай ответил:

— Минут пятнадцать.

— Давайте зайдем хотя бы в один вагон, — подполковник одернул шинель. — Вам полезно посмотреть...

Николай впервые оказался в вагоне санитарного поезда. Здесь пахло махоркой и больницей — йодом и какими-то лекарствами. К его попутчику сразу же устремилась санитарка, чернявая девушка в белом как снег халате, с тарелкой в руке.

— Товарищ подполковник, вот он, — она покосилась на верхнюю полку, где лежал человек в гимнастерке и шапке-ушанке, из-под которой виднелись бинты, — вторые сутки не ест ничего.

Раненые, казалось, уже спали после ужина, а на голос санитарки откликнулись из соседнего купе:

— Сестрица, водицы бы!

И тут же:

— Сестра, судно!

Вздохи, покашливания, стоны стали слышны отовсюду. И как-то неловко, не по себе сделалось Николаю. На него смотрели и молодые парни, и пожилые дядьки, угрюмые, забинтованные, и немой упрек чудился ему в их глазах, словно он, машинист, виноват, что здоров, что не с ними. В середине вагона Николай увидел подвесную койку, на ней кто-то лежал, весь закутанный. Мелькнула мысль: на ходу, видно, койка раскачивается, а при резком торможении может удариться о перегородку...

Подполковник не сказал ему ни слова, пока они проходили по вагону, а когда спрыгнули на платформу, крепко пожал руку.

— Значит, договорились?

Николай старался быть предельно собранным. Сонливость сгонял тем, что высовывал голову из окна; тогда встречным порывом ветра леденило лицо, высекало из глаз слезинки, индevelи волосы на взмокнушем лбу. Он думал о том, что война — это своего рода экзамен, проверка — каким ты подготовлен к трудностям как рабочий человек, как гражданин своей страны.

— Вижу зеленый! — закричал Пьянков.

— Есть зеленый! — ответил Николай. Он уже давно снизил скорость. Он снижал скорость загодя, приближаясь к каждой станции, чтобы избежать толчков. Перед глазами все еще стояла подвесная кровать в вагоне; паровоз временами потряхивало, и тогда он нервно сглатывал слюну, будто бы сам лежал в этой кровати-люльке. А останавливаться приходилось часто. Хотя и санитарный поезд, но нет ему сквозной дороги на восток — однопутка пропускала срочные грузы на запад, на фронт.

Засветилась огнями станция Верещагино. Там, в занесенных снегом избах вставали люди, разогревали завтрак. И вот сейчас, когда настанет утро нового дня, надо ложиться спать, чтобы отоспаться всласть перед новой поездкой...

Подошел Пьянков, положил руку на плечо.

— Считаю и все сбиваюсь, сколько мы в пути?

Николай улыбнулся.

— По моим подсчетам, шестьдесят семь часов.

Пьянков проговорил задумчиво:

— Знаешь, а все-таки это здорово! Человеком себя чувствуешь. С большой буквы. Помнишь — у Горького это... Я люблю Горького. О рабочем люде он с душой писал. А мы вот те, да не те. В нас покрепче закваска. Так?

Придя к дежурному отметить маршрут, Николай

снова увидел врача-подполковника. Он надрывно кричал в телефонную трубку:

— Товарищ Плешкова, вы начальник госпиталя, вы должны понять — мне необходимо снять трех раненых! Что? Знаю, что нет мест! Проявите солдатскую находчивость... Да, срочная операция... Будем ждать — колесную пару меняют.

В комнате для паровозных бригад он наткнулся на Алексея.

— Прибыл? — спросил Алексей, здороваясь. — А у меня новый кочегар — в юбочке...

— В какой юбочке? — не понял Николай.

— Девушку дали, курносенькую такую... Могу представить. Катя Антипьева. Воду стали набирать, она мне кричит: «Механик, колонку не могу навести!» А я ей: «Катя, осторожней, пути зальешь — акт составят!»

Посмеялся Николай шутке брата, и вроде усталость отступила.

На замену колесной пары по норме полагалось около двух часов. Осмотрщики вагонов Волегов и Плотников, слесари Гундин и Фистин решили произвести безотцепный ремонт. С группой рабочих они заменили неисправные колеса надежными всего за 28 минут. Узнав об этом, в депо не поверили. Действительно, в это трудно было поверить.

Дома Николая ждали. Катя проговорила с упреком:

— Что ж ты долго так? Я три раза принималась суп разогревать, и пельмени, видно, остыли...

— Ты так долго не был, столько новостей! — затараторила Соня. — Онянов организовал концерт в госпитале, мне сегодня в ночь на дежурство идти, а завтра отправляется вагон с подарками на фронт. Приходи обязательно на станцию!

— Будешь дежурить, пригляди за одним раненым — с моего поезда сняли. В люльке везли...

С супом он управился быстро, а когда дошла очередь допельменей, словно бы насытился. Вилка медленно выписывала замысловатую кривую. Последний пельмень, большой, ушастый, Николай никак не мог наколоть на вилку. В тепле его разморило, веки стали слипаться, голова склонялась ниже и ниже, пельмень катался по дну тарелки, будто консервная банка на льду...

...На вагоне висел лозунг: «Бойцам и командирам Северо-Западного фронта от жителей станции Верещагино». 1200 килограммов подарков собрали верещагинцы — масло, молоко, мясо, сухари, домашнее печенье, кисеты с табаком. К подаркам были приложены письма, адресованные незнакомым солдатам. Верещагинцы писали: «Бейте фашистов, очищайте нашу землю, а мы в тылу поможем вам...» Ивану Александровичу Чудинову, председателю передового в районе колхоза имени Буденного, поручили сопровождать вагон и передать воинам напутствия верещагинцев.

На станции к Чудинову подошел секретарь райкома комсомола Юрий Онянов.

— Взяли бы меня с собой! Очень хочется в окопах побывать, хоть раз в атаку сходить. Не отпускают — девушек приходится распределять. Кого в депо, кого на паровозы...

В тот же день радио сообщило: «Завершилась наступательная операция войск Западного фронта против третьей и четвертой танковых, девятой и четвертой армий противника на Сычевском и Вяземском направлениях. В ходе операции войска фронта нанесли противнику большие потери и отбросили его войска на расстояние до ста пятидесяти километров, освободили Можайск, Верею, Медынь, Мятлево».

Деповские слесари, паровозные кочегары ушли воевать, и комсомол бросил клич: «Девушки, на паровозы!» Верещагинские девушки и их ровесницы, эвакуированные из Ленинграда и Белоруссии, приходили к Онянову и требовали комсомольские путевки на паровозы. Многие из них в это тяжелое время работали не хуже мужчин.

Токарь Лида Механошина регулярно выполняла нормы на 200—250 процентов. Так же работали 16—17-летние девушки в бригаде мастера комсомольца Бондарева из механического цеха. Худенькая светловолосая Надя Оборина поступила кочегаром на паровоз ФД № 2828 к машинисту Егору Нелюбину, другу Алексея Каменских. За зиму 1942/43 года этот паровоз был признан лучшим по сети дорог. Надю направили на курсы помощников машиниста.

Когда грянула война, Валентине Бубенцовой исполнился двадцать один год. Эвакуировалась в Верещагино, стала коммунистом. Работала кочегаром, помощником машиниста, машинистом. В 1941 году была награждена почетным значком ударника. Летом 1943 года Валентину Дмитриевну назначили инструктором транспортного отдела райкома партии.

...Поездки, поездки, поездки... Николай и не заметил, как подошла весна сорок второго года. Да и настроение было такое, что не до весны. На собрании паровозных бригад выступил Москвин, начальник депо, и理所当然но заявил, что все машинисты допускают большой пережог топлива, а потому, нет оснований считать лунинцами даже таких передовых машинистов, какими являются Василий Мальцев (паровоз № 2594), Николай Галамин и Николай Каменских (паровоз № 2786), хотя они и не имеют межпоездного ремонта.

Москвин привел объективные причины — длительные простои паровозов на станциях, отсутствие проверки калорийности угля, на складах не успевают проводить калибровку топлива. Затем, строго посмотрев на машинистов, добавил: и на стоянке, и на беспарном паровозе расходуется много угля, комбинированное отопление применяется недостаточно, не все как надо следят за состоянием машины. Отсюда и пережог.

Знал Николай: все правильно сказано. Главное — одним стокером в поездке не обойтись, надо помощнику все время держать в руках лопату, чтобы разбрасывать уголь по углам топки — тогда-то и будет экономия. Но каково помощнику, если он за поездку перебрашивает вручную до 20 тонн угля! Какую силу надо иметь!

И так у них повелось — в каждой поездке, когда Пьянков устало плюхался на сиденье, Николай сам принимался швырять уголь. Работал с такой энергией, с такой злостью, что Пьянков не выдерживал, отбирал у него лопату, говоря: «Перекури малость!»

И вот в июле появилась в депо «молния». В ней писали: «Лучшим в депо признан паровоз ФД № 20-2786, на котором машинистами напарники Н. Галямин и Н. Каменских. Машинист Николай Каменских в июне провел три тяжеловесных состава средним весом 1800 тонн. Техническая скорость — 39,2 при плановой 37,7 километра в час. Сэкономлено 6 тонн топлива. Упорный труд машинистов — мощный удар по врагу!»

К Николаю подошел Иван Шафранов, поздравил друга.

— Ну, Никола, всех ты перещеголял! Будто двуличный! Вот и соревнуйся с тобой... Да ничего, в отношении экономии топлива и скорости я поднажму, а вот с рацпредложениями у меня туго... А твои последние прошли?

— Прошли...

То были уже не первые предложения Николая. Что-

бы меньше изнашивалась машина, Николай оборудовал дополнительную систему смазывания ее движущихся частей. А чтобы не так быстро изнашивались бандажи ведущих колес, он предложил подавать песок непосредственно под бегунковые колеса. Песок попадал под цепные колеса в смятом состоянии, поэтому машинист мог смело увеличивать скорость, не опасаясь буксовки.

Вскоре эти предложения Николая Каменских были учтены на паровозостроительных заводах при изготовлении новых модификаций локомотивов.

Летом 1943 года Николай снова занял первое место в соревновании машинистов Верещагинского депо. В июне он провел шесть поездов без дополнительного набора воды, сэкономил за три месяца более шестидесяти тонн угля.

Отмечена была также работа машинистов Нелюбина, Бурдина, Пиневича, Нохрина, Политова, Сенокосова, Александра Тнунова, Юркова.

В феврале 1944 года коллектив Верещагинского паровозного депо стал победителем всесоюзного соревнования железнодорожников, получил переходящее Красное знамя НКПС и ВЦСПС.

И вот пришел сорок пятый, долгожданный год Победы.

В тот незабываемый день Николай хорошо выпался после поездки, принялся готовить ужин. Катя задерживалась. Она работала в отделе кадров депо, возвращалась домой всегда в одно и то же время. Обеспокоенный Николай вышел на улицу. День выдался теплый, весело колыхалась на ветру ярко-зеленая листва тополей.

Николай увидел жену. Она бежала по улице, заметив его, замахала руками, что-то взволнованно крикнула. Но почему она такая радостная, почему улыбается?

— Победа, Коля, победа! — Катя обняла мужа, пе-

ревела дыхание. — А ты и не знаешь ничего? Включай скорее радио!

...В Верецагино останавливались пассажирские поезда, идущие в Сибирь, на Дальний Восток. Прямо на перроне под яростно орущую гармошку лихо отплясывали солдаты, не жалея каблучков. Николай видел, как на выцветших гимнастерках солдат ходуном ходили, позванивая, медали...

Но страна не забыла и тех, кто ковал победу в тылу. За годы войны в трудовой книжке Николая Каменских было сделано двадцать восемь записей о благодарностях и премиях. Главной наградой был сверкающий на солнце яркой эмалью орден Красной Звезды.

3

В небольшой, но светлой и уютной комнате, на дверях которой висела табличка «Секретарь партбюро», беседовали два человека. Один из них, пожилой, с худым лицом, которое удлиняла черная бородка клином, в долгополой железнодорожной шинели, проворчал явно недовольно:

— Помоложе будто нельзя никого сыскать... Мне нынче шестьдесят стукнет...

Его собеседник, возвышаясь за низким столом, pokrutil шей — чувствовалось, что воротничок форменного кителя ему тесен.

— Иван Григорьевич, а партстаж у вас какой?

— Будто не знаешь, Семеныч! Тридцать два года...

— Значит, с семнадцатого года в партии. Это же здорово! Кто у нас еще имеет такой партстаж? И партийную работу вы знаете. А на электростанции много ли коммунистов? Сравните!

Иван Григорьевич вздохнул:

— Желудок у меня никуда не годный. Врачи гово-

рят: то нельзя, другое нельзя, диету соблюдай. А какая теперь может быть диета?

— Ну, так и знал... Все старики на здоровье жалуются. Словом, договорились, я выдвигаю вашу кандидатуру, а решать будет собрание. Записываю. Кокорин Иван Григорьевич...

Секретарь партбюро прибрал на столе бумаги.

— А теперь посоветоваться надо. Вы же хорошо знаете всех машинистов. О движении пятисотников читали в «Гудке»?

— Читал.

— Дело огромной важности! На других дорогах уже дают по пятьсот с лишним километров пробега в сутки, а наши машинисты, как медведи, — не отошли еще от зимней спячки. Кого-то бы рогатиной пошевелить... Есть замечательные машинисты: Чалов, Игошин, Верховцев, Пискунов, братья Каменских, Игнатьев...

— Каменских! — прервал секретаря Кокорин. — Николай Каменских. Тут нужен машинист сильный, смелый и грамотный. Чалов Николай Кузьмич — мужик, конечно, авторитетный, но грамотешки маловато. А Николай Каменских — рационализатор, башковитый парень, старательный... В конце войны — не помнишь? — именно его инструктором в Караганду на подмогу ихним машинистам посылали...

Кокорин, видя, что секретарь партбюро слушает его внимательно, продолжал:

— Отца его, Михаила Степановича, хорошо знаю. Нас было три брата — я и два Василия. Старший Василий много о нем рассказывал. В двадцать втором году я был секретарем партячейки кондукторского состава, а Василий в депо партячейку возглавлял. И вот приходит как-то к Василию Михаил Степанович: определяй, слышь, моих сыновей на учебу, может, талант у них какой, хочь из них настоящих людей сделать...

— Ну, что же, вот и стали они настоящими людьми!

— Да, но тогда-то... Беспокоился ведь отец. Время, Семеныч, другое было...

Когда Кокорин ушел, секретарь партбюро снял телефонную трубку, набрал номер дежурного по депо.

— Рылов позвонил, здравствуйте! Николай Каменских где сегодня? А когда придет? Через полчаса? Передайте, пожалуйста, пусть ко мне зайдет.

Сергей Семенович Рылов не любил принимать скоропалительных решений. Вот и сейчас, задумав «пошевелить» машинистов, он не стал торопиться — побеседовал с членами бюро, рядовыми коммунистами. Большинство из них назвали одну и ту же кандидатуру. Он знал: Николай Каменских — в числе лучших машинистов депо, старший на комсомольском паровозе ФД № 2577, молодой коммунист, партийные поручения выполняет охотно. Однако как он отнесется к самой идее, загорится ли желанием поддержать пятисотников, поймет ли суть движения? Есть же в депо машинисты, которые все, что положено, выполняют, а сверх того делать не хотят, потому как это дополнительная работа, лишние хлопоты.

И Рылов в ожидании Каменских раздумывал, как начать разговор, как прощупать машиниста.

Николай, в форменной фуражке и шинели, в кирзовых сапогах со следами снега на носках, нерешительно остановился у дверей.

— Вызывали, Сергей Семенович?

Рылов поднялся из-за стола.

— Не вызывал — приглашал. Проходи, Николай Михайлович, присаживайся.

Задал несколько обычных вопросов — как жизнь, как работа, и, видя, что машинист насторожился, ожидая главного разговора, перешел к делу.

— Чем бригада комсомольского паровоза собирается отметить одиннадцатый съезд комсомола?

— Ударной работой, Сергей Семенович!

— А конкретнее?

Николай задумался. Куда клонит партийный секретарь? Обязательства на год приняты, там все расписано.

— Скоро четыре года как закончилась война, а все еще не восстановили разрушенное, — Рылов говорил медленно, не спуская глаз с Николая. — Партия требует от железнодорожников ускорить перевозку грузов... Началось движение пятисотников, а мы, в том числе и бригада комсомольского паровоза, пока наблюдаем...

— Не совсем так. Бригады комсомольского уже имеют расчеты.

Расстегнув шинель, Николай достал замасленную записную книжку, полистал исписанные мелкими буквами странички.

— От Верещагино до Балезино сто двадцать три километра. По графику нам отводится пять часов, а можно уложиться за три. На экипировку отведено три часа, один час можно урезать, на обратный путь — четыре часа, полтора часа на сдачу паровоза. Выходит, за десять с половиной часов можно сделать двести сорок шесть километров.

— Так, так... — Рылов подался к Николаю.

— Теперь, если вторая бригада за тринадцать часов сумеет доехать до Перми и вернуться в Верещагино, то за сутки мы замкнем полное кольцо — четыреста семьдесят восемь километров. Поднажать — будут все пятьсот.

— Ну и что же, так и будут эти расчеты вечно покоиться в записной книжке? Почему раньше ко мне не пришел?

Николай оживился:

— Откровенно говоря, Сергей Семенович, как прочитал я про пятисотников, так покой потерял. Думаю, а мы чем хуже? Конечно, профиль пути у нас ломаный, пятьсот километров выжать трудно, это на сто шестьдесят километров больше нормы! Но если очень постараться... Поговорил с бригадами, ребята загорелись. Сейчас мы тренируемся — сокращаем время на экипировку, лучше стали ухаживать за машиной. Когда будем готовы, я доложу.

— Подожди, Николай Михайлович! — Рылов взял карандаш, записал что-то на листе бумаги. — Получается — либо дождик, либо снег... Надо и других машинистов привлечь. Что, ты считаешь, является главным при увеличении пробега?

— Первое, — если улучшить уход за машиной, увеличится пробег между подъемами. Второе — повысить технические скорости. Третье — сократить время экипировки в основном и оборотных депо. Кроме того, надо иметь твердую договоренность с диспетчерами, уговорить слесарей проводить скоростной ремонт, расшевелить экипировочные бригады, снимать кое-где ограничители скорости... Ну, а самое главное — все-таки договор с диспетчером. Знаю — не все поддержат пятисотников...

— Через несколько дней в Перми совещание. Я бы попросил тебя, Николай Михайлович, выступить. Назови конкретные цифры, которых необходимо добиться, покритикуй диспетчеров. Машинисты тебя поддержат. А достижение увеличения пробега считай партийным поручением.

В дверь постучали. Вошел человек в хромовых сапогах и офицерской шинели без погон, представился — корреспондент дорожной газеты. Попросил Рылова познакомить его с передовым машинистом депо. Сергей Семенович указал на Николая.

— Знакомьтесь: Николай Михайлович Каменских, старший машинист комсомольского паровоза...

Еще в годы войны Николаю поручили восстановить старый, потрепанный паровоз № 2106. И когда очистили паровоз от сажи и грязи, когда засверкал он свежей никелировкой, по решению комитета ВЛКСМ ему присвоили звание «комсомольский». Машинисты любовались помолодевшим паровозом, говорили: «Ну, на такой машине можно ставить рекорды». А Николай передал паровоз своему сопернику по соревнованию Ивану Шаfranову. Получил другой — № 2577, добился высоких показателей, и уже этот новый паровоз в 1948 году получил звание комсомольского.

Николаю исполнилось тридцать два года, из комсомольского возраста он давно уже вышел, но бригада его оказалась комсомольско-молодежной: машинисты Федор Тиунов и Николай Яковлев, помощники Владимир Зиновьев, Геннадий Лобашов, Иван Путин, кочегары Евгений Каменских, Александр Тиунов, Борис Рудин — все они были моложе Николая. В соревновании в честь тридцатилетия ВЛКСМ комсомольский паровоз занял первое место в депо.

Корреспондента интересовали обязательства коллектива комсомольского паровоза на 1949 год. Он предупредил: материал будет опубликован за подписью старшего машиниста.

Николай назвал пункты обязательств: провести 300 скоростных и 100 тяжеловесных поездов, перевезти сверх нормы 15 тысяч тонн грузов, сэкономить 200 тонн топлива, перевыполнить техническую скорость в среднем на один километр в час, довести пробег паровоза между промывками до 60 тысяч километров при норме 42 тысячи, сократить простои паровоза под техническими операциями на 30 минут против нормы, сэкономить 150 тысяч рублей. И ни слова не сказал о самом главном — созрев-

шем решении добиться пробега в 500 километров. Посчитал, что об этом писать еще рано...

Дома, лежа на кушетке с книгой в руках, Николай припомнил подробности разговора с Рыловым. Да, он так и сказал: партийное поручение...

В партию Николай вступил в апреле 1945 года. Принимали его вместе с Владимиром, на одном заседании бюро. Первым вызвали Николая, он четко ответил на все вопросы, а по-настоящему разволновался уже потом, когда в кабинет первого секретаря райкома партии вошел Владимир. Знал Николай: Владимир хорошо работал в депо, имел отличную характеристику, но... Вдруг вспомнит старое — о той злосчастной аварии? Готов ли брат к такому вопросу?

Мучительно долго тянулись минуты. Вышел Владимир из кабинета с непроницаемым лицом. Николай бросился к нему:

— Ну как?

— Все в порядке.

— О чем спрашивали?

— Международное положение... Ну, и другое...

Они крепко пожали друг другу руки.

За эти четыре года Николаю часто давали партийные поручения. Всякий раз при этом он испытывал жгучее беспокойство. Знал — с заданием партийной организации справится, оправдает доверие товарищей, но все равно волновался. Не мог оставаться холодным и равнодушным.

Новое поручение — добиться пятисоткилометрового пробега — обрадовало Николая: оно совпало с его желанием. Ни с кем-нибудь другим, а с ним завел Рылов этот разговор! Значит, именно на него рассчитывает парторг. И как это здорово — быть первым в новом деле, повести за собой других машинистов!

Стоп, стоп! — Николай отложил книгу в сторону, так

и не прочитав ни единой строчки. Ведь если и другие машинисты станут давать в сутки по пятьсот километров, то песколько паровозов останутся без дела. Можно спокойно обойтись без них, можно отправить их в другие депо, где не хватает паровозов! Это же очень выгодно государству!

— Папа, помоги задачку решить, — на кушетку присел Эрик, его одиннадцатилетний сын.

— Подожди, я думаю...

— О паровозе?

— О паровозе, — улыбнулся Николай.

«Да, это не просто рекорд, круглая цифра, это прежде всего выгодно государству, — размышлял Николай. — Сколько же может высвободиться в депо паровозов?»

— Эрик, принеси-ка бумагу и карандаш...

Совещание в Перми проходило обыденно. Говорили об экономии топлива, про обязательства паровозных бригад. Предоставили слово Николаю. На собраниях он выступал редко, начал говорить скованно, не больно гладко, потом разошелся, и притих, насторожился зал.

Николай сказал о движении пятисотников на других дорогах, остановился на действиях бригад при подготовке к скоростному рейсу. Потом заявил: машинисты Верещагино готовы сделать 500 километров в сутки! Выждав, когда стихнут аплодисменты, Николай перешел к работе диспетчеров. Есть диспетчеры, которые ставят палки в колеса передовым машинистам, не дают им «зеленой улицы», опасаясь, как бы чего не вышло.

— Самое обидное, — говорил Николай, — что даже среди работников Пермского отделения находятся люди, которые поддерживают нерешительных диспетчеров, а потому на всякий случай держат в парке больше паровозов, чем требуется...

Завозились, зашумели в рядах, кто-то выкрикнул:

— Правильно!

— Товарищи! — продолжал Николай. — Почему вы постоянно оглядываетесь на технические нормы и не верите в возможности машиниста? А мы в свои силы верим!

На трибуну поднялся начальник дороги Сугак.

— Я считаю выступление товарища Каменских очень правильным и своевременным. Все мы должны подумать о том, как обеспечить «зеленую улицу» пятисотникам...

В Верещагино Николай возвращался с Рыловым. Оживленно обсуждали итоги совещания. Николай достал записную книжку, уже знакомую Рылову.

— Сергей Семенович! Я вот прикинул. За каждый час лишнего простоя в оборотных депо или на промежуточных станциях мы расходует три кубометра воды и триста — четыреста килограммов угля. Этого количества воды хватило бы на пятнадцать — двадцать километров, а угля — на восемь — десять. Поэтому очень важно, чтобы паровоз все время находился в ходу. Следовательно, все зависит от диспетчера, от его расторопности.

— Поможем, — заверил Рылов. — Поговорю с Имполитовым.

Николай подумал о своих напарниках. Тиунов и Яковлев — машинисты старательные, исполнительные. Но не мешает еще раз предупредить их — пусть на каждой стоянке проверяют машину, следят за болтами. Нагрузка у паровоза увеличивается, надо быть начеку. Выйдет машина из строя — все рекорды померкнут.

За свою бригаду он был спокоен. Кочегар надежный. Помощник — младший брат Евгений. После окончания железнодорожного училища он работал слесарем и всего месяц проездил кочегаром — сдал на помощника.

В девятнадцать лет помощник машиниста, Евгений подавал большие надежды.

Так же добросовестно в начале войны работал Борис. Тоже мечтал стать машинистом. Но в сентябре сорок второго, когда Борису еще не исполнилось и восемнадцати, его призвали в армию. Он был направлен в пулеметно-минометное училище, с боями прошел от Ельца до Польши, получил много наград, стал офицером. В 1947 году писал из Саратова: «Можете поздравить меня. Во-первых, я окончил военное училище и получил назначение в Прибалтику. Во-вторых, женился. Жену зовут Надежда Федоровна. Она тоже участница Великой Отечественной войны, награждена орденом Красной Звезды, медалями. Высылаю нашу фотографию. Очень хотелось бы приехать в Верещагино, снова поработать на паровозе».

В армию взяли Бориса, с фронта вернулся с ранением Герман. Подлечился и пошел в депо слесарить. Потом поехал кочегаром, и хотя был на три года старше Николая, попросился к нему на выучку. Ездил помощником, а теперь сам машинист. Теперь уже три брата машинисты, а через годик, глядишь, и Евгений получит права управления...

В середине марта в Верещагинском депо была организована колонна паровозов увеличенного пробега. В нее вошли бригады старших машинистов Николая Каменских, Чалова, Пискунова, Балуева и Ракова. Бригады взяли обязательство довести техническую скорость локомотивов до 40 километров в час, а среднесуточный пробег — до 450 километров. Кто-то из машинистов должен был первым «разменять» пятьсот километров.

22 марта ФД № 2577 пробежал 419 километров. В Верещагино пришла телеграмма из Перми, от начальника дороги: «За данный рейс всему коллективу паровоза товарища Каменских объявляю благодарность».

Уверен, что паровозники Пермской последуют вашему примеру, будут множить ряды машинистов-кольцевиков».

В эти дни Николай являлся домой лишь для того, чтобы пообедать. Екатерина Демидовна понимала — что-то важное затеял муж: стал сосредоточенным, замкнутым, неразговорчивым. И она старалась не мешать ему, не выговаривала за длительное отсутствие.

А Николай пропадал в депо. Когда сам был свободен от поездки, встречал бригады Тиунова и Яковлева, вместе с ними осматривал паровоз, подолгу беседовал с дежурным по депо, с диспетчерами.

Поездной диспетчер Федор Михайлович Имполитов был человеком нрава довольно крутого. Он мог запросто отругать по селектору любого машиниста, допустившего задержку, а потом отходил, при встрече рассказывал тому же машинисту какой-нибудь заковыристый анекдот и сам хохотал при этом громогласно.

Только в отношении Николая Каменских он не позволял себе грубости. Во-первых, для этого не было оснований, а во-вторых, однажды Николай его здорово выручил, и Федор Михайлович проникся к нему глубоким уважением.

Один молодой верещагинский машинист вел тяжеловесный состав. Бригада явно не рассчитала свои силы, и паровоз без пара застрял на очередной станции перед затяжным подъемом, загородив дорогу поезду Николая, который следовал за ним. Могла возникнуть серьезная «пробка». Тогда Николай связался по селектору с Имполитовым и предложил помощь. Он отцепил свой паровоз от состава и, используя его как толкач, вместе с растерявшимся машинистом провел поезд по подъему. После этого вернулся к своему составу. Развив большую скорость, сумел уложиться в график.

...В небольшой комнатке, задрапированной плотной синей тканью, Имполитов, низко склонившись над графиком, выводил на нем четкие тонкие линии. Единственный источник света — электрическая лампа с зеленым абажуром — бросала на длинный стол яркое округлое пятно, а лицо Имполитова оставалось в тени, и Николай не мог разглядеть, улыбается диспетчер или хмурится.

— Смотри, Федор Михайлович, вот здесь, — Николай ткнул карандашом в одну из наклонных линий, — ты остановил Яковлева для скрещения со встречным поездом, а если бы пропустил его на следующий перегон, сколько бы он времени выиграл?

— Да, но твой Яковлев не успел бы добежать до этой станции. Я ведь считал — четырех минут ему не хватало.

— А ты попросил бы его. Разве так трудно четыре минуты сэкономить?

Имполитов крякнул.

— Ну, хорошо. Полчаса выиграл бы Яковлев, а в Балезино этот Магелан плевать хотел на ваши рекорды. Сколько он там его продержал? Дал же бог фамилию человеку! Знаменитый Магеллан первооткрывателем был, а этот — первозакрыватель! — Имполитов захохотал, довольный своей шуткой.

В репродукторе сначала что-то зашуршало, затем послышался нетерпеливый голос:

— Диспетчер, диспетчер...

— Я диспетчер. Слушаю вас!

Имполитов пододвинул к себе график, сделал на нем несколько пометок об отправлении поездов с соседних станций. Закончив разговор, повернулся к Николаю.

— Этот Магелан не одинок. наших диспетчеров не знаешь разве? Бахарев, Леконцев... Думаешь, они отсталые, несознательные? Черта с два! Обыкновенные люди, наши, советские. Но осторожные. Вам, машини-

стам, рекорд подавай, пятьсот километров! А они боятся — в случае чего с работы полетят...

— А ты? — напрямик спросил Николай. На лицо Имполитова упал свет от абажура, и оно сделалось каким-то землисто-зеленым.

Снова зарокотал репродуктор.

— Я диспетчер! — заорал Имполитов. — Ясно, ясно, принимайте девятьсот второй...

Потом он ввязался в перепалку с каким-то машинистом, долго ему выговаривал и наконец, закончив разговор, устало откинулся на спинку стула.

— Так о чем мы говорили?

— В очередном рейсе я собираюсь проследовать Григорьевскую без набора воды. Как смотришь?

Имполитов достал другой график, задумался.

— А если по пятам за тобой пойдет пассажирский? Что с ним прикажешь делать?

— А я спокойно уйду от него, лишь бы семафоры были открыты...

Имполитов поскреб всей пятерней за ухом.

— Слушай, Николай Михалыч, а ведь ты, леший, дашь пятьсот километров, ей-богу, дашь!

— С твоей помощью! — в тон ему ответил Николай.

27 марта паровоз № 2577 сделал 480 километров, и вот, наконец, 29 марта суточный пробег составил необыкновенно много — 529 километров!

Эти сутки Николай завершал сам. Несмотря на поздний час, встретить его пришли Тиунов и Яковлев с бригадами, другие машинисты, руководители депо. Николай сразу же попал в объятия Рылова. Когда высвободился, зашептал на ухо:

— Сергей Семенович! У меня уже другие расчеты — можно семьсот километров дать! Только пока никому об этом!

— Семь-сот? — заикаясь, повторил Рылов.

Николай вовсе не хвастал в порыве радости.

И он, и его смеищики уже наловчились экономить воду, следовали через многие станции без остановок. Теперь, чтобы еще больше ускорить экипировку, они сами изготовили огромный деревянный ларь для песка — ведер на сорок, обили его железом и установили на палубе водяного бака паровоза.

30 марта комсомольский паровоз прошел 540 километров. В ночь на 1 апреля Николай пришел в свое депо в приподнятом настроении. Чувствовал — сегодня будет что-то не совсем обычное!

Он взял поезд с углем, довел его до Балезино, вернулся в Верещагино и передал паровоз Тиунову. Тот также сделал кольцевой рейс Верещагино — Пермь — Верещагино. Теперь Тиунова должен был сменить Яковлев, но Николай решил сам вести поезд до Балезино с бригадой Яковлева и смениться лишь там, в Балезино. Сделать два рейса в сутки нелегко, но он сказал себе: так надо.

Бородулино, Кузьма, Кез — поезд миновал эти станции без остановок. Николай прикидывал: «Уже есть 488 километров плюс 123 — его, балезинские. Получается 611. Если Яковлев успеет до исхода суток вернуться в Верещагино, набежит еще 123 километра. Всего будет 734. Не успеет — все равно около 700».

Яковлев ехал дублером. Он чувствовал, как возбужден старший машинист, это возбуждение передалось и ему, он подавал советы помощнику, уходил на тендер помогать кочегару, возвращался к Николаю.

— Хорошо едем, Николай Михалыч! Будет семьсот! Николай улыбнулся.

В Чепце, однако, их задержали для обгона пассажирским поездом. Николай посмотрел на стрелки часов. Сколько придется стоять — пять, десять, двадцать минут? Ведь на счету каждая минута!

Вглянул в окно. Рядом, на соседнем пути, стоял состав, тоже направляющийся в Балезино. У паровоза топтался человек в форменной фуражке, постукивал молотком по ходовым частям машины. Николай вгляделся в него, крикнул:

— Здорово, Балуюв! Как дела?

Тот медленно повернулся, буркнул:

— Как сажа бела.

— Чего так? — Николай подумал: «Может, в помощи нуждается?»

— Будто сам не знаешь? Битых два часа здесь торчу. Дорогу тебе уступаем, рекорд создаем...

Словно что-то оборвалось в душе Николая. Лицо запылало. Прогромычал пассажирский, а Николай даже не обратил на него внимания. «Битых два часа...»

Ему первому дали отправление. Он машинально, по привычке, взялся за рукоятку сигнального свистка, левой рукой, как во сне, нащупал регулятор.

«Рекорд создаем...» Что же получается? Другие машинисты, выходит, стоят на станциях по два часа, чтобы пропустить его. Значит, и все диспетчеры работают только на рекорд... Кому же нужен такой нелепый рекорд — машинистам, начальству, государству?! А он-то на небеса вознесся, героем себя почувствовал! Как завтра в глаза товарищам смотреть? Скажут: испекли, мол, каравай, кого любишь — выбирай! Любой рекордсмен тогда лишь своей победе радуется, когда она завоевана в честной борьбе, когда у него совесть чиста. А ему дорожку предварительно песочком посыпали — поезжай, да не поскользнься!

Николай довел состав до Балезино, передал управление Яковлеву и молчал весь обратный путь до Верешигино. Яковлев не слышал разговор старшего машиниста с Балуюевым — выходил крепить болты, и никак не мог понять, что произошло с Николаем. А того слов-

но и не интересовало уже, станут ли их держать на станциях, успеют ли они до исхода суток в свое депо.

Не успели — не хватило нескольких минут. Уже стояла темная и холодная весенняя ночь. Пока Яковлев сдавал паровоз Тиунову, Николай, так и не сказав никому ни слова, отправился спать.

Наутро возле депо его встретил сияющий Рылов.

— Знаешь, сколько накрутили? Семьсот двадцать девять — рекорд на всю дорогу! Тринадцать тонн угля сэкономили.

— Мне все равно! — отвернулся Николай.

— Как это все равно? — удивился Рылов.

И Николай выложил ему все, что накипело на душе. Рылов переменился в лице.

— Машинист ты умелый, а коммунист, оказывается, совсем зеленый! Пойми, нам не рекорд твой нужен, а почин. Да, диспетчеры задерживают отдельных машинистов. Не могут же они вот так сразу составить оптимальные графики для всех машинистов! Ты доказал, что на нашем трудном участке можно давать пятьсот километров в сутки — это главное. Доказал не на словах — на деле. Теперь, новые пятисотники у нас появятся. И государству от этого огромная выгода. А диспетчеры переучиваться будут, чертить новые графики с учетом возможностей локомотива и человека. Понял?

— Может, и так... — неуверенно проговорил Николай. — Только пока на меня машинисты косо смотрят... Рылов рассмеялся.

— Такие же несознательные, как и ты. На днях общее собрание проведем. Готовься выступать. Там-то и разберемся, что к чему, и люди оценят твой подвиг по-настоящему.

Николай поморщился — не любил громких слов. Но волнение сразу спало. Почувствовав это, Рылов спросил:

— Так как — новым рекордом порадуешь или этим ограничишься?

— Не знаю... — недовольно ответил Николай. Слово «рекорд» он все еще не мог слышать спокойно.

5 апреля паровоз № 2577 прошел за сутки 767 километров.

В апреле в Верещагинском депо была создана вторая колонна паровозов увеличенного пробега, а в июле — третья. Возглавили их машинисты Игошин и Игнатьев. Почин Николая Каменских поддержали свыше пятидесяти машинистов Верещагинского депо, машинисты Чусовского депо, где также организовали колонну под руководством старшего машиниста Пешкина.

Среднесуточный пробег локомотивов на Пермской железной дороге значительно возрос, и удалось ускорить оборот вагонов. Это дало экономию — десятки миллионов рублей. Как и предполагалось, в Верещагинском депо высвободились паровозы. И не один-два, а целых двенадцать. А в техническом кабинете депо на модели учебного паровоза появился № 2577.

5 марта 1950 года Николай вел состав в Пермь. День выдался погожий, солнечный. Весело искрился снег на деревьях и вершинах оврагов. Слегка морозило.

Григорьевскую проследовали без остановки. Вместе с жезлом передали записку. Николай развернул ее и перечитал дважды. «Поздравляем машиниста тов. Каменских с присуждением звания лауреата Сталинской премии. Желаем...»

«Нет, что-то не то, что-то напутал дежурный». Он читал в газетах — звание лауреатов обычно присваивали крупным ученым за выдающиеся открытия, изобретения. А он — обыкновенный машинист, рабочий человек... «Определенно что-то напутали...»

На Перми-второй, уже снизив скорость, Николай

увидел возле депо большую толпу народа. Поблескивали на солнце медные трубы — оркестр!

Николай остановил состав, нерешительно ступил на первую ступеньку лестницы, и грянул оркестр, громогласно, неистово. Николай прыгнул на платформу и сразу попал в объятия начальника отделения дороги Либермана. Потом к нему проталкивались знакомые и незнакомые машинисты, железнодорожники, жали руку, и каждый что-то кричал на ухо, оркестранты старались что есть мочи, и Николай мог слышать только отдельные слова.

Наконец смолкла мелодия марша, Либерман поднялся на лестницу, достал из кармана бумагу.

— Товарищи! Сегодня в отделение поступила телеграмма. Старшему машинисту Верещагинского депо Каменских Николаю Михайловичу, — Либерман заглянул в бумагу, — за разработку и внедрение новостяхновского метода труда на железнодорожном транспорте — движение машинистов-пятисотников — присвоено высокое звание лауреата...

Выступили еще несколько человек, подтолкнули к лестнице паровоза Николая. «О чем говорить? Хоть бы подготовиться дали!»

— Для меня это большая неожиданность, и я очень волнуюсь... — Николай увидел, как широко улыбается Либерман, как ободряюще кивают ему машинисты. — Благодарю партию и правительство за присуждение этого звания... Таких машинистов, как я, в нашем депо много. Это благодаря их поддержке, помощи партийной организации бригада комсомольского паровоза вышла в число пятисотников... Вот... Поэтому большое спасибо всему коллективу депо, членам бригады... Обещаю работать еще лучше...

А в это время в Верещагино, в угловом доме на широкой улице Трудовой, Михаил Степанович Камен-

ских сидел на табуретке напротив окна и подшивал валенки. Зима, правда, уже кончалась, но Михаил Степанович каждый день выскивал себе какую-нибудь работу, а сегодня нашел старые валенки и решил привести их в порядок. Пропуская провоенную дратву в проколотые шилом отверстия, он ежеминутно встряхивал головой — обе руки были заняты, а роговые очки постоянно сползали на кончик носа.

Кто-то требовательно постучал в окно. Михаил Степанович снял очки, взгляделся. Кажись, почтальонка. Маячила — просила открыть дверь.

Михаил Степанович оставил валенок на лавке, накинул на плечи полушубок, вышел во двор.

— Вам телеграмма срочная. Расписаться надо...

Он впустил почтальонку в избу, отыскал карандаш, надел очки, а в голове стучало: «Может, с Борисом, с Соней что?» Расписался торопливо, выпроводил почтальонку, взял телеграмму и стоя принялся читать вслух: «Верещагино, Трудовая, шестьдесят три, Каменских Михаилу Степановичу. Большое спасибо вам за воспитание сына Николая, лауреата Сталинской премии, в духе патриотизма и преданности нашей великой Родине. Желаем вам крепкого здоровья».

Внизу стояли подписи:

«НОД 2 Либерман

Нач. п/о отд. дор. 2 Чураков

Райпрофсоюз Фомин».

Михаил Степанович присел на табуретку, еще раз прочитал прыгающие строчки: «...лауреата... в духе патриотизма...» И он почувствовал, как по щеке медленно-медленно скатилась слеза...

В тот же день несколько телеграмм поступило на улицу Ленина, в дом № 8.

Из Перми: «Каменских Екатерине Демидовне. Поздравляем вас с присуждением мужу звания лауреата...

Ваша забота о нем помогла ему в его славном стахановском труде. Желаем вам дружной счастливой жизни...»

Из Кизела: «Каменских Николаю. Поздравляю тебя, дорогой браток, с высоким званием. Привет семье. Целую. Соня».

Из Москвы: «Каменских Николаю Михайловичу. Министерство путей сообщения и ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта горячо поздравляют вас...»

Из Москвы: «Каменских Николаю Михайловичу. Коллектив Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта поздравляет вас и коллектив Верещагинского депо...»

...За столом в старом доме на Трудовой в этот теплый августовский вечер было тесно. Пригласили лишь родственников, а сколько их собралось! Алексей, Владимир, Герман, Николай, Евгений — все пришли с женами, приехала из Кизела Софья Михайловна, работавшая там директором школы, Анатолий Николаевич, офицер, сын Николая Степановича — брата Михаила Степановича. Не смог приехать на торжество лишь Борис — военная служба — дело серьезное...

На видном месте, на полочке между двумя низкими окнами установили лауреатский диплом Николая — небольшую книжечку в тугом ярко-красном переплете. Когда с большим трудом родственники все-таки устроились за столом, когда уже разлили из графина водку по рюмкам и светлое виноградное вино по фужерам, все примолкли, поглядывая на Михаила Степановича.

Он, в свежей белой косоворотке, перетянутой на поясе широким ремнем, медленно поднялся со стула, обвел всех взглядом, посмотрел на диплом Николая, потом вправо, где на стене, все эти годы на одном и том же месте, висела картина, единственная в доме. По ней

уже пробежали тонкие морщинки, краска по краям стерлась, но, как и прежде, яркая луна серебром высвечивала море, берег, парусники, склонившиеся на бок под порывом предгрозового ветра.

Все тоже смотрели на картину, ждали, что скажет глава семьи. А он, видно, вспомнил прошлое. Начал неторопливо:

— При белых у нас постоялец жил — офицер ихний. Покойная Марья Федоровна сказывала, будто предрекал он детям нашим в вечной нужде жить, потому как они в семье мастерового родились, а не в купеческом доме...

Сидящие за столом переглянулись, заулыбались. Михаил Степанович погладил поредевшую бородку, продолжал:

— И что людьми путными они не станут... А сейчас гляжу я на вас — вон вы какие! А почему все? Потому, что Советская власть на дорогу вас вывела... И хочу я спервоначала выпить не за Кольку, который сделался этим... как его?... лауреатом, — Михаил Степанович с трудом выговорил больно уж непривычное слово, — не за Кольку, а за ее, за Советскую власть, которой мы должны низко поклониться.

Он поднял свою стопку, и все сразу захлопали в ладоши, зашумели, и Михаил Степанович осушил стопку до дна, крикнул, довольный, что так ладно сказал, будто заранее к тому готовился...

Потом выпили за здоровье Михаила Степановича, потом уже — за диплом Николая, вынесли стол во двор, чтобы освободить место для танцев.

Молодые танцевали лихо, задорно, а Михаил Степанович сидел в сторонке и почему-то все посматривал на картину, от которой, казалось, по-прежнему исходил мягкий лунный свет...

В последнее время Михаил Степанович часто думал о смерти. Но, пока чувствовал лишь слабость и недомогание, отмахивался от этих мыслей, как от назойливой мухи. Когда же болезнь навалилась гнетущей тяжестью, приковала к постели, Михаил Степанович понял — больше он не поднимется.

И думал он о том, что вот теперь, когда определились дети, когда государство стало отмечать их, можно и помереть спокойно...

1

Когда поезд, разогнавшись на прямой, мчал под уклон, Евгений любил, опершись грудью о подлокотник, высухнуть в окно. В лицо бил упругий ветер, грохотала машина, стучали колеса, а он радовался, охваченный ощущением движения, скорости, порыва. Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят километров в час! На паровоз стремительно набегали деревья, дорожные знаки, километровые и пикетные столбики, тоненькими струнками впереди прорезали пространство сверкающие на солнце

стальные рельсы. Перед очередным поворотом рука сама тянулась к поводку свистка, и резкий порывистый свист, от которого на мгновение закладывало уши, уносился далеко вперед, оповещая все живое: идет поезд! идет поезд!

Еще Евгений любил ночное звездное небо. Если бы не следить за показаниями манометров, не регулировать постоянно скорость регулятором и реверсом, он с удовольствием подолгу наблюдал бы за золотой звездной россыпью, далекими мерцающими точками, настороженно следящими за рейсом машиниста.

Перед Пермью, когда поезд подходил к разъезду Пролетарскому, вдали вспыхивали более яркие звезды — огни большого города. Гирлянды электрических ламп бежали пунктиром по остову моста через Каму, призывно светились на высоком левом берегу реки. В Перми обратное депо для верещагинских машинистов, короткий отдых бригаде.

...Стоял тихий август 1958 года. Евгений, младший среди братьев Каменских, уже седьмой год работал машинистом паровоза. В сорок пятом он окончил Верещагинское железнодорожное училище, сдал на помощника машиниста, но на паровоз его не допустили: по инструкции помощник машиниста должен быть не моложе семнадцати лет. Ох уж эти инструкции! Евгений ходил к начальнику депо, доказывал, что иного восемнадцатилетнего помощника он за пояс заткнет, но начальник депо был непреклонен.

Тогда Евгений стал работать слесарем. И казалось, что до старших братьев, которые давно машинистами стали, ему так же далеко, как до мерцающей в ночном небе звезды. О старших братьях писали в газетах, их портреты вывешивали на Доску почета, а он когда еще станет машинистом да сумеет ли перекрыть достижения знаменитых братьев, их рекорды!..

Слесарил Евгений два с половиной года. Потом поехал кочегаром с Алексеем. Месяц — срок небольшой, но за это время Евгений многому научился у старшего брата. Прежде всего — выдержке и хладнокровию.

Однажды в Сегедуре их паровоз направили на боковой путь, а он оказался занятым. Другой машинист, менее опытный, мог растеряться. Алексей, казалось, даже виду не подал. Помощник с Евгением застыли в недоумении, Алексей же в доли секунды включил экстренное торможение. Эти-то доли секунды и предотвратили беду — потерявший скорость остановившийся паровоз и стоящий на пути состав разделяло всего несколько метров.

А сколько подобных случаев было у Алексея!

26 февраля 1951 года из управления Пермской железной дороги на имя Алексея пришла телеграмма:

«Поздравляем вас и вашу семью с награждением вас за безупречную и долголетнюю работу на железнодорожном транспорте высокой правительственной наградой — орденом Ленина. Выражаем уверенность, что в ответ на заботу партии и правительства вы, машинист-инструктор, будете и впредь бороться за дальнейшее укрепление трудовой и государственной дисциплины... Сплачивая и организуя коллектив, вы, без сомнения, будете ратовать за лунинское содержание паровозов, образцовое выполнение графика движения поездов, увеличение межподъемного пробега паровозов, экономии средств и топлива, добьетесь еще более высоких показателей в работе...»

Евгений несколько раз перечитывал выписку из Указа Президиума Верховного Совета СССР, любовался массивным, сверкающим свежей эмалью орденом с профилем Ленина. На оборотной стороне ордена были выбиты цифры: 151073.

— Тяжелый! — восхищенно говорил Евгений брату.

В 1952 году Алексею как одному из лучших машинистов депо доверили водить пассажирские поезда...

Два года проездил Евгений помощником машиниста. В основном — на комсомольском паровозе Николая. То были не столько годы работы, сколько годы учебы. Движение пятисотников, необыкновенные рекорды Николая — Евгений был и свидетелем, и участником этих незабываемых событий.

Нередко, по предложению Николая, они менялись в будке местами. Устраиваясь на сиденье машиниста, Евгений поначалу волновался. Потом волнение проходило, и, правда, слушая подсказки брата, он вел поезд уверенно. Николай научил его топить топку — так, чтобы всегда поддерживать нужное давление пара, чтобы за каждый рейс добиваться экономии угля. Научил на слух определять действие рабочих механизмов паровоза, быстро и надежно проводить профилактический осмотр, а главное — научил любить машину, отдавать ей всего себя без остатка.

Евгений зарекомендовал себя прилежным учеником на курсах машинистов и закончил курсы с хорошими и отличными оценками по всем предметам. В семье Каменских появился четвертый машинист.

Намеревался вернуться на паровоз и Владимир. В сорок седьмом году он занимал в депо должность инженера по теплотехнике, затем стал приемщиком паровозов, а в пятьдесят втором году избрали его председателем деповского комитета профсоюза.

— Ну, теперь каждый год на курорты станем ездить! — шутил Алексей.

Но на курорты ездить братьям не довелось — не до отдыха было. Летом пятьдесят второго года Алексею, Герману и Николаю предложили купить домики в новом районе города — юго-западном. Николай усадил

братьев в недавно купленную «победу» и повез смотреть домики.

Только что выстроенные одноэтажные коттеджи уютно выглядели на голом пустыре, но рядом были тенистый парк и большой пруд, свежий ветер доносил запахи хвои из недалекого леса, и братья решили, что если высадить на улице деревья, а на приусадебном участке кусты и цветы, то будут они жить не хуже, чем на каком-нибудь южном курорте.

Домики стояли немало. Каменских сделали скидку — ровно наполовину, да еще разрешили выплачивать сумму в рассрочку. Выбрали братья для себя три домика на углу квартала, треугольником. Бросили жребий: Николаю достался угловой дом, Алексею — слева, по улице Куйбышева, Герману — с другого края, в проулке. Осенью переехали и первым делом устроили калитки, чтоб друг к другу ходить было ближе, не со стороны улицы. Затем начали переоборудовать жилища по своему вкусу: сложили русские печи, решили провести водопровод и паровое отопление...

В августе пятьдесят четвертого почта доставила в Верещагино свежие номера всеми любимого журнала «Огонек». Развернули железнодорожники пахнувший типографской краской журнал и ахнули: «Смотрите-ка, Каменских пропечатали!»

На одном из снимков фотоочерка — пять братьев, все в железнодорожной форме, при наградах, беседуют на ходу; на другом — последние приготовления перед выездом за город.

Рассказав читателям о Михаиле Степановиче, о каждом из братьев, корреспондент журнала упомянул и совсем юных Каменских: «Сын Владимира, Игорь, закончив семилетку, поступил в железнодорожное училище и скоро будет помощником машиниста. Сыновья Германа, Коля и Владик, — еще пионеры...»

О Николае сообщалось, что он был участником XI съезда профсоюзов СССР, Всесоюзного совещания актива работников железнодорожного транспорта в Кремле. Про Евгения было сказано лишь, что теперь он водит знаменитый в Верещагино комсомольский паровоз.

И правильно. О чем еще писать, если он зеленый по сравнению со старшими братьями, которым посчастливилось родиться раньше и работать в бурные годы, когда легко добивались рекордов и громких побед. Так рассуждал Евгений и тогда, вчитываясь в журнальные строки, и сейчас, в августе пятьдесят восьмого. Только теперь, сам наездившись машинистом, он сознавал, что легких рекордов быть не могло.

Нет, его не мучила зависть, он гордился братьями; но очень хотелось ему отличиться — не для людей, не для статьи в газете или журнале, а для себя и для братьев, которые могли бы сказать с восхищением: «Младшой-то не отстают от нас!»

Наконец Евгений перечеркнул мысленно и последний довод, благодаря которому, как казалось ему раньше, выдвинулись братья, — довод, связанный с необыкновенным временем. Тридцатые годы и первые тяжеловесы, послевоенные годы и движение пятисотников, — конечно, это были годы во многом необыкновенные для работников железнодорожного транспорта. А разве сейчас, во время всенародного движения за коммунистический труд, нет возможности показать, на что ты способен?

Возвращаясь из поездки, Евгений часто заходил в профсоюзный комитет к Владимиру. Стол брата всегда был завален бумагами — в депо не одна сотня членов профсоюза, но, увидев Евгения, Владимир откладывал бумаги в сторону, доставал из портсигара толстую «беломорину», спрашивая: «Как успехи?»

Как-то зашел у них разговор о новом движении за коммунистический труд. Евгений спросил брата: почему и первые субботники и это движение возникли по почину московских железнодорожников? Не металлургов, не машиностроителей, не пекарей, а железнодорожников. Владимир глубоко затаился, задумался.

— Потому, возможно, что железнодорожники — передовой отряд рабочего класса нашей страны. А почему передовой, ты и сам знаешь — они перевозят грузы, продукт труда миллионов людей. Железнодорожники не имеют права работать плохо — иначе не будут выполняться государственные планы. И трудятся на железной дороге лучшие из лучших рабочих, высокосоциальные... Не очень казенным языком я говорю?

— Не очень, вполне понятно! — смеялся Евгений.

Недавно он прочитал в журнале «Америка» очерк о машинисте тепловоза, работающем в штате Иллинойс. Автор очерка взалхлеб расхваливал житье-бытье американского машиниста. Имеет он собственный дом с верандой, собственный автомобиль (приводились технические данные автомобиля), вечерами копается в собственном саду. Слово «собственный» повторялось в очерке раз пятнадцать. Скупно было сказано о работе машиниста. Читатель должен был понять, что машинист не обязан проводить уход за машиной — для этого есть рабочие низкой квалификации. Машинист даже не разговаривает с ними.

«Вот такие машинисты были и в Верещагино до революции, — думал Евгений. — Отец рассказывал... «Кучерами» их звали. И этот американский машинист — никакой не рабочий, а черт те что и сбоку бантик...»

А интересы у американца какие? Гольф, конные скачки и карты. Конечно, ни в каких общественных мероприятиях он не участвует, живет в своей двухэтажной скорлупе, и до рабочего движения ему дела нет.

Евгений сравнивал себя и своих братьев с журналь-

ным машинистом. В их домах не так густо всякой домашней утвари, но есть самое необходимое — неплохие домашние библиотеки с новинками художественной литературы и учебниками, хорошая мебель, радиоприемники (скоро будут телевизоры). У него и Николая — свои автомашины, у всех есть приусадебные участки. Но дело даже не в этом, разве личная собственность — главное в жизни? Духовный мир, круг интересов — вот где американец проигрывает по всем статьям!

Владимир возглавляет рабочий профсоюз, Николай — депутат областного Совета двух созывов, Алексей, Герман, да и все они немало времени отдают общественной работе. А интересы? Все много читают, отлично играют в шахматы, физкультурники...

Однажды братья сами провели электрическое освещение городского площадке, чтобы соревноваться вечерами. Николая упростили даже выступить за сборную города в областных соревнованиях. А совсем недавно верещагинская футбольная команда «Локомотив» вызвала на товарищеский матч ветеранов — тех, кто прежде играл в футбол. Собралось на стадионе много народу, играл оркестр, командам преподнесли огромные букеты живых цветов. В заявке ветеранов значились Валентин Сысоев, Афанасий Ларионов, Валентин Деменив — всем уже за тридцать — и... пять братьев Каменских, старшему из которых, Алексею, шел пятьдесят четвертый год. Правда, его так и поддерживали в запасе, а вот Герман и Николай играли здорово...

Накануне Дня железнодорожника подводили итоги соревнования машинистов депо. Как одного из лучших, отметили и его, Евгения, среди машинистов, известных всей дороге, таких, как Григорий Завьялов, Николай Каменских, Лев Новоселов, Николай Пискунов, Александр Верховцев, Иван Вахрамеев... Верещагинская

районная газета писала: «За семь месяцев года бригада, руководимая старшим машинистом Е. Каменских, провела 57 тяжеловесных поездов, в которых перевезла сверх плана 25579 тонн народнохозяйственных грузов». Показатели хорошие, но не лучшие в депо. Значит, осенью надо поднажать.

Поднажать... Но как быть с учебой?

Недавно вызвал его начальник депо. Говорит: «Намечаем вас и еще нескольких машинистов послать в Свердловск, на курсы...» Евгений знал, что после окончания курсов повышения квалификации, как именовали их официально, слушателям присваивается разряд машиниста второго класса. Но, допустим, уедет он учиться, бригаде дадут нового старшего, выполнит ли она обязательства? Поэтому он и сказал сразу же начальнику депо: «Мы же за звание бригады коммунистического труда боремся! Обязательства высокие приняли...» Начальник депо ответил: «Знаю. Вот и решайте, как быть...»

Ничего себе загадка! Подучиться, конечно, надо бы. Закончил он семь классов, железнодорожное училище. Прежде таких знаний машинисту вполне хватило бы. Теперь время иное, все учатся, в особенности молодежь. Сын Николая в институт собирается, старшая дочь Алексея уже закончила институт.

Сам он много занимался самостоятельно, но после женитьбы забот прибавилось, на занятия времени оставалось все меньше. А на курсах, помимо специальных дисциплин, преподают физику, математику, литературу. Осваивать эти науки сейчас, когда тебе под тридцать, не больно просто, но необходимо: старые машинисты, давно забросившие учебники, уже сейчас маются — трудно им с новой техникой, а что будет через несколько лет?

А смешно было бы: сын, Славка, первого сентября

впервые в школу пойдет, и отец тоже на учебу, на курсы отправляется...

Говорил об этом с женой. Валентина Тимофеевна, тоже железнодорожница, дочь известного машиниста Калинина, хорошо понимала, что учеба для мужа — не пустая трата времени, поэтому сказала прямо: «Поезжай, за ребятами я догляжу».

Но уехать — значит, оставить бригаду. А сколько они спорили перед тем, как составить обязательства! Учиться работать и жить по-коммунистически! — в этом призыве московских железнодорожников было сконцентрировано желание миллионов советских людей сделать сегодня больше, чем вчера, учиться жить интересной, полнокровной жизнью.

Понятно, за один год бригаде не присвоят почетное звание — и обязательства рассчитаны на длительный срок. Вернется он с курсов, могут дать другой паровоз, придется начинать все сначала. Другие машинисты опережат его...

Так и не решив, что предпринять — ехать в Свердловск или оставаться в Верещагино, — Евгений пришел посоветоваться к Владимиру: скоро предстояло дать ответ начальнику депо. Владимир, слушая младшего брата, неизвестно чему улыбался. Загасив папиросу, спросил, однако, серьезно:

— Ну, вот так давай, напрямую: самому-то тебе чего хочется?

Евгений вздохнул:

— Разделиться на две равные половины...

— А может, на три части? Третья часть поехала бы на курорт отдыхать... Катись-ка в Свердловск и не морочь мне голову!

— Николай тоже ведь не поехал на учебу!.. — возразил Евгений.

— Когда это было, помнишь? В пятидесятом. Его избрали депутатом областного Совета и вскоре предложили учиться. Но, заметь: не на машиниста высокого класса. Говорили: инженером станешь или начальником депо. И я хорошо понимаю Николая. Очень это не просто — устранишься на два года от выполнения депутатских обязанностей и оставишь, ты понимаешь, — Владимир вытянул указательный палец, — навсегда оставишь паровоз, в который он влюблен по уши!

— Так оно, пожалуй. Но я-то... Я-то ведь и без второго класса пока могу отлично ездить.

— Пока! — передразнил Владимир. — Ты посмотри, что вокруг делается! Ликвидирована желовая система, станции получили автоматическую блокировку, построена первая электрифицированная линия Кизел — Левшино... Наше депо уже реконструируется, на сотни километров потянутся линии контактной сети... Те, кто сейчас не будет учиться, останутся на маневровых паровозах. Хотел бы на них работать? То-то! А машинисты, которые к знаниям тянутся, получают новые электропоезда. Мы живем в век техники, современный рабочий должен иметь квалификацию техника, инженера, иначе он на канаве будет шлындаться...

— Слушай! — остановил брата Евгений. — Хватит читать мне политграмоту! Сам я разве не знаю?.. Другое скажи. Ты вот соревнованием как профсоюз занимаешься... Пока я сдаю на второй класс, меня другие машинисты обгонят. И не видать моей бригаде ни звания комтруда, ни рекорда по «двойникам»...

Владимир снова закурил.

— Правильно, Женя. Профсоюз занимается соревнованием. Знаю: у тебя хорошие показатели. Может, ты хочешь, чтобы я посоветовал тебе остаться сейчас на паровозе, добиться новых рекордов, а потом, по-родственному, представил бы тебя к ордену?

— Ну, знаешь! — взорвался Евгений. — Причем тут родство? Ничего, вижу, ты не понял.

— погоди, не кипятись. Я все понимаю: слава Алексея и Николая тебе покоя не дает. Давай-ка разберемся. В данном случае стране нашей, людям что важнее? Или им позарез еще один орденосец нужен, или машинист высокой квалификации? Молчишь? Получишь знания, и перед тобой все семафоры будут открыты. Ставь рекорды, милости просим!..

— Читал я где-то, — вспомнил Евгений. — У каждого человека — спортсмена, ученого, изобретателя — есть в жизни такой период, когда он полностью выкладывает, добивается наивысшего достижения. Кажется, «пиком формы» этот период называют... А уж потом, после этого «пика», у человека все на убыль идет. Вроде бы и голова у него та же, и руки ему никто не подменил, а поди ж ты — прошел свой «пик».

— А ты боишься, что он и у тебя незаметно пройдет? — рассмеялся Владимир. — Станешь классным машинистом, сколько учеников обучишь, воспитаешь! Вот твои «пикеры» — настоящие, «козырные»!

После разговора с Владимиром Евгений решил пройти на улицу Куйбышева. Но братьев не застал: Алексей был в поездке, Герман только что вернулся из поездки и лег спать, а Николай уехал в Пермь на совещание. И Евгений подумал: «Ну что ж, будем учиться!»

Так уж бывает в жизни: добился человек высоких результатов в работе — ему оказывают и почести, и доверие. Николая избрали членом дорожного комитета профсоюза, членом Верещагинского райкома партии, депутатом областного Совета. Он пробовал возражать: «Помилуйте, товарищи, я же машинист, а не общественный деятель! Столько нагрузок, как же я буду справляться

с основной работой?» Его уговаривали, разъясняли его новые обязанности, обещали помочь.

Особенно много забот доставляли Николаю депутатские обязанности. У него не было служебного кабинета, и люди шли на дом. Бывало, вернется из поездки уставший, глаза слипаются, а его поджидают посетители. Одни просят похлопотать о начислении пенсии, другие — посодействовать в решении квартирного вопроса, третьи требуют земельных участков. Он делал записи в депутатской тетради о каждом визите своих избирателей, оставляя свободной правую страницу для пометок, — что сделано.

Раньше он, никогда прежде сам к депутату не обращавшийся, не подозревал даже, насколько хлопотливы обязанности депутата.

Приходилось решать и другие серьезные вопросы: о благоустройстве города — озеленении улиц, прокладке водопровода. Шел в райисполком, райком партии, райком комсомола. Постепенно освоился и уже не просил, а требовал от иных руководителей выделить средства на ремонт жилья, производственных помещений, дорог, открыть детские ясли...

Секретарь райкома партии Василий Иванович Мальгин прохаживался, прихрамывая, по своему кабинету, говорил удовлетворенно:

— Круто действуешь, Николай Михайлович! Так и надо! Будешь в Перми, на сессии, не отмалчивайся, проси денег. Город молодой, промышленных предприятий — раз, два — и обчелся. А как бы хотелось, чтобы был город зеленый, чистый, культурный!..

Преобразился город в пятидесятые годы. На 172 километра протянулись его улицы, одетые в зеленый наряд. Появились новые жилые дома, административные здания, кинотеатры, детские дошкольные учреждения,

магазины. На крышах домов выросли телевизионные антенны.

Город менял свое лицо на глазах Николая. И если прежде, увлеченный работой, он не обращал внимания на покосившиеся домики и неприбранные улицы, то сейчас любые неполадки в облике родного города вызывали у него чувство беспокойства, острую тревогу.

...Николай присутствовал на всех заседаниях, проводимых руководителями депо при подведении итогов социалистического соревнования паровозных бригад. Радовался успехам молодых машинистов, многие из которых раньше ездили вместе с ним кочегарами, помощниками.

1958—1959 годы стали для верещагинских машинистов периодом массового движения за перевыполнение установленных норм и заданий. Первым отличился старший машинист комсомольского паровоза Лев Новоселов. Он провел грузовой поезд весом 4800 тонн. Вскоре другой машинист — Иван Чеборако — взял в Перми состав весом 5000 тонн (на 1,4 тысячи тонн больше двойной нормы) и успешно привел его в Верещагино. Более сотни составов, превышающих грузовую норму, провел в 1958 году Иван Вахрамеев.

В 1959 году звание бригады коммунистического труда первой в депо было присвоено бригаде машиниста Александра Попова. Старший машинист Григорий Григорьевич Завьялов за три года сэкономил 414 тонн топлива, добившись рекордного показателя для всех дорог Урала. Указом Президиума Верховного Совета СССР Григорию Григорьевичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Министерство путей сообщения рассмотрело показатели работы и других верещагинских машинистов. Снова радостная весть пришла в семью Каменских. В телеграмме за подписью министра путей сообщения Бещева

говорилось: «За высокие производственные показатели старшего машиниста Верещагинского депо Евгения Михайловича Каменских награждаю именными золотыми часами».

Собрались братья в доме Николая, зачитали депешу из Москвы. Владимир сказал удивленно:

— Именные. От самого министра! На всю жизнь память...

— Да, но студент наш ничего и не знает, заучился в Свердловске, — заметил Герман. — Надо телеграмму послать!

Алексей Михайлович недавно получил назначение работать на паровозе-толкаче в Бородулино, поэтому возвращался поздно.

Вернувшись под вечер и увидев возбужденных братьев, Алексей Михайлович пошутил по обыкновению:

— Чего это вы собрались? Именины мои не скоро еще...

— Какие именины? — гаркнул Герман. — Женьку министр золотыми часами наградил!

Пробежал Алексей Михайлович бумагу министерскую, хмыкнул, совсем как покойный Михаил Степанович:

— Младшой-то браток у нас, а? Ну и молодчина!

Все вместе, призвав на помощь Елену Константиновну и Екатерину Демидовну, принялись сочинять Евгению поздравительную телеграмму. Вышла она длинная, но, как показалось Алексею Михайловичу, не очень веселая, и он от себя лично составил вторую, дополнительную: «Ты Евгений, но не гений. Ты наградой не гордись, а учись, учись, учись».

Алексей Михайлович ждал пенсии. Ждал без особой радости, понимая, что это неизбежно, — в будущем году стукнет пятьдесят пять, и скажут ему: «Ну, отработал

свое, хорошо отработал, пора на отдых». И непременно добавят: «На заслуженный!» А какой еще может быть отдых, как не заслуженный, если он, как и многие его сверстники, отработал больше тридцати лет на паровозе? А вот что он станет делать, выйдя на пенсию? Будущее рисовалось, как в густом тумане...

Недавно случайно встретил старого знакомого — машиниста Бурдина Николая Саввича. Тот приехал в Верещагино по каким-то своим делам. Раньше работали они вместе, а теперь Бурдин жил в Перми. Разговорились, вспомнили прошлое. И сейчас только, на досуге, выяснили, что отцы их — Михаил Степанович и Савва Семенович — летом девятнадцатого года вместе возвращались в Верещагино пешком из Вятки...

— Вижу, и тебя отметили! — сказал Алексей Михайлович, кивнув на знак почетного железнодорожника, закреплённый на форменном кителе Бурдина.

— Чего уж там, вот ты многих перещеголял! — заметил Бурдин.

— Свое отработал... — вздохнул Алексей Михайлович. — Приглашаю зимой на пенсионные проводы.

— Какой из тебя пенсионер? — улыбнулся Бурдин. — Слышал, ты по-прежнему в драмкружке выступаешь!

— А кого играю-то? Стариков, пенсионеров, инвалидов. Говорят, здорово в эти роли вжился...

В феврале шестидесятого провожали Алексея Михайловича на пенсию. Сам виновник торжества выпил две рюмки, от третьей наотрез отказался, угощал и развлекал гостей, был при этом нестоющим на выдумки. Гости хохотали, слушая, как Алексей Михайлович разыгрывает сцену из «Ревизора» в трех лицах, как декламирует озорные стихи.

Когда гости ушли, утомившись, Алексей Михайлович подсел к Николаю, и все его наигранное веселье как рукой сняло.

— Вот и все! — проговорил он задумчиво. — Прощай, паровоз, мой надежный товарищ... Скоро появятся электровозы, а паровозы пойдут на переплавку. А я и для переплавки, выходит, непригоден. Молодежь идет нам, старикам, на смену...

— Да, я вот тоже часто думаю о нашей смене, — поддержал брата Николай. — Будем надеяться, дети продолжат наш путь, станут железнодорожниками...

— А что, так оно и будет! — убежденно сказал Алексей Михайлович. — Твой сын, можно сказать, уже определившийся железнодорожник, два сына у Евгения, сыновья у Владимира, Германа, да у меня внук Сашка растет... Если не все, то большинство машинистами станут. Выходит, крепкие корни мы в землю пустили...

К братьям подошел Борис, приехавший в Верещагино в отпуск.

— Так и знал — опять о своих паровозах речи ведут!

Алексей Михайлович рассмеялся:

— Не можем наговориться! Эх, Боря-Боренька. Идет тебе военная форма, но еще больше пошла бы железнодорожная...

Но были в семье Каменских и длинные тяжкие дни. Осенью шестьдесят второго погиб Герман. Погиб нелепо, накануне своего дня рождения. Помогал рабочим прокладывать водопровод. Спешили. Провозились до темноты. Чтобы осветить канаву, Герман принес лампу-переноску и наступил на оголенный шнур...

А время брало свое. Ушли на покой чумазые работы-паровозы. На Верещагинский участок пригнали электровозы, сверкающие свежей краской. Николай, а вслед за ним и Евгений снова уехали учиться. На машинистов электровозов.

Шестидесятые годы были для пермских железнодорожников годами освоения новой техники. Как облегчил-

ся труд локомотивных бригад! Вместо прокопченной паровозной будки — чистота и уют кабины электровоза. Не надо перелопачивать уголь, не надо запасаться водой — электровоз посылает вперед электрическая энергия. 90—100 километров в час — с такой скоростью не мчался самый мощный паровоз.

2

— Дядя Коля, ваша собака залаяла! — Тамара Алексеевна бросилась к дверям, но вскоре вернулась, обескураженная.

— Вся ты извелась, дочка! — укоризненно проговорил Алексей Михайлович.

— Столько не виделись! Ходила на станцию, солдаты из Сибири едут уже... Спрашивала про Сашу, говорят: «Не волнуйся, мамаша, скоро и твой воин вернется!»

— Может, телеграмму даст? — сказал Николай Михайлович.

— Не в его характере. Любит сюрпризы преподнести...

Тамара Алексеевна ушла на кухню помогать Елене Константиновне готовить ужин.

— Ты где сегодня полдня пропадал? — спросил Алексей Михайлович.

— Ходил на заседание партбюро, — Николай Михайлович отложил газету. — Рассматривали обязательства в честь пятидесятилетия образования СССР. Здорово готовятся железнодорожники к празднику!

Николай Михайлович несколько лет был членом партбюро Верещагинского подменного пункта локомотивных бригад, ответственным за работу с профсоюзным активом. А года за полтора до выхода на пенсию

избрали его председателем цехкома. «Закономерный рост!» — подытожил Алексей Михайлович.

Зимой семьдесят первого Николаю Михайловичу устроили торжественные проводы. В числе многочисленных гостей пришел поздравить товарища с пятидесятипятилетием машинист Григорий Григорьевич Завялов, Герой Социалистического Труда. Просмотрел поздравительные адреса, отобрал один, в нарядном замшевом переплете, сказал Николаю Михайловичу торжественно:

— Как тепло написали! Хорошая память будет!

В памятном адресе золотыми буквами было напечатано: «Дорогой Николай Михайлович! Ваш труд прекрасен. Мы гордимся и по-хорошему завидуем трудовой династии машинистов Каменских, слава о подвигах которых далеко шагнула за пределы Урала.

Зависть наша без корысти. Просто хочется больше видеть таких людей, учиться у них мудрой науке, имя которой — жизнь. Ваша трудовая биография, лауреата Государственной премии, биографии ваших братьев — пример для нас всех. Примите тепло наших сердец. Давайте попробуем не стареть. Не стареть!

Начальник Пермского локомотивного депо Брусницин.

Секретарь парткома Зайков.

Председатель МК Анкин.

Секретарь комитета ВЛКСМ Кудрявцев».

Выйдя на пенсию, занялся Николай Михайлович по примеру старшего брата домашними делами, садом-огородом. А на первом месте были, конечно, дела партийные. Члены бюро подменного пункта ценили его за принципиальность и взыскательность. К мнению опытного машиниста всегда прислушивались.

— Дядя Коля! — заглянула в комнату Тамара Алексеевна, — придет Саша, обязательно Эрику позвоните!

Тамара Алексеевна, старшая дочь Алексея Михайловича, работала преподавателем русского языка и литературы в одной из школ Верещагино. Со дня на день ждала сына из армии. В последнем письме он писал: «Скоро приеду...»

— Позвонить недолго, — ответил Николай Михайлович. — В выходной день может приехать...

Эрнст, названный так родителями в честь прославленного полярника Эрнста Кренкеля, или Эрик, как все звали его в семье, готовился к заключительному занятию в системе политического образования. В прошлом году дали ему партийное поручение — проводить занятия с машинистами и помощниками машинистов маневровых тепловозов. В группе оказалось более тридцати слушателей, и уже на первом занятии Эрнст убедился, что тепловозники хорошо разбираются в событиях международной жизни страны, имеют неплохую политическую подготовку. Прежде он никогда не был пропагандистом и, возвращаясь с первого занятия, призадумался.

Чтобы занятия проходили интересно, предстояло все время иметь под рукой неизвестный или малоизвестный слушателям материал. Дома он делал выписки из разных газет и журналов, ходил в деповский кабинет партпросвещения, библиотеку.

В целом учеба прошла неплохо. Теперь надо было провести заключительное занятие. Прежде чем подвести итоги учебного года, Эрнсту хотелось освежить в памяти слушателей основные положения XXIV съезда партии, связанные с развитием железнодорожного транспорта страны за годы девятой пятилетки. У него имелось несколько выписок на эту тему. На прошлом занятии попросили рассказать, в каком состоянии находится железнодорожный транспорт США. Он вспомнил: как-то Евгений Михайлович рассказывал о статье, напе-

чатанной в журнале «Америка». Но этого мало, конечно, нужны цифры...

Эрнст распечатал пачку «Шипки», закурил. Из окна комнаты открывался красивый вид на многоквартирные дома нового жилого массива, за которыми закатное солнце высвечивало кроны сосен в Балатовском лесу — городском парке культуры и отдыха. Раньше этот микрорайон пермяки называли «Светлушкой», размещались здесь избы-вековухи, а теперь в новые дома вселились железнодорожники. И Эрнст с Галей получили квартиру в доме по улице Вавилова, нижний этаж которого заняло кафе с ласковым названием «Рябинушка». А прежде жили в одной комнате в деревянном доме на улице Энгельса, а еще раньше, после того как поженились и окончили институт, — в общежитии железнодорожников...

Эрнст прошел во вторую комнату, принялся копаться в стопке журналов и газет. Вот! Статья заместителя министра путей сообщения СССР Муратова... Эрнст быстро вернулся к столу, пододвинул тетрадь, стал записывать:

«По сравнению с США каждый километр пути используется у нас в пять раз интенсивнее, вагоны оборачиваются втрое быстрее, а локомотивы в сутки преодолевают в среднем вдвое больший путь. Естественно, что и экономические результаты оказываются более высокими: фондоотдача на советских дорогах примерно в три раза выше, чем на американских, а себестоимость перевозок в три с лишним раза ниже».

Он вспомнил отца, его рекорды в годы начала движения «пятисотников». Ясно, рекорды отца, «пятисотников» других дорог страны многое дали для развития железнодорожного транспорта.

«Основным направлением в развитии советского железнодорожного транспорта на 1971—1975 годы явля-

ется увеличение пропускной и провозной способности. Сеть железных дорог пополнится в девятой пятилетке 5—6 тысячами новых линий, что в 1,6—1,9 раза больше, чем за предыдущие пять лет. В целом же грузооборот железнодорожного транспорта повысится на 22 процента и составит к концу 1975 года более трех триллионов тонно-километров...»

«Триллионов...» — эта цифра даже в голове плохо укладывалась. Эрнст дочитал статью до конца. Отличное будет сообщение.

Эрнст закончил верещагинскую среднюю школу в 1955 году. И, долго не раздумывая, подал заявление на геологический факультет Пермского государственного университета. Почему на геологический? Именно такой вопрос задал ему и отец. Эрнст отвечал с жаром:

— Я знаю, папа, ты хочешь, чтобы я стал машинистом... И я понимаю тебя. Во всех семьях так. Если мать — врач, то она непременно хочет сделать врачом свою дочь. А если у дочери способности к математике или, допустим, музыке?

— А что ты знаешь о профессии геолога? — резонно спросил Николай Михайлович.

— О! Это же сплошная романтика! Представь себе: ты лазаешь по горам с рюкзаком за плечами, под палящим солнцем, отыскиваешь редкий металл, ночуешь в палатке у костра, рядом — гитара...

— Романтично, ничего не скажешь...

— Вот, так и знал! Да у нас все ребята из класса решили стать геологами...

— То-то и плохо, что все!

Николай Михайлович задумался. Действительно, когда один ребенок в семье, родители дрожат над ним. То нельзя, да другое, делай так и только так... Может, предоставить сыну свободу — пусть выбирает профессию по душе? Станет геологом, заедят его комары, оду-

мается? На паровоз никогда не поздно прийти. Ведь поступают же на курсы помощников и в двадцать пять, и в тридцать лет... А может, это он виноват, что не привил сыну любовь к паровозу? Одно дело — пример и совсем другое — интерес...

Первый экзамен — сочинение по литературе — Эрнст сдал на четверку. За эти дни пригляделся к другим абитуриентам. Конкурс на геофак был очень серьезным. Среди поступающих — рабочие с производственным стажем, демобилизованные солдаты, медалисты, а иные сдавали по второму и даже третьему разу. Ребята поговаривали: «Для школяров — гиблое дело, зарубят!» Наслушался Эрнст всяких разговоров и... забрал документы. Приехал в Верещагино, мать — в слезы, а отец выкатил из гаража «победу», усадил непутевого сына на заднее сиденье — и в Пермь.

Председатель экзаменационной комиссии университета выслушал Николая Михайловича внимательно, ответил вежливо:

— К большому сожалению, сейчас уже ничего сделать не сможем. Видимо, не полюбил ваш сын профессию геолога, коль так скоро испугался трудностей...

Обратно ехали на малой скорости. Молчали. А в голове Эрнста, как назло, звенели песни про геологов...

Поступил с друзьями, тоже не сдавшими в вуз, в Верещагинское железнодорожное училище. Это были первые десятиклассники в училище — сюда принимали с семью классами. Им сказали: «Хоть вы и закончили десятилетку, учиться придется, как и всем, два года. В отношении вас никаких инструкций не имеем».

Выпускников училища направили на паровозы кочегарами. Эрнст попросился к отцу. Николай Михайлович как-то странно улыбнулся.

— Что ж, поедем. Только о родственных связях забудь — поблажек не будет!

Он возвращался из поездки на дрожащих ногах — поблажек со стороны отца и вправду не было, — засыпал мгновенно.

Через два месяца поехал помощником на ФД машиниста Масленникова, а осенью пятьдесят восьмого был призван в армию. Попал на дальневосточную границу, где служить полагалось долгих четыре года. Эрнст прикидывал: «Вернусь домой, а сверстники уже закончили институты...»

Институты... В свободное время (а много ли его у солдата?) штудировал учебники за десятый класс. Была организована специальная учебная группа для солдат, желающих поступить в вузы, а потом объявили: срок службы сокращается на один год. Осенью шестьдесят первого он уже получил студенческий билет, в котором значилось: «Эрнст Николаевич Каменских, студент первого курса Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта».

Вместо пяти учиться пришлось шесть лет: выступая за футбольную команду своего факультета, сломал ногу. Кость долго не срасталась — чуть не полгода пролежал в гипсе. А перед защитой диплома сыграли с Галей, тоже выпускницей института, негромкую студенческую свадьбу.

Эрнст Каменских, бывший помощник машиниста паровоза, бывший солдат, стал инженером по эксплуатации Пермского локомотивного депо.

Добился ли он того, чего хотел, получив высшее образование? Конечно. По крайней мере, так казалось ему на первых порах. Человек, занимающий должность инженера по эксплуатации, должен не только досконально знать правила техники безопасности, но и электровоз со всеми его премудростями. Работа одновременно была для Эрнста и учебой.

Но в последнее время все чаще в голову лезли назойливые мысли. Будто кто-то подтрунивал над ним: «Сидишь в конторе, бумажки перебираешь, не утомился ли?» Он защищался: «Но я три раза в месяц выезжаю с бригадами для проверки. Так положено...» И тут же слышалось: «Три раза — как это много! А другие через день ездят, и не пассажирами...»

...Эрнст хорошо провел заключительное занятие. Вдохнул облегченно — ну, теперь каникулы до осени. Сел составлять справки о завершенной учебе, потом сыграл несколько партий в шахматы с машинистами. Домой отправился уже под вечер. На перекидном мосту его догнал Слава — сын Евгения Михайловича — в белой рубашке с загнутыми рукавами, в старательно отутюженных брюках.

«Вот какими возвращаются теперь из поездки помощники! — отметил про себя Эрнст. — Не то, что прежде, на паровозе...»

— Из поездки?

— Да, «Каму» привели! — весело ответил Слава. — Десять минут сегодня нагнали...

— По лестнице бойко бежишь, не устал?

— Нет! — рассмеялся Слава. — Привык уже...

В последний раз они виделись совсем недавно — в середине мая Слава пригласил Эрнста на свою свадьбу. Тогда поговорить толком не довелось, да и сейчас — они уже спустились с перекидного моста — надо было расставаться. Погруженный в свои мысли, Эрнст свернул налево, чтобы выйти на улицу Энгельса, а Слава быстро зашагал направо — к себе, на Водопроводную.

По примеру отца и дядей Слава еще мальчишкой увлекся футболом. Рассматривая пожелтевшие семейные фотографии, на которых братья Каменских были запечатлены в составе футбольной команды, Слава ахал: «Ну и форма! Трусы-то — ниже колен!»

В шестьдесят девятом «Локомотив», за который Слава выступал, вышел в финал кубка Перми. Всем игрокам присвоили первый спортивный разряд. Осенью его призвали в армию. Ну, думал Слава, в армии с первым разрядом он себя покажет. Но в части подобralись ребята хоть куда, гораздо более опытные футболисты, чем он, — из Грузии, Армении, Татарии. Был даже чемпион мира среди юниоров, правда, по хоккею с мячом. Сборная воинской части играла здорово, завоевала звание чемпиона республики, в которой размещалась.

Вернулся Слава из армии, посмотрели его старые друзья из «Локомотива», как он теперь играть стал, советовали:

— «Звезда» в высшую лигу вышла, молодежь в дубль набирают, иди, покажись, тебя возьмут. По всей стране станешь ездить!

— Нет, — ответил Слава, — если и буду, то на электровозе, в будке машиниста.

Учился Слава в железнодорожной общеобразовательной политехнической школе № 29. Ребята проходили практику в аппаратном цехе депо, и вместе с аттестатом зрелости Славе вручили удостоверение, в котором было указано, что он овладел специальностью слесаря второго разряда. Уже в ту пору он не раздумывал над выбором жизненного пути, твердо решив получить со временем права управления электровозом.

Пока не исполнилось восемнадцати, работал слесарем, потом пошел на курсы помощников машиниста. После окончания курсов ему устроил экзамен... отец.

— Ну, поглядим, чему там вас обучили... — медленно говорил Евгений Михайлович, раздумывая, какой вопрос задать сыну. — Скажи-ка, что такое рекуперация?

Евгений Михайлович уже шесть лет работал машинистом электровоза. Когда Верещагинское паровозное

депо расформировали, он, как и многие другие верещагинские машинисты, перебрался в Пермь. Купил дом в железнодорожном поселке на улице Водопроводной, на шумном тракте, по которому днем и ночью мчались автомашины, но зато с приусадебным участком, по соседству с лесом. Сыновей своих, Славу и Вову, помаленечку, потихонечку знакомил с устройством электровоза, рассказывал им разные истории из жизни машинистов. И несказанно рад был, когда Слава записался на курсы помощников.

— Рекуперация? — повторил Слава. — Это мы знаем! Это электрическое торможение... Нам объясняли: тяговые двигатели электровоза могут работать генераторами, при этом механическая сила движения колес превращается в электрическую.

— Та-ак... — удовлетворенно протянул отец. — А первую ходовую позицию знаешь?

Слава подумал, начал отвечать. Евгений Михайлович корректировал ответы, дополнял, называя разные контакторы, провода и блокировки.

— Ладно, а сейчас я тебя посажу! Какова у нас ширина железнодорожной колеи?

Слава смутился, но быстро нашелся:

— Честно говоря, не мерял!

— Ну, конечно, до того ли было на курсах! Можно не мерять, а знать надо. Тысяча пятьсот двадцать четыре миллиметра, или шестьдесят дюймов — по-старому.

В комнату вошла Валентина Тимофеевна.

— Хватит тебе, Женя. Замаял сына. Пусть отдохнет перед первой поездкой. Идите на кухню — блинчиков вам испекла...

— Блинчики подождут. Хуже будет, если у Славы первый блин комом окажется... Скажи-ка, помощник, какая марка твоего электровоза?

— Да это и Вовка знает — ВЛ-22м!

— А почему ВЛ?

— Это значит Владимир Ленин, в честь Владимира Ильича Ленина.

Евгений Михайлович подошел к книжной полке, достал какую-то книгу, полистал.

— Рассказывали вам, конечно, о плане ГОЭЛРО? Так вот, еще в те далекие годы Владимир Ильич поставил задачу электрифицировать страну и считал электрификацию ведущим звеном реконструкции железнодорожного транспорта. Но за рубежом не верили в свершение этих грандиозных планов. Английский писатель Герберт Уэллс писал, что Ленин, слушай внимательно, «впал в утопию, утопию электрификации... В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог...»

Евгений Михайлович посмотрел на сына.

— Помнишь, я рассказывал, как дед твой, Михаил Степанович, возвращался в Верещагино пешком из Вятки? — Слава кивнул. Евгений Михайлович продолжал: — Так... «вместо разрушенных железных дорог появятся новые, электрифицированные, он видит, как... поднимается обновленная и счастливая, индустриализованная коммунистическая держава». Вот... Понял, почему на электровозе буквы «ВЛ»? А теперь нам и волшебное зеркало не нужно. Это зеркало — наша жизнь...

— Блины стынут! — послышался из кухни голос матери.

— Ну, пойдем! — сказал Евгений Михайлович. — Главное — следите за действиями машиниста, учись. Обращай внимание на дорожные знаки. Есть такой знак — кривая малого радиуса. А в жизни машиниста могут быть и крутые повороты, когда иной человек может с пути сбиться. Иди, сын, прямой дорогой!

Около пяти месяцев, до призыва в армию, Слава ездил помощником машиниста. Юрий Федорович Вертышев, машинист опытный, быстро определил: парень способный, исполнительный, а потому прощался с ним неохотно. Сказал:

— Вернешься из армии, просись обратно ко мне...

Слава пообещал, но слово не сдержал. Отслужив положенные два года, сразу не стал подавать заявление о приеме в депо — ходил на курсы помощников вольнослушателем. Надо было вспомнить забытое, да и приказов, инструкций новых немало появилось. Тут-то и возникло желание попроситься на пассажирский электровоз. Водить пассажирские интереснее, веселее. Летит скорый пассажирский, как стрела, — 100 километров в час. От Перми до Балезино — всего 3 часа 19 минут, а грузовой тащится 10—15 часов! Конечно, ответственности больше — бригада людей везет. Но что ж из того? Бояться ответственности — не в характере машинистов Каменских.

И он добился своего — стал помощником машиниста пассажирского электровоза ЧС-2. В свободное время, зимними вечерами, сидел за учебниками — стал готовиться к поступлению на вечернее отделение института, того самого, который закончил Эрнст. Но в мае учебники пришлось отложить — он пригласил друзей и родственников на свадьбу с Олей, лаборанткой и заочницей все того же института.

Евгений Михайлович радостно встретил трех братьев, приехавших из Верещагино, сообщил с сожалением, что не сумеет приехать Сося — Софья Михайловна: прислала телеграмму, поздравила молодых. Софья Михайловна по-прежнему жила и работала в Кизеле, городе горняков. От братьев не отстала: в 1966 году она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

От Алексея Михайловича не отходила молодежь. Видно, очень смешные истории он рассказывал, потому что ребята, друзья жениха, давились со смеху. И уже потом, когда сидели за столом, уставленным тарелками, бутылками, фужерами, он нет-нет да и вставлял словечко-другое, после чего новый взрыв смеха сотрясал стены дома.

Провозгласили тосты за счастье жениха и невесты, за здоровье родителей, за развитие железнодорожного транспорта. Молодежь принялась петь песни. Какая свадьба обходится без песен? Спели одну песню, другую. Потом завел кто-то сильным голосом:

По проселочной дороге шел я молча...

И все дружно подхватили припев:

А это свадьба, свадьба, свадьба
Пела и плясала,
И крылья эту свадьбу вдаль несли...

Возле дома останавливались редкие прохожие, слушали — как славно поют! Сильный голос овладел хором, тянул медленно:

Был жених красивый очень...

Все посмотрели на зардевшегося Славу.

...а невеста...

Небольшая пауза, чтобы набрать в легкие побольше воздуха. Но неожиданно раздался бас Алексея Михайловича:

Отно-сительно была мо-ло-дой!

Казалось, вот-вот треснут зазвеневшие оконные стекла. Сама Оля, раскрасневшаяся, вытирала платочком выступившие слезинки. Ребята спросили у Славы:

— Он артист у вас?

Вышли во двор покурить, ребята облепили Алексея Михайловича.

— Еще что-нибудь расскажите!

Упрямяться он не стал.

— А вот какая была у меня история. Скорее грустная, чем веселая. Ставили мы пьесу «В сиреневом саду». Я разучивал небольшую роль директора сада. Но артист, которому поручили роль молодого парня, жениха, должен был немедленно уехать из Верещагино. Что делать? Постановка срывается, а уже афиши расклеили... Подходит ко мне режиссер, Демин Петр Николаевич, говорит: «Тебе жениха играть!» А мне, ребята, пятьдесят девятый год пошел, я, конечно, отказываюсь, живот выпячиваю — куда, мол, с таким животом в женихи? Демин говорит: «А ты его обвяжи чем-нибудь!» Как ни противился, пришлось новую роль зубрить. Три дня ничего не ел, чтобы похудеть, пил только по рюмочке кваса. А живот, окаянный, не спадает. Тогда обвязал я его длинным полотенцем, надел черный парик и — на сцену. Те, кто в задних рядах сидели, так ничего и не поняли, думали, новый способный артист, появился. Закончилась пьеса, объявили состав действующих лиц, давай меня зрители на «бис» вызывать! Потом пришли ко мне машинисты за кулисы, говорят: «А где же твои седые волосы?» А поседел я, ребята, после крушения... Все в нашей жизни бывает, разные повороты судьбы... Но — это уж вовсе невесело пересказывать...

— А ты расскажи, как в «Женитьбе» слугу Подколесина играл! — попросил Владимир Михайлович. И сам же пояснил: — Талантливо играл, зал смеялся с превеликим удовольствием. Сколько раз «Женитьбу» Гоголя вы ставили? Уже после выхода на пенсию десять ролей разных сыграл, Дедом Морозом бессменным был...

— Мальчики! — крикнули из дома. — Вас приглашают на дамский вальс!

...Вскоре после свадьбы Славы в Верещагино поездом Красноярск — Москва приехал Саша. Явился к Алексею Михайловичу — раздавшийся в плечах, высокий, стройный, по-военному четко, с отданием чести, доложил о прибытии. Обнял Алексей Михайлович внука, проговорил восторженно:

— Вон ты какой стал!

— А вы, дедушка, все такой же, разве что седины прибавилось, — сказал задумчиво Саша.

— Обо мне — что говорить! «Я — как биография страны, ты — ее сегодняшнее счастье!»

— Ну... — смутился Саша. — Зачем так... высокопарно?

— А это не мои слова — поэта Михаила Светлова. Читал? Вам эти слова адресованы — нашей смене.

Николай Михайлович поздравил Сашу с окончанием службы и пошел домой — заказать телефонный разговор с сыном, сообщить ему о приезде Саши.

В субботу утром Эрнст выехал в Верещагино. Дорогой думал: «Кто его знает, вернется ли на электровоз? В армии, бывает, меняются у ребят привязанности, наклонности».

Саша Помыткин еще после восьмого класса собирался учиться на слесаря, чтобы позднее поступить на курсы помощников. Но родители, оба учителя, убедили закончить десятилетку. Саша часто бывал у деда, наслушался разговоров о паровозах, машинистах, с благоговением смотрел на орден Алексея Михайловича и почувствовал себя на седьмом небе, когда, наконец, поехал в первую поездку дублером помощника машиниста электровоза. В военкомате Саше дали отсрочку от призыва в армию, и это помогло ему до армии утвердиться в должности помощника.

...В воскресенье вечерней электричкой Эрнст возвращался домой. Сомнения его были напрасны. Саша пря-

мо заявил: «Погощу у родителей немного и — в Пермь, в депо. Соскучился по электровозу».

И снова то набегали, то отступали, то опять набегали, будто волны на морской берег, тревожные мысли.

А он за эти годы не соскучился по настоящей работе?

Слышал такие разговоры: идти, мол, инженеру на электровоз — значит, спуститься на пару ступенек ниже... Ступенек чего? Лестницы? Которая ведет к карьере, славе, почестям? Если уж брать во внимание такие понятия, то, пожалуй, машинисту не труднее добиться славы, чем рядовому инженеру. Но говорят же теперь «карьер», подразумеваемая под этим не эгоистические устремления, а творческий, профессиональный рост человека!

А к славе других Эрнст относился довольно снисходительно. Даже известность отца, лауреата Государственной премии, вселяла в него лишь глубокое уважение к энергии, настойчивости, целеустремленности рабочего человека. Копировать отца во всем, непременно самому стать лауреатом, — такой цели Эрнст никогда перед собой не ставил.

В годы юности, чего уж там, он попал под влияние друзей, собравшихся поступать на геофак, а потом, много позднее, понял: главное — найти свое место в жизни, применение своим способностям и — чтобы работа приносила моральное удовлетворение. Но разве не к этому всегда стремились отец, его братья? Выходит, что-то впитал он в себя от них! Да и не он один — Слава, Саша, сыновья Германа Михайловича, Владимира Михайловича.

Найдешь себя в жизни, и работа будет как веселая песня — счастливая и радостная. Тогда-то может и слава прийти? Пусть приходит...

А лестница — это миф. На железнодорожном тран-

спорте отчетливо видно, как стираются грани между рабочим и инженером. Идет машинист на работу, как в клуб или театр в воскресный день. Заработки? Каждый знает, что помощник машиниста зарабатывает больше инженера. Круг интересов? Уж ему-то, пропагандисту, хорошо известен духовный мир электровозников — те же интересы, что и у инженера. Уровень знаний? Сколько машинистов депо учатся! Сколько имеют среднее техническое образование! А такие инженеры, как Собиев, Третьяков, Лазченко, работают машинистами, и никто этому не удивляется. Наоборот, все знают: забросишь учебу — на твоём пути красный свет загорится.

...Так думал Эрнст, возвращаясь из Верещагино. В понедельник он пришел в кабинет начальника депо с листком бумаги, на котором аккуратным почерком вывел: «Заявление. Прошу перевести меня на должность помощника машиниста электровоза. В просьбе прошу не отказать. Инженер Э. Н. Каменских».

Начальник депо Геннадий Иванович Брусницын долго молча смотрел на Эрнста, словно понимая, что расспросы ни к чему. Потом сказал приглушенно:

— Твой непосредственный начальник Михаил Трофимович Балуев еще не был в отпуске. Кто его будет замещать? Молодой, неопытный инженер? Заявление заberi, и давай отложим этот разговор до осени...

Вскоре ранним утром Эрнст связался по телефону с Верещагино, кричал в трубку возбужденно:

— Папа, поздравь меня: сын родился! В нашем полку машинистов прибыло! А? Владимиром! Владимир Эрстович... Еле выговорил!

Начало июля выдалось солнечным, жарким. Горожане, истосковавшись по теплу, в субботу валом вали-

ли на станцию. Казалось, весь город решил выехать на природу — на перроне трудно было протолкнуться. Люди были обеспокоены одним — как попасть в электричку, занять место у открытого окна, и никто не обращал внимания на высокого человека в железнодорожной форме со значком ударника коммунистического труда. Он подождал, пока не уgomонятся самые нетерпеливые пассажиры, потом поднялся в тамбур, прислонился к стенке. Ехать недалеко — на следующей станции, Пермь-Сортировочной, надо выходить, там электровозное депо.

Евгений Михайлович зашел к дежурному по депо, получил маршрут с указанием номера электровоза, направился к локомотиву вместе со своим помощником Владимиром Владыкиным, невысоким коренастым парнем.

Пантограф уже был поднят. Машинист, готовивший электровоз к сдаче, сказал, поздравившись:

— Полный порядок, Евгений Михайлович, машина осмотрена!

Каменских и Владыкин поднялись в кабину, ждали, когда принесут документы на состав. В стеклах приборов играли веселые солнечные лучики...

— Зеленый выходной! — громко произнес Владыкин.

— Вижу зеленый выходной! — ответил Евгений Михайлович, посмотрел на стрелки часов — подарок министра, — дал протяжный свисток отправления, двинул рукоятку контроллера. Состав дрогнул, двинулся вперед, приближаясь к мачте светофора. Скорость все выше и выше... Показался перекидной мост в Курье, затем промелькнуло красное каменное здание школы в Мысах, потом, за поворотом, выросли корпуса Оверятского кирпичного завода...

Заметив, что машинист часто поглядывает на часы, Владыкин спросил:

— Никак, сына ждете?

И вот вынырнул стремительно мчащийся навстречу пассажирский. Две приветственные сирены слились воедино. Там, на левом крыле встречного, — Слава. Скоро он будет дома...

На днях Слава рассказывал, что он и его машинист Виталий Григорьевич Тюлькин приняли повышенные обязательства в честь пятидесятилетия образования СССР.

— Мы, — глаза Славы возбужденно блестели, — наловчились без тормозов ставить состав в установленные пределы. Вот и экономия электроэнергии! Идем под уклон — держим высокое напряжение, электроэнергия возвращается в сеть, опять экономия... Так что обязательства выполним!

«Толковый парень растет, наверняка будет хорошим машинистом!»

На душе было легко и радостно. Евгений Михайлович восхищенно смотрел на буйную зеленую озимь полей, необъятной ширью подступающих к железнодорожному полотну, на высвеченную солнцем листву деревьев, на синеющие вдали горы. Красиво-то как! А все это, вместе взятое, называется одним словом — ласковым и нежным — Родина!

И он запел, тихонько, вполголоса...

Владыкин повернул к нему лицо:

— Евгений Михайлович! У вас приятный голос, нельзя ли прибавить громкость?

— Можно!

Из кабины электровоза, навстречу новому дню, неслись слова хорошей песни:

С чего
начинается Родина?..

И свежий летний ветер тут же подхватывал песню,
нес ее на своих крыльях и ввысь, и вдаль:

А может, она начинается
со стука вагонных колес...
И с клятвы, которую в юности
ты ей в своем сердце принес?

*Пермь — Верещагино
1969—1972 гг.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Белый хлеб	3
В начале пути	45
Чистая совесть	110
Крепкие корни	178

Кузнецов Николай Николаевич
КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Редактор А. Соловьев
Художник Р. Исмагилов
Художественный редактор М. Тарасова
Технический редактор В. Чувашов
Корректор Л. Крамаренко

Фотографии В. Гусева

Сдано в набор 18. IX. 1972 г. Подписано в печать 9. XI. 1972 г. Формат бум. тип. № 2 70×108¹/₃₂. Бум. л. 3,375; печ. л. 6,75; усл. печ. л. 9,45; уч.-изд. 9,226 л. ЛБ02445. Тираж 10 000 экз. Цена 33 коп. Зак. 1425. Пермское книжное издательство, 614000 Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления по печати. Пермь, ул. Коммунистическая, 57

Кузнецов Н. Н.

Крутые повороты. Пермь, Кн. изд-во, 1972.

Книга рассказывает о династии потомственных железнодорожников Каменских со станции Верещагино Пермской области.

33 коп.

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1972